

Кафедра Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова

Геополитика

Информационно-аналитическое издание

Тема выпуска:

Сирия

Выпуск XV

Москва 2012 г.

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XV, 2012. — 110 стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова.

Главный редактор:
Савин А.В.

Научно-редакционный совет:
Агеев А.И., докт. эконом. наук
Добаев И.П., докт. философ. наук
Дугин А.Г., докт. полит. наук
Комлева Н.А., докт. полит. наук
Майтдинова Г. М., докт. истор. наук
Мелентьева Н.В., канд. философ. наук
Попов Э.А., докт. философ. наук
Черноус В.В., канд. философ. наук
Четверикова О.Н., канд. ист. наук
Альберто Буэла (Аргентина)
Тиберио Грациани (Италия)
Мехмет Перинчек (Турция)
Матеуш Пискорски (Польша)

© — авторы.
Адрес редакции:
РФ, 115432 г. Москва, 2-й Кожуховский пр. д 12, стр. 2
Тел./Факс (495) 783 68 66
Geopolitika.ru@gmail.com
www.geopolitika.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Геополитика сирийского конфликта	4
<i>Хаддад, Риад</i>	
Новая цивилизационная драма:поиски альтернатив . 13	
<i>Агамали Мамедов</i>	
Переформатирование политического пространства	
Ближнего Востока в неокOLONиальном контексте . . . 19	
<i>Александр Кузнецов</i>	
Кто вооружает свободную сирийскую армию? 27	
<i>Леонид Савин</i>	
Империя против Ирана и Сирии 32	
<i>Джунид Хан</i>	
Фактор анархии в Сирии 39	
<i>Итамар Рабинович</i>	
Умеренный ислам или U.S. soft power для мусульман?. 42	
<i>Леонид Савин</i>	
Теория секьюритизации	
в международных отношениях 47	
<i>Ольга Якушина</i>	
От Ливии к Сирии:	
война это рэкет, и была им всегда. 88	
<i>Джеймс Корбетт</i>	
Империя готовит «самострел»	
в Персидском заливе? 92	
<i>Карлос Риверо Койадо</i>	
Репортаж 100	
Сведения об авторах 108	

Геополитика сирийского конфликта

Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Сирийской Арабской Республики в РФ Риадом Хаддадом

— Господин Посол, как Вы оцениваете принятие последней резолюции Совбеза ООН по отправке наблюдателей в Сирию? Учитывая, что ООН зачастую используется как инструмент стран Запада для политической манипуляции, нет ли в данном случае риска — попасть под влияние определенных политических интересов?



Сирия согласилась на план спец. представителя ООН Кофи Аннана и приняла г-на Аннана на высшем уровне. Аннан был принят Президентом дважды. Г-н Президент обсуждал с ним содержание данного плана. В свою очередь г-н Президент выразил готовность Сирии к сотрудничеству с г-ном Аннаном и предоставлению всех необходимых условий для успешного выполнения его миссии. Сирия сделала все это, потому что хочет выйти из данного кризиса, хочет прекратить кровопролитие, хочет вернуть стабильность и безопасность стране и ее гражданам. В этой связи наш Президент неоднократно подтверждал, что он поддержит любые честные усилия, направленные на прекращение кровопролития и выход из данного положения.

Все мы знаем, что план Кофи Аннана содержит пункт, касающийся направления международных наблюдателей в Сирию и мы, в свою очередь, не только заинтересованы в этом, но и приветствуем их присутствие, потому что, в конце концов, они скажут правду, как это было и с нашими арабскими наблюдателями. Что касается второй части вашего вопроса о намерениях некоторых государств использовать инициативу г-на Аннана и наблюдателей в пользу своих заранее подготовленных планов, то для нас это не новость, а так же не новость для России и всех государств, которые следят за положением в Сирии объективно и нейтрально.

Да, существует ряд государств, естественно во главе с США, Францией и другими европейскими странами, а так же Турцией и целым рядом арабских государств, как Катар и Саудовская Аравия, которые делают все возможное и невозможное для того, чтобы провалить план Аннана. Они даже заявили о провале данного плана еще до начала его выполнения. В дополнении к этому, эти государства наглым образом и в

открытую финансируют и вооружают тех, кого они называют оппозицией, и эта оппозиция постепенно превратилась в вооруженные террористические группировки, которые занимаются терроризмом во всех его проявлениях, убивая мирных граждан, представителей правопорядка и армии, захватывая детей, женщин, молодежь, требуя выкуп, нападают на государственные учреждения, совершая грабежи, перекрывают жизненно важные дороги и магистрали.

Вот, представьте себе, эти группировки называют мирной оппозицией. В то же время их финансируют, вооружают и освещают её деятельность в СМИ. Все это противоречит сущности плана спецпредставителя ООН, который требует от всех сторон прекратить боевые действия и сесть за стол переговоров. Отсюда видим, что все заявления ранее упомянутых государств о том, что они поддерживают план Аннана – ложка чистой воды. На деле они прилагают все усилия для того, чтобы провалить план и перейти на следующий этап их программы и заранее приговоренного проекта против Сирии и её народа.

— Россия и Китай критиковались многими странами, которые выступали за немедленную отставку Президента Башара Асада? Как вы охарактеризуете роль этих стран в вопросе конфликта в Сирии?

Мы искренне благодарны и признательны Российской Федерации и Китаю за их позиции в отношении кризиса, происходящего сейчас в нашей стране. Эти позиции, основанные на глубоком понимании событий, происходящих в Сирии, а так же осведомленности о силах, вовлеченных в заговор против Сирии. Позиции России и Китая исходят из соблюдения этими странами норм международного права и устава ООН. По сути своей эти позиции не поддерживают Президента Башара Асада как человека, но поддерживают Сирию как суверенное независимое государство, а г-на Башара Асада как Президента, избранного народом этого государства и поддерживающим его. А если наш народ не захочет видеть его на президентском посту, то никакие силы не помогут ему удержаться. Он, повторюсь, Президент, избранный народом Сирии и большая часть этого народа поддерживает его и выступает за него. Что касается заявлений и позиций ряда государств, а также упреков в адрес России и Китая относительно их позиции за сохранение политического режима в Сирии, а Башара Асада во главе этого режима, то, в этой связи, могу сказать, что подобные заявления не достойны даже внимания и не отражают ответственности и понимания ситуации. Ярким примером является комментарий Министра иностранных дел РФ г-на Сергея Лаврова на этот счет. В этой связи я вспоминаю ответ Академика Маркова,

Ректора Российской государственной экономической академии имени Плеханова, адресованный Министру иностранных дел США г-же Хиллари Клинтон: «Стыдно называть Президента Башара Асада диктатором... Он один из самых выдающихся лидеров Ближнего Востока с точки зрения либеральности и прозрачности, он избрал медицинскую профессию для служения людям и это говорит о многом».

— Ряд экспертов и наблюдателей обвинили страны НАТО, а также их союзников в регионе Ближнего Востока (Катар, Саудовская Аравия) в нагнетании обстановки вокруг Сирии и попытки проведения ливийского сценария. Очевидно, что этот сценарий не удался, однако каким может быть дальнейшее развитие событий, направленных против Сирии?

Да, эти страны, во главе с Катаром, Саудовской Аравией, Турцией и НАТО приложили все усилия и предприняли все возможные попытки направленные на создание условий, которые помогли бы им выполнить ливийский сценарий, но, как вы видите, их попытки сошли на нет. Именно это подтолкнуло их заявить воткрытую о вооружении и финансировании террористических группировок.

Что до того, как будут развиваться события, то, я считаю, что, первым делом, эти страны будут работать над тем как провалить план Коффи Аннана и будут пытаться подтолкнуть ситуацию в сторону углубления и расширения круга насилия, убийств и диверсий, а так же увеличения роли СМИ в предоставлении заведомо ложных сведений и упреков в адрес режима и армии в том, что они заинтересованы в провале миссии Аннана и ответственны за эскалацию насилия, надеясь вывести ситуации в сферу рассмотрения с гуманитарной точки зрения и впоследствии будут требовать создания безопасных коридоров для предоставления якобы гуманитарной помощи, а на самом деле для перевозки шпионов «Аль-Каиды» и подобных группировок и оружия в целях контроля Сирии изнутри.

Это то, чего они хотят. Но, возникает вопрос: смогут ли они это сделать? Преуспеют ли они в этом? Тут вопросов море, но, я с уверенностью могу подтвердить, что народ Сирии понимает все, что происходит, а так же хорошо знает, чего хотят добиться те страны, но своим сознанием, сплоченностью и единством сможет провалить их планы, как это и происходило с начала событий.

— В отношении Сирии говорят о риске так называемой «левантизации», т.е. дроблении общества по религиозным и этническим признакам, в том числе и в связи с влиянием радикального ислама. Как удастся преодолеть данную опасность на настоящем этапе?



С самого первого дня нынешнего кризиса они пытались подтолкнуть развитие событий к конфликту на межконфессиональной и межрелигиозной почве. Пытались так же посеять ненависть и раздор в гражданах путем убийств и нападения на гос. учреждения. Но, тут я могу сказать, что сознание нашего народа всегда было и есть велико, даже больше, чем мы предполагали. Естественно имели место быть отдельные действия и реакции, но это единичные случаи, которые не приобрели массовый и межконфессиональный характер. Это говорит о том, что доля сознательности и культура нашего общества велики. Народ начал разоблачать опасную сущность идеалов радикализма и салафизма и их опасность для всех религиозных слоев, единства и безопасности страны.

— Турция в своей внешнеполитической доктрине официально следует правилу «не иметь проблем с соседями». Однако события показали, что это не так. Почему на Ваш взгляд это произошло? Есть ли здесь влияние курдского вопроса или Эрдоган идет на поводу у Вашингтона, как считает турецкая оппозиция?

Я полностью уверен, что в основе позиции Турции нет места курдскому вопросу в отношении нынешнего кризиса в Сирии. Поверьте, что и безопасность, и стабильность, и благополучие в регионе охватывает и курдов, потому что мы все уверены, что эти элементы, т.е. безопасность

и стабильность, помогают найти решение всех проблем в регионе, в том числе курдского вопроса.

Проблема заключается в том, что турецкое правительство, как говорит турецкая оппозиция, полностью действует по указке американцев и служит их интересам, а мы, в свою очередь, говорим: «на Ближнем Востоке не существует американской политики, но существует израильская политика, выполняемая США...», те события, которые происходили в нашем регионе в прошлом году, выявили, что Турция является инструментом для выполнения и реализации американской политики в нашем регионе.

Сирия отставила в сторону и забыла все проблемы между Дамаском и Анкарой, сложившиеся со времен Османской империи, заканчивая эпохой Ататюрка, и пошла на встречу для того, чтобы начать новые отношения с Турцией с белого листа. В этой связи были открыты границы между двумя странами, а так же не только сирийские, но и арабские рынки перед турецкими товарами, призвав к сотрудничеству во всех сферах вплоть до решения всех существующих проблем в регионе самим народом этого региона без вмешательства извне. Все, что было сделано в этом направлении, поверьте, служит экономическим и политическим интересам нашей соседней страны Турции....Несмотря на все, что было сделано в этом и других направлениях, нынешнее правительство игнорировало всё, оно даже пошло против своих интересов и подчинилось американо-израильским планам.

Говорят, что Турция, видимо, стремится восстановить былое величие Османской империи и хочет стать лидером в регионе. Это возможно только в одном случае, если Сирия будет стерта с лица земли, Сирия – носитель арабских идеалов и плана объединения арабов, Сирия, которая обладает всеобъемлющими арабскими программами в регионе. Однако, американо-израильский план в регионе охватывает и Турцию... Тут, хочется верить, что г-н Эрдоган, ознакомился с планом британского востоковеда Бернарда Льюиса, который подготовил подобный план 1987 г. под руководством Бжезинского, в котором подтверждается необходимость перераспределения государств исламского мира, в первую очередь Турции, Саудовской Аравии, Пакистана, Ирака и других государств. Поверьте мне, американская политика, которую реализует г-н Эрдоган, не служит интересам Турции и её роли в регионе и исламском мире.

— Вы упомянули Израиль. Но на данный момент на израильско-сирийской границе соблюдается стабильность, а при эскалации конфликта Израиль может пострадать одним из первых, следовательно, логичней для Израиля было бы заботиться о безопасности.

Сирия – это практически единственное государство, которое держит флаг сопротивления, а также сотрудничает, дружит и поддерживает со всеми организациями сопротивления в регионе, в том числе ХАМАС в Палестине и Хизбалла в Ливане. Это, конечно, противодействует политике и Израиля и США в регионе. Они решили, что с помощью быстрой смены власти в Сирии они смогут в течение одного месяца поставить там своих людей. Но события показывают обратное. Прошло более года и ничего не произошло. Председатель Сирийского Национального Совета, чья конференция недавно прошла в Турции, Бурхан Гальюн объявил, что как только он станет президентом Сирии, все отношения с Ираном и Хизбаллой будут разорваны, а вместо этого будет оформлен договор с Израилем. Один из членов НСС Басмад Хозмани даже поехала в Израиль и встречалась там с руководителями этой страны для переговоров. Но все, что происходит на самом деле, идет не так, как они хотят. Следовательно, они обеспокоены этим процессом, так как им не получилось сменить власть, и они ищут другие способы.

— *Ранее, в XX веке, поговаривали о геополитическом проекте Великой Сирии, связывая с этим различные идеи объединения региона. Есть ли сейчас нечто подобное?*

В данный момент таких идей не существует, да и раньше в сирийском обществе их не было. У нас есть партия социалистического возрождения Сирии и одна из ее целей – это объединение всех арабских стран. Она пыталась осуществить это проект, и Сирия распространяла идею солидарности между всеми арабскими странами через экономические и политические связи, основываясь на идее общей арабской культуры и языка. В свое время Президент Сирии Хафез Асад объявил об идее сближения арабских государств между собой, потому что у нас много общего. Но о Великой Сирии даже не говорилось среди партий.

— *Т. е. сейчас более актуальны вопросы интеграции?*

Да, это вопрос политической, экономической и общественной интеграции по типу Евросоюза, но Евросоюз слаб, потому что там нет общего языка и культуры, а у нас все это есть.

В контексте глобальных политических изменений и международных отношений, возможно, что в будущем будет создан некий полюс арабского мира?

Вы видите, что ряд арабских стран сейчас настроены против Сирии. Весь Персидский залив проводит политику против нашей страны. И

вопрос стоит о тех событиях, которые там происходят. Что касается будущего, я считаю, что на данный момент нецелесообразно думать о каком-то объединении.

Внешние силы, в первую очередь США, очень заинтересованы в том, чтобы сохранять раздробленность государств региона, хотя в Латинской Америке удалось преодолеть внешнее влияние и прийти к пониманию необходимости совместных усилий для выработки международной политики.

Именно так, они хотят сохранить и, в первую очередь, ослабить Сирию, чтобы она была обеспокоена только внутренними проблемами. Так как Сирия была единственной страной, которая противостояла политике США в регионе. Например, в 2006 г., во время нападения Израиля на юг Ливана, Сирия приняла решение сотрудничать и поддерживать только движение сопротивления. Поэтому США не смогли осуществить свой план в регионе по созданию Большого Ближнего Востока. В 2008 г., когда израильтяне напали на Сектор Газа и уничтожили там много инфраструктуры, Сирия опять приняла решение о поддержке ХАМАС. И очаг сопротивления выдержал, а Израиль и США не смогли его сломить. В свое время, когда США в 2003 г. напали на Ирак, госсекретарь Колин Пауэлл приехал в Сирию и сказал господину Президенту Башару Асаду, что «мы уже рядом в Ираке, следовательно, Сирии нужно подчиниться, либо США нападет и на Сирию». Но его требование вместе со всеми пунктами было отвергнуто.

— *Западные СМИ критикуют Иран за поддержку Сирии, в том числе отмечают участие корпуса стражей защиты Исламской Революции Ирана в сирийском конфликте. Расскажите, пожалуйста, о текущих взаимоотношениях Сирии и Ирана.*

Всем известно, западные страны критикуют Иран давным-давно, даже до начала событий в Сирии... Почему они критикуют Иран? Потому что у него есть свой национальный план, потому что Иран стремится быть крепким государством, обладающим всеми орудиями сопротивления против израильской оккупации арабской земли и священных исламских мест. Иран поддерживает нашу страну, потому что Сирия стоит на стороне сопротивления, на стороне борьбы палестинского народа за возвращение своих прав и оккупированных земель.

Да, мы не скрываем наши отношения с Исламской Республикой Иран, наши отношения крепки и не только, мы стратегически стоим бок о бок против всех попыток насаждения американско-западной гегемонии в нашем регионе, вместе стоим против израильской оккупации

в регионе, поэтому не удивительно, что Запад и Америка нам противостоят и воюют с нами путем введения экономических санкций и разрыва дипломатических отношений, а так же, что важно, путем поддержки террористов в Сирии, потому что, поверьте мне, ослабление Сирии – это ослабление Ирана и наоборот.

Что касается присутствия представителей иранской гвардии в Сирии, то это ложь чистой воды, направленная на разжигание межконфессиональной и межрелигиозной розни в Сирии и во всем регионе. Повторюсь еще раз, что это ложь и, если у кого-то есть данные, подтверждающие этот факт, то пусть предъявит их.

— Россия увеличила свое военное присутствие у берегов Сирии, а недавно осуществила продажу военной авиатехники Вашей стране. Расскажите о военно-научном сотрудничестве Сирии и России, а также дальнейших перспективах.

Сирийско-российские отношения исторические и традиционные, прошли испытание временем, основанны на дружбе, взаимоуважении и служат интересам обеих сторон... Сирия, как вы знаете, годами покупает советское, а теперь российское оружие, поэтому подавляющее большинство оружия сирийской армии российского производства. Оружие, которое было поставлено в прошлом году в Сирию – результат соглашения по данному вопросу, подписанного двумя сторонами в 2007г., поэтому сейчас идет процесс выполнения данного соглашения. Что я хочу сказать: в этой связи, немаловажно, что все оружие, поставляемое Россией в Сирию, служит оборонительным целям для обеспечения безопасности Сирии от израильского или любого другого агрессора. Россия продолжит сотрудничество с Сирией в этом направлении не в ущерб международному праву и уставу ООН, а Россия, как мы знаем, соблюдает все международные конвенции. В дополнение к этому могу сказать, что у нас тысячи сирийских технических кадров, которые получили образование в ВУЗах СССР и России, а в настоящее время около 3000 сирийских студентов проходят обучения в Российской Федерации, не говоря уже о десятках тысяч смешанных браков, поэтому могу сказать, что перспективы научно-технического сотрудничества между Сирией и Россией велики... Мы, в свою очередь, будем стараться расширять данное сотрудничество, чтобы оно охватило все возможные сферы, в том числе экономическую и культурную.

— На референдуме в Сирии народ высказался о различных реформах политической системы страны. Как будут они проводиться и в какие сроки?

Есть ли жесткие рамки или будет проходить корректировка в ходе процесса реформ?

Сирийский народ хочет и поддерживает реформы, которые были объявлены нашим Президентом Башаром Асадом, реформы, охватывающие экономическую, политическую, культурную, информационную и другие сферы, реформы, которые заложили правовую основу для строительства новой, современной Сирии – наиболее демократичной страны не только в регионе, но и во всем мире. В этой связи хотел бы подчеркнуть, что в мае будут проводиться парламентские выборы при участии всех партий как новых, так и старых, общей численностью 15 партий... Естественно, после оглашения результатов выборов будет сформировано новое правительство и будут распределены все политические силы в парламенте... Мы ждем согласия всех национальных политических сил на проведение национального диалога... Надеемся, что это произойдет в кратчайшие сроки. Так же надеемся, что все сирийцы найдут общий язык и придут к соглашению, которое приведет к укреплению национального единства, а так же заложит правовую, идеологическую и политическую основы для будущего новой Сирии, которую мы все вместе стремимся построить.

— Будут ли у Вас пожелания для наших читателей?

Я благодарю всех читателей вашего издания за проявленный интерес к нашей стране. Всё, чего я хочу, это призвать к объективности и точности в анализе происходящего и сдержанности в стремлении узнать правду и не поддаваться дезинформации, порождаемой СМИ и нацеленной на последовательное разрушение разума, что приведет, в конечном счете, к уничтожению государства, нации и культуры.

Благодарю Вас и желаю всем благополучия, успехов в работе и личной жизни. В заключение хотел бы поздравить всех с Днем Победы!

Искренне Ваш.

Д-р Риад Хаддад

Чрезвычайный и Полномочный Посол САР в РФ

Беседовал Леонид Савин

Новая цивилизационная драма: поиски альтернатив

Агамали Мамедов

Есть устоявшаяся легенда, бытующая среди журналистов и политологов, что на вопрос о значении Великой французской революции в Париже Дэн Сяопин ответил, что-де слишком мало — всего 200 лет прошло и рано давать какие-то оценочные характеристики. Наверное, Дэн Сяопин имел на это право (что дозволено Юпитеру), но мы, проживая в иной системе профессиональных и культурных координат, не можем себе позволить той степенной неторопливости, а должны «ухватить мерцающую реальность» в понятиях, категориях и иных рациональных схемах.

Панорама определений и разнообразных характеристик событий на Ближнем Востоке весьма широка: от исламских революций до заговора неких таинственных внешних сил. Как говорил Боб Гейл, автор книги «Назад в будущее», не надо во все это верить, это надо знать, это надо понять. На наш взгляд, мир уже давно и обреченно шел к великому цивилизационному переделу (перелому), Ялтинская схема мироустройства уже, в силу множества причин, не отвечала реалиям социального, а, следовательно, и политического развития мира. Появились новые вызовы времени, демографические, экономические, религиозные и, прежде всего, цивилизационные.

Поэтому любая упрощенная односторонняя схема будет неверной, т.к. не будет раскрывать всей системности, полноты и масштаба событий (пока назовем это событиями) на Ближнем Востоке, а следовательно мы так и не извлечем уроков, хотя и говорят, что история учит тому, что ничему не учит.

Далее выводить единую линейную цепочку технологий, сработавших на всем Ближнем Востоке не получается, ибо события в Сирии, и в богатой нефтью Ливии имеют ряд существенных отличий, и объединить их удастся не всегда. И надо ли?

Главное, на наш взгляд, понять, что это не только срабатывание «принципа домино» и действий внешних сил (управляемый хаос). Налицо проявление синергетического эффекта, резонанса множества кризисов, совпадающих во времени и пространстве, т.е. в некоем хронотопе, когда сошлись геополитические, макроэкономические, социальные и иные факторы.

В первую очередь, это общемировой кризис породил своеобразную и еще неосознанную «кризис-матрешку», когда решив один уровень кризиса, мы натакакиваемся на второй и т.д., пока не поймем, что кризис — это, к сожалению, неотъемлемый элемент развития современной цивилизации, основанной на воспроизводстве «одностороннего человека» (Г. Маркузе), с его упрощенческим экономическим пониманием всей социальной жизни.

Уход социализма с мировой арены породил в умах некую наивную модель гомоморфного линейного развития мировой цивилизации, без конвергенции и инновационных социальных технологий. Западный мир и не заметил, что вместо социализма в качестве альтернативы появились иные «молодые» идеологические антиподы в лице постмодернизма, фундаментализма, нового национального радикализма, экстремизма и т. д. И дело здесь даже не в заполнении «идейного вакуума», а в том, что гедонистическая цивилизация, ставящая во главу угла удовольствие, комфорт и наслаждение, не может не породить фундаментализм, экстремизм, радикализм и т.д., которые возникают, в первую очередь, как реакции на «усталую цивилизацию». Но современная (чувственная) цивилизация сталкивается и с иными, не менее острыми, ограничителями: сужением рынков сбыта и, главное, сырьем.

И вот сейчас на Ближнем Востоке, по сути, решается вопрос о конце нефтяной эры, нефтяной цивилизации. Идея о ближайшем в историческом плане конце нефтяной эры, что разумеется, не является «секретом полишинеля», надо полагать, будоражит не только европейские умы, но и местный ближневосточный истеблишмент, который требует «иного справедливого» передела существующего нефтяного богатства. Возникают, как следствие, многочисленные альтернативные парадигмы перераспределения, но, в большинстве своем, они (парадигмы) опираются на базовые фундаментальные исламские ценности — равенство и справедливость.

В связи с этим возникает вопрос о ценностях и направленности научного тренда, которая в постмодернити, по сути, замкнулась в себе и стала наукой для науки. Весь мир социальными потрясениями расплавляется за научно-технической застой (а он, в первую очередь, выгоден нефтедобывающим корпорациям), который привел в том числе и к архаизации политической жизни. Динамизм экономической сферы удивительно соседствует с трайбализмом, клановостью и закостенелостью социума. Появилась колоссальная диспропорция в творческом потенциале молодежи (она составляет значительное большинство населения на Ближнем Востоке) и возможностями ее легальной реализации. Помимо этого, значительная часть молодежи получила хорошее

западное образование и приобщилась к иным, динамичным культурным ценностям. Политически же элита этих стран не учла этого драйва, изменившихся трендов в общественном сознании, неизбежность диктаторских режимов казалась им лучшей гарантией от «ветров перемен», автаркия противостояла динамике, как единственная ценность.

Существует некий стереотип, что диктатуры бывают как правило националистическими, либо жестко религиозными, либо социалистическими, но, на самом деле, практически весь Магриб и, более того, вся Северная Африка представляют собой, за небольшим исключением, как раз либерально-демократические прозападные диктатуры, которые были строго ориентированы, по сути дела, на сдерживание исламского фактора и, если говорить про XX век, — советского фактора. Они поддерживались и серьезно (во всех смыслах) подпитывались Западом. Эти режимы за последние 20-30 лет, конечно, выполнив свою историческую функцию, сдержав рост «левых» движений, пришли в состояние полной стагнации.

Американцы в последние десять лет пришли к выводу, что необходимо заняться плотнее демократизацией этого региона, то есть осуществить переход от западных авторитарных диктатур к той изменившейся реальности, что Запад считает «новыми типами демократии», новой дорожной картой Ближнего Востока.

Но, носителем, или формой трансляции этих движений является исламский фундаментализм, который точно так же был под прессингом прозападных диктатур, как и сами демократические движения. То есть, демократия и фундаментализм, как ни парадоксально, идут рука об руку в свержении авторитарных консервативных диктаторов. Что интересно, Запад ставит только на одну из этих составляющих. Запад надеется, что на место, скажем, диктаторской либеральной демократии придет более «народная» демократия, более современная, менее коррумпированная, менее клановая. Но это далеко не факт (Ливия, Ирак). Важнейшей составляющей всех движений является исламский фундаментализм. Запад, убежденный своими СМИ, ожидает реальных демократических перемен в арабском мире, с этим связано общее «мейнстримовое» ожидание, а на самом деле мы вначале столкнемся с очень необычным симбиозом демократических и религиозных движений, что наводит на параллели с Европой 16-17 вв.

Дело в том, что силы исламского фундаментализма в исламских странах гораздо сильнее, чем структуры западного демократического гражданского общества. После того, как откроются шлюзы и выпустят внутреннее напряжение на свободу, мы станем свидетелями конкуренции двух сил — исламской и прозападной. В определенном смысле ислам,

помимо всего, зачастую является единственным для этих стран серьезным каналом и кодом социального диалога. Неразвитость институтов гражданского общества порождает новую религиозную монополию на форму выражения социальных ожиданий. Вместе с тем, мы являемся свидетелями слияния двух потоков: становление национальной арабской идентичности и исламского цивилизационного пространства. Идут сложные интеллектуальные поиски сочетания национальной и религиозной идентичности, поиски «особого» пути развития, особой, иной демократии в рамках исламской цивилизации.

Исламская цивилизация предложила человечеству принципиально иную модель мирового порядка, основанную на трансцендентной воле, подчиняющей человека. Коллективистская ценность семьи, рода, племени или этнической общности, общественная солидарность и индивидуальное самоограничение здесь ставятся гораздо выше прав и интересов отдельной личности. На мусульманском Востоке интуитивное (чувственное) восприятие мира доминирует над рационалистическим подходом, характерным для Запада. Для арабской ментальности, рожденной и устоявшейся на открытых всем ветрам афроазиатских просторах, присуща имманентная любовь к сильному вождю, способному удерживать народ в многоликом этническом котле. Если на Западе президента избирают на основе демократической процедуры, то на мусульманском Востоке считают, что правителем может быть избран лишь тот, кто признан и призван народным волеизъявлением, причем процедуры этого волеизъявления могут варьироваться весьма широко. Мировые (западные СМИ) заполнены угрозами радикального исламизма и экстремистских исламских организаций. Но забывается, что ислам на Ближнем Востоке воспринимается населением, в первую очередь, как форма, причем единственная, сохранения своей идентичности в условиях «мерцающей реальности» глобализирующегося мира. В связи с этим меняется и расклад новых геополитических акторов, где вместо ставших уже традиционными США и Европы активную роль играют Россия, Китай, Иран, Турция и другие новые акторы, недовольные или хотя бы несогласные с однополярным миром.

В своем шоу на «Фокс Ньюс» Глен Бек заявил, что ожидает изменения расстановки сил в мире. Первая — это Исламский халифат, который будет контролировать Ближний Восток и часть Европы. Вторая — это Китай, который поставит под свое влияние Восточную Азию, Южную Африку и, возможно, Австралию и Новую Зеландию. А третья — это Россия, которая утвердится на постсоветском пространстве.

Таким образом, меняется и геополитическая расстановка сил, существенное влияние на регион оказывают страны не обремененные

«колониальной памятью» (например, Китай), проявляющие антиглобалистскую солидарность (Россия, Китай, Иран), а также декларирующие единство исламских геополитических ориентиров (Турция, Иран).

Реальным считает возрождение политического единства исламского мира Джоэл Ричардсон, который отмечает в статье «Что будет дальше на Ближнем Востоке?» в «Word Net Daily», что главной опасностью является создание коалиции между Ираном, Турцией и новыми демократически-исламистскими правительствами. Хотя этот союз и не будет называться халифатом, но в случае его заключения мусульмане ближе всего подойдут к возрождению халифата за 80 лет. В таком случае, мы имеем дело не с ливийской или сирийской революцией, а, прежде всего, с новым цивилизационным переломом, и изменением привычной картины мира.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что ближневосточные события (революция, беспорядки, волнения и т.д.) имеют системный масштабный характер, отражающий:

Мир все больше осознает ущербность гедонистической цивилизации, идут поиски идеократических обществ.

Однополярный мир утрачивает свой потенциал, ибо не отвечает динамике современных процессов.

Бурный демографический рост на Ближнем Востоке, а следовательно, появление значительного молодежного слоя, не может долгое время ужиться с отжившими, устаревшими политическими структурами.

«Глобальная деревня» управляется уже иными коммуникационными институтами. Интернет-пространство создает новое поле для социальных технологий, возникает технология «опосредованной виртуальной агрессии».

Общество становится все более сложным, оно не сводимо лишь к каким-то простым одномерным измерениям и требует другого системного управления, нежели непотические и трайбалистские элиты с их коррупцией и закрытостью.

Утратили свое былое значение различные международные институты. Складывается ощущение, что мы вернулись к временам Фридриха II: «Когда я хочу захватить какую-то провинцию, я ввожу в нее войска, а потом уже мои историки докажут, что провинция эта должна была принадлежать нам с незапамятных времен». Оправдывается любая агрессия, любое нарушение суверенитета, поэтому необходимо находить новые нетрадиционные пути институализации конфликтов, как-то межконфессиональные ассамблеи, молодежные форумы и т.д., способные противостоять диктату сильных стран

Социальная справедливость, вернее, ее требования, всегда будет катализатором социальных волнений, будь то Уолл Стрит или Мисрата. Поэтому мир должен находить альтернативные, принципиально иные социальные технологии.

Литература:

The Middle East in Global Perspective // Carnegie Moscow Center. 14/4/2010 – Beirut / <http://www.carnegie.ru/events/?fa=show&id=2854>

Бадран Т. Мир без Америки = Россия на Ближнем Востоке // International expert Center for Electoral Systems, 26 мая 2010 / <http://www.elections-ices.org/russian/publications/textid:4988/>

Бак Т. Ближний Восток: туманные перспективы // Financial Times, 24 февраля 2011 / www.inopressa.ru

Исаев Г. Что такое «Ближний Восток»? // Информационный портал «Полярная звезда». 19 мая 2009 / <http://zvezda.ru/geo/2009/05/19/middleeast.htm>

Итоги недели // Информационно-аналитический портал «Геополитика». 23 апреля 2011 / <http://geopolitica.ru/Articles/1223/>

Как не нужно продвигать демократию в Египте // «The Washington Post», США. 25 февраля 2011.

Кому выгодны революции на Ближнем Востоке. Информбюро «Восток-Центр» // Общественно-политический журнал «ЗНАТЬ». 11 марта 2011 / <http://www.znat.ru/165-revolutions.html>

Ливни Ц. Кодекс для молодых демократий Ближнего Востока // The Washington Post, 24 февраля 2011 / www.inopressa.ru

Феррари А. Лихорадка на Ближнем Востоке: сбить температуру трудно, регион в опасности // Corriere della Sera, 26 января 2011 / www.inopressa.ru

Филатов С. Ближний Восток: «Идеальный шторм» // Информационный портал «Русский обозреватель». 1 марта 2011 / <http://www.rus-obr.ru/ru-web/9913>

Переформатирование политического пространства Ближнего Востока в неокOLONIALном контексте

Александр Кузнецов

В последнее время появляется все больше аналитических и научных статей, посвященных фундаментальным политическим изменениям, происходящим, начиная с 2011 года на Ближнем Востоке и получившим название «арабской весны». По мнению автора данной статьи, эти политические изменения имеют глубокие внутренние причины. Они объясняются, во-первых, исчерпанностью существовавших до этого в регионе политических проектов (либеральных, социалистических, националистических). Во-вторых, глубоким недовольством арабских народных масс сложившимися авторитарными режимами, в рамках которых все важнейшие политические решения принимались в кругу пары десятков олигархов, зачастую приходившихся родственниками друг другу. В этом смысле необходимо решительно не согласиться с мнением тех, кто считает происходящие революции результатом «заговора» ЦРУ США или консервативных монархий Персидского Залива. Вместе с тем, революционные изменения, происходящие в арабских странах, были использованы некоторыми внешними акторами для достижения своих далеко идущих целей. Одной из этих целей является уничтожение суверенитетов крупных арабских государств для создания в регионе ситуации «управляемого хаоса». Подобные планы вписываются во внешнеполитическую стратегию, проводимую в регионе западными державами с начала двадцатого века.

Начало формирования суверенных государств на Ближнем Востоке было положено англо-французским соглашением Сайкс-Пико 1916 года (названо так по имени британского министра иностранных дел Р.Сайкса и министра иностранных дел Франции Ф.Пико). Основной целью соглашения было разграничение сфер влияния Великобритании и Франции в регионе после неизбежного поражения Османской империи в Первой Мировой войне. Интересно, что именно в тексте этого соглашения впервые в мировой дипломатической практике появляется термин «Ближний Восток». В качестве научного понятия он впервые был применен в 1902 году американским геополитиком адмиралом А.Мэхеном¹ [5;224].

¹ Fromkin D. The peace to end all peace. London. Tauris, 2006. P. 222.

Английское вмешательство в дела Арабского Востока началось в 1915 году, когда резидент британской разведки Г.Т.Лоуренс (Лоуренс Аравийский) направлял восстания арабских племен, направленные на ослабление Османской империи. Интересно, что сам Лоуренс считал необходимым создание единого общеарабского государства под эгидой авторитетной арабской династии Хашимитов, но руководители и разработчики британского внешнеполитического курса думали по-иному¹. Создание государства под руководством Хашимитов, потомков Пророка Мухаммада, контролировавших в то время священные для мусульман города Мекку и Медину, представлялось им слишком рискованным с точки зрения появления могущественной политической силы, способной в будущем конкурировать в регионе с Великобританией. В связи с этим был взят курс на дробление региона и создание ряда мелких государств.

Осуществление этого плана показано в книге английского историка и юриста-международника Дэвида Фрумкина «Мир, который покончил со всеми надеждами на мир» (The peace to end all peaces). В 1915 году англичане поддерживали кандидатуру главы рода Хашимитов эмира Хусейна на пост главы объединенного арабского государства, однако уже в 1916 году их позиция изменилась. По соглашению Сайкс-Пико, Сирия отошла во французскую зону влияния (территория французского мандата). В 1920 году французские войска бесцеремонно вытеснили сына Хусейна эмира Абдаллу из Дамаска². В 1922 году племена бедуинов во главе с кланом аль-Саудов захватили Мекку и Медину, вытеснив оттуда принца Фейсала, сына Хусейна. Следует отметить, что в отличие от Хашимитов, пользовавшихся безусловным религиозным и политическим авторитетом в арабском мире, клан аль-Саудов воспринимался в то время в качестве выскочек и предводителей разбойничьих шаек. Их имидж не становился лучше и от покровительства ваххабизму, воспринимавшемуся в то время исламскими религиозными авторитетами как тяжкая ересь. Англичане позволили армии аль-Саудов оккупировать Мекку и Медину, находившиеся в подданстве их формального союзника. Фейсал стал по договоренности с английскими властями королем Ирака, а его брат Абдалла получил в управление Иорданию. Тактику невмешательства британский премьер-министр Дэвид Ллойд-Джордж объяснял это тем, что «Аравия слишком засушливая страна, чтобы держать в ней постоянную армию». Кроме того, в то время еще ничего не было известно об огромных запасах нефти, находящихся на Аравийском полуострове³. Однако главной причиной такого внешнеполитического курса английских властей было намерение продолжить дробление арабского

1 Lawrence H.T. The seven pillars of Wisdom. N.Y., 2005. P. 120

2 Fromkin D. The peace to end all peaces. London. Tauris, 2006.

3 Ibidem

пространства для того, чтобы сделать монархов новых государств более послушными и управляемыми.

Необходимо отметить, что в 1925 году аль-Саудами было создано новое государство — королевство Саудовская Аравия (уникальный случай, когда страна названа по имени правящей династии). Сразу же после обнаружения на ее территории значительных запасов нефти эта страна попала в орбиту американского влияния. Стратегическое партнерство между двумя государствами при подчиненной роли Саудовской Аравии было зафиксировано еще в феврале 1945 году в Пакте «Куинси». Этот договор назван по имени американского крейсера «Куинси», на борту которого он был подписан между американским президентом Франклином Рузвельтом и саудовским королем Абдель Азизом бен Саудом. В нем Соединенные Штаты обязуются защищать безопасность Саудовской Аравии в обмен на фактический контроль за ее внешней и оборонной политикой¹.

Кроме того англо-французский колониальный раздел Ближнего Востока заложил ряд мин замедленного действия в территориальном делении региона. Так провинция Хатай, населенная арабами и исторически относящаяся к Сирии, отошла к Турции, согласно Севрскому договору 1921 года, что положило начало почти столетнему территориальному спору².

К числу таких мин замедленного действия относится и поощрение еврейской иммиграции в Палестину, заложившее основу для последующего создания государства Израиль и непрекращающегося до сегодняшнего дня арабо-израильского конфликта. По мнению Д.Фрумкина, британские правящие круги, принимая в 1917 году декларацию Бальфура о поощрении еврейской иммиграции в Палестину, стали жертвой распространенного в то время мифа о «всемирном еврейском заговоре». Делая уступку сионистскому движению, они намеревались создать себе благоприятный имидж у финансовых кругов еврейской диаспоры³. При этом не учитывалась как негативная реакция арабов на иммиграцию, так и противодействия британских колониальных властей в Палестине, организовывавших антиеврейские восстания и погромы. В целом можно согласиться с исследователем в том, что «решения Версальской и прочих мирных конференций, подводящих итог Первой мировой войны были сделаны с плохим знанием истории и культуры народов, которых они касались и без всякой заботы о них»⁴. В этом, кстати, с британским

1 Naba R. Arabie saoudite: le Pacte Quincy, relation speciale mais de vassalite.// <http://www.renenaba.com/1%E2%80%99arabie-saoudite-face-au-double-defi/>

2 La Syrie et le projet de demembrement du monde arabe. Interview de Gilles Munier par Cherif Abdeldaim./Nouvelle Republique. 31.12.2011

3 Fromkin D. The peace to end all peace. London. Tauris, 2006. P. 272.

4 Fromkin D. The peace to end all peace. London. Tauris, 2006. P. 399.

ученым полностью согласен его российский коллега, современный российский историк Василий Молодяков¹.

Процесс деколонизации открыл перед арабскими народами новые перспективы. Светский националистический проект предусматривал создание панарабского государства либо союза государств, призванного укрепить независимость народов, сделать их хозяевами своей судьбы. Сторонниками данной линии был харизматичный президент Египта Гамаль Абдель Насер и лидеры партии Баас в Сирии и в Ираке². Относительные успехи этого процесса в шестидесятые-семидесятые годы в немалой степени были обусловлены существованием биполярного мира и военно-политической поддержкой со стороны Советского Союза. К сожалению, в длительной исторической перспективе светский националистический проект потерпел в арабском мире поражение. Разъяснение его причин выходит за рамки данной статьи. Вкратце хотелось бы отметить, что главными факторами, обусловившими такое поражение, были соперничество лидерских амбиций в арабском мире, неравномерность в социально-экономическом развитии государств, приоритет национально-государственных интересов над общеарабскими, перерождение социалистических и народно-демократических политических систем в военно-бюрократические режимы. По мере упадка тренда общеарабского единства в западном аналитическом сообществе стали появляться теории, так или иначе направленные на подрыв суверенитета и политической субъектности государств Ближнего Востока.

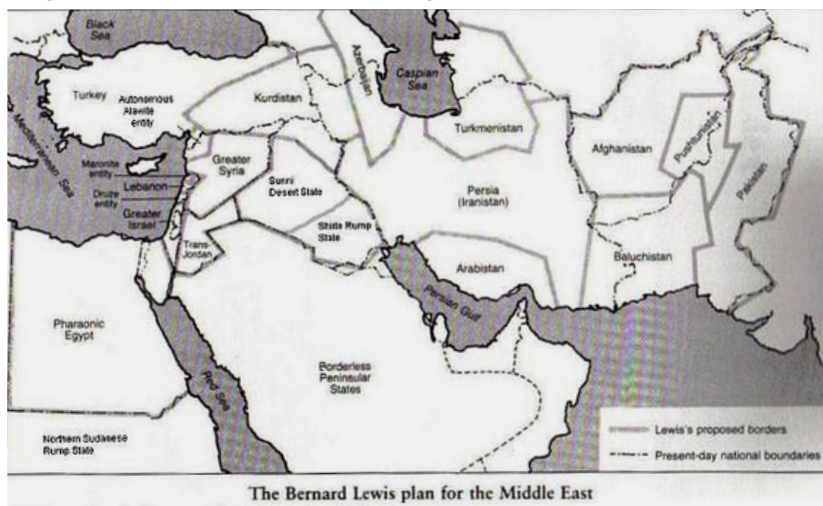
Одним из проводников таких теорий является американский востоковед английского происхождения Бернард Льюис (род. в 1916 году), в течение долгого времени бывший одним из ведущих профессоров Принстонского университета. В настоящее время Б.Льюис, являющийся автором более двадцати книг, возглавляет Ассоциацию по изучению Ближнего Востока (ASMEA), созданную в противовес американским ученым-востоковедам, критически оценивающим роль США и Израиля на Ближнем Востоке. В период холодной войны политические взгляды Льюиса отличались крайним антисоветизмом. Его тезис о «принципиальном характере противостояния между исламом и христианством», сформулированный в книге «Корни исламского гнева» (1990), повлиял на теорию С.Хантингтона о «столкновении цивилизаций». В начале двухтысячных годов Льюис стал одним из основных советников администрации Джорджа Буша-младшего по ближневосточным вопросам. Американский журналист Джекоб Вайсберг пишет о том, что «его взгляды оказали наиболее сильное интеллектуальное влияние на

¹ Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио. М. Вече, 2004. С.19-35.

² Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., Российская газета, 2006. С. 53-64.

решение вопроса о вторжении в Ирак в 2003 году»¹. Майкл Хирш приписывает ему теорию о том, что смена режима в Ираке вызовет цепную реакцию на всем Ближнем Востоке и благоприятно повлияет на политические перемены в регионе². Эти взгляды Б.Льюис высказал в книге под красноречивым названием «Что идет не так на Ближнем Востоке?» (What went wrong in the Middle East? 2002).

В 1979 году Б.Льюис впервые представил влиятельной мировой структуре — Бильдербергскому клубу свой план политического реформирования Ближнего Востока. Целью плана было противодействие режиму Хомейни, пришедшему к власти в Иране в результате исламской революции 1979 года и Советскому Союзу, осуществившему в этом году ввод войск в Афганистан. Противодействие Хомейни предполагалось по линии разжигания шиитско-суннитских противоречий и поддержки суннитского движения «Братья-мусульмане». Противодействие Советскому Союзу мыслилось через создание «дуги кризиса», подходящей непосредственно к советским границам. Так как в Советском Союзе господствовал светский и атеистический режим, подавлявший религию, поддержка фундаменталистских режимов и движений мыслилась как лучшее средство от советского проникновения на Ближний и Средний Восток. При этом американцы и англичане позиционировали себя как меньшее зло по сравнению с СССР³.



1 Weisberg J. AEF's weird celebration./Slate Magazine. 14.03.2007// <http://www.slate.com/id/2161800>

2 Hirsch M. Bernard Lewis Revisited./Washington Monthly, Nov.2004.

3 Marshall A.G. Creating an "Arc of Crisis": The Destabilization of the Middle East and Central Asia. The Mumbai Attacks and the "Strategy of Tension." // <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&id=11313>

Ослабление национальных государств на Ближнем Востоке мыслилось в этой стратегии как «балканизация» по линии религиозных, этнических и клановых разломов. Эта теория Льюиса получила дальнейшее развитие уже после распада Советского Союза. В 1992 году он опубликовал в американском журнале *Foreign Affairs*, органе влиятельного Совета по международным отношениям (*Council of Foreign Relations*) статью «Переосмысляя Ближний Восток». В нем Льюисом была предложена новая карта ближневосточного региона.

Как явствует из приведенной выше карты, англо-американский ученый планирует отколоть от Сирии территории, населенные друзами и алавитами, сделав их самостоятельными мини-государствами; основать карликовое маронитское государство на территории соответствующих районов Ливана; создать независимый Курдистан в регионах Турции, Ирака, Сирии и Ирана, населенных курдами; отделить районы Ирака, населенные шиитами, для создания там независимого государства; создать независимое арабское государство в Иране, в провинции Хузестан, на территории которой расположена большая часть иранских нефтяных месторождений; расчленив Пакистан, выделив независимый Белуджистан и объединив пуштунские районы, лежащие по обе стороны афгано-пакистанской границы в единое государство. В данной статье Б.Льюис отмечал: «наиболее радикальным средством противостояния фундаментализму является «ливанизация». Большинство государств Ближнего Востока — Египет здесь является исключением - являются недавними и искусственными конструкциями, весьма уязвимыми для данного процесса. Если центральная власть в государствах Ближнего Востока ослабеет, то исчезнет последняя скрепа, удерживающая государственное единство. Ведь в этих странах нет ни развитого гражданского общества, ни приверженности к государству-нации, ни общей идентичности. Тогда государство дезинтегрируется, как это случилось в Ливане в хаотическое скопление борющихся друг с другом сект, феодов, регионов и партий»¹.

Серьезные проекты Льюиса (а что может быть серьезнее на современном Западе, чем Бильдербергский клуб или CFR?) получили неожиданное продолжение в статье отставного подполковника американской военной разведки Ральфа Петерса, опубликованной в 2006 году в *Armed Forces Journal*. В данной статье опубликована карта новых границ ближневосточных государств, поразительно напоминающая карту Б.Льюиса. В статье Петерс приводит список «лузеров» или государств, которые понесут наибольшие потери при реформатировании границ. В него вошли Иран, Ирак, Пакистан, Сирия, Саудовская Аравия. Петерс пишет:

¹ Lewis B. Rethinking the Middle East./*Foreign Affairs*. Fall 1992. P.116-117.

«Саудовская Аравия подвергнется такому же масштабному расчленению, как и Пакистан. Иран утратит значительную часть своих территорий в пользу Объединенного Азербайджана, Свободного Курдистана, Свободного Белуджистана и Арабского шиитского государства, однако получит территориальные приобретения за счет включения в свой состав афганской провинции Герат»¹.

Проекты Петерса, пользующегося неоднозначной репутацией, можно было бы считать провокацией или очередным политическим фэн-тэзи, если бы не одно обстоятельство. Планы Петерса-Льюиса по уничтожению суверенитета и balkанизации ближневосточных государств методично реализуются Соединенными Штатами в Ираке, начиная с 2003 года. На территории Северного Ирака уже существует независимое государство, очень слабо связанное с центральным правительством в Багдаде. Иракский Курдистан уже обладает всеми атрибутами государственности: законодательством, парламентом, армией, судебной системой, полной самостоятельностью в распоряжении природными ресурсами. Доступ граждан, приезжающих в Курдистан из других регионов Ирака крайне затруднен. Трения между шиитским и суннитским населением Ирака вылились в гражданскую войну 2004-2008 годов, в результате которой погибли около миллиона иракцев и полтора миллиона стали беженцами². Утеря суннитским меньшинством (30% населения Ирака) господствующих позиций привела к движению за автономию населенных суннитами западных и центральных иракских провинций, которое легко может перерасти в движение за независимость³.

В настоящее время иракская стратегия реализуется США, Саудовской Аравией и их союзниками по отношению к Сирии, последнему арабскому государству, способному потенциально претендовать на региональное лидерство. Сирия, пожалуй, больше всего пострадала в двадцатом веке от политики западных держав. Соглашение Сайкс-Пико раздробило единое в историческом, политическом и культурном отношении пространство на несколько государств: Сирию, Ливан, Иорданию, Палестину, на части территории которой позже был создан Израиль. Констатация этого факта была зафиксирована в выступлении сирийского министра иностранных дел Фарука аль-Шараа на сессии Лиги Арабских государств в Алжире (7-10 июня 1988г.), заявившего в частности: «История говорит нам о «Бияд аль-Шам» (стране Шам). Начиная с эпохи Омейядов эта географическая зона, состоящая из Сирии, Иордании, Палестины и Ливана, составляет политическое единство, сердце которого бьется в

¹ Marshall A.G. Creating an "Arc of Crisis": The Destabilization of the Middle East and Central Asia. The Mumbai Attacks and the "Strategy of Tension." //http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=11313

² Cole J. Iraq. Ayatollahs and Democracy. Amsterdam. Amsterdam University Press, 2006. P.64-86.

³ Nasr V.R. The Shia Revival. N.Y. Norton and Company, 2010. P. 185-221.

Дамаске. В этом состоит историческая истина. Соглашение Сайкс-Пико, явившееся наиболее грубым насилием, осуществленным над историей, разделило это единство на различные государства. Однако договор Сайкс-Пико, носивший характер раздела Ближнего Востока на английскую и французскую сферы влияния, не может изменить реальность. Жители этого региона представляют собой один народ. Естественно, что интерес, который проявляет Сирия в палестинском деле, отличается от отношения, проявляемого к палестинской проблеме другими арабскими государствами»¹. В настоящее время даже редуцированное политическое пространство, оставшееся от «Великой Сирии» внешние акторы, в числе которых находятся США и Франция, а также Саудовская Аравия и другие консервативные монархии Персидского залива пытаются раздробить на бессильные мини-государства. При этом справедливую борьбу сирийского народа за демократизацию внешние игроки пытаются перевести в русло межконфессионального суннитско-шиитского конфликта. Об этом недвусмысленно свидетельствует статья американского военного аналитика Брайана Даунинга, где всерьез обсуждается возможность раздела Сирии на суннитское государство, находящееся в вассальных отношениях с Саудовской Аравией и прибрежное государство алавитов, ориентированное на Иран и Россию².

Рассмотрев тренд на переформатирование политического пространства Ближнего Востока, можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, глобализация трактуется Соединенными Штатами и их союзниками как право вмешиваться во внутренние дела других государств и уменьшать, а то и вовсе уничтожать их суверенитет. В этом смысле политика последних двадцати лет, осуществляемая на Ближнем Востоке, может быть охарактеризована как «неоколониальная». Такая политика вполне вписывается в уже имеющиеся стратегии.

Во-вторых, данная стратегия заключается в лишении политической субъектности потенциально значимых акторов, способных проводить независимый курс (Ирака, Сирии, Ирана, Ливии).

В-третьих, осуществляется балканизация или ливанизация больших пространств, то есть их дробление по линиям конфессиональных, этнических или субэтнических различий.

В-четвертых, после балканизации теоретически планируется «финляндизация» или «умиротворение» конфликтных территорий, однако возможность практической реализации этого плана вызывает большие сомнения.

¹ Naba R. Monstres sacres ou sacres monstres?

Entre le Saladin babylonien et le Bismarck syrien, une detestation inexpiable. <http://www.renenaba.com/le-parti-baas/>

² Downing B. Syriana redux: The Middle East fragments.// http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/NB29Ak03.html

Кто вооружает свободную сирийскую армию?

Леонид Савин

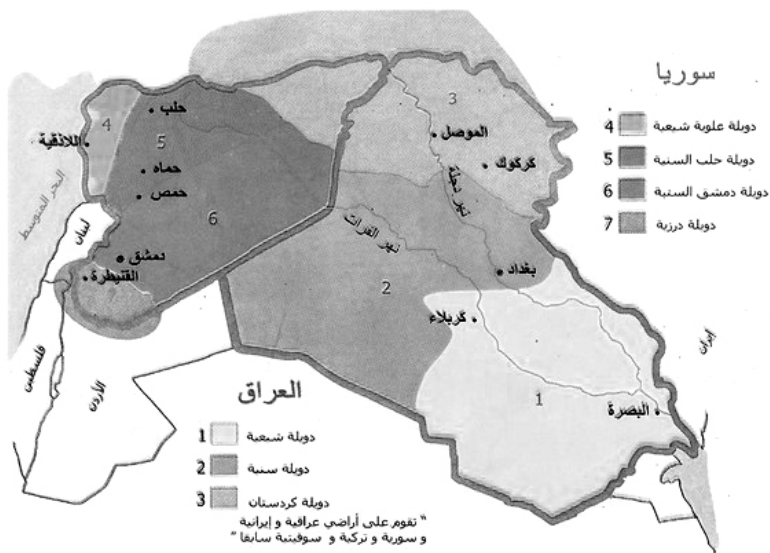
На страницах американского издания Foreign Policy в статье, посвященной сирийскому вопросу один автор, которого трудно обвинить в предвзятости, так как он является гражданином США, описывает вполне очевидную для многих складывающуюся конфигурацию в Сирии: «интервенция в Ливию, осуществленная НАТО в соответствии с санкциями ООН и финансируемая Катаром теперь может произойти в Сирии, что уже реализуется США и их союзниками по НАТО путем вооружения Свободной сирийской армии». Далее речь идет о так называемой доктрине «Ответственность защищать», которую поддерживают ООН, различные неправительственные организации типа Human Rights Watch и Amnesty International, а также фонды типа «Открытого общества» Джорджа Сороса¹. Автор делает вывод, что сейчас одно неверное решение может привести к очень серьезным последствиям в регионе.

Издание Newsweek, пытаясь сделать прогнозы, указывает, что «жизнь после Башара Асада, вероятно, будет более неустойчивой, чем в Египте после Хосни Мубарака ... Сама сирийская политическая карта довольно взрывоопасна: потенциал правления исламских экстремистов ... алавиты почти полностью зависят от правления Асада ... христиане напуганы тем, что сделали экстремисты с их единоверцами в Ираке и Египте ... а солидные суннитские бизнесмены не хотят иметь лишних проблем»².

На фоне однозначной позиции России и Китая, администрация Обамы приняла взвешенное решение – не предоставлять военной поддержки сирийской оппозиции, так как это может усугубить ситуацию. Виктория Нуланд из Госдепартамента США, в частности, заявила, что вооружение сирийской оппозиции не будет являться решением проблемы. Вместо этого, по ее мнению, необходим национальный демократический диалог, а также мониторинг процесса прекращения огня. Энтони Кордесмэн их Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне также вполне трезво заметил, что Россия имеет свои интересы в регионе, поэтому Москва заинтересована в сохранении стабильности в Сирии.

¹ Rieff, David. Save Us from the Liberal Hawks.// Foreign Policy, Feb.13, 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/02/13/syria_is_not_our_problem?cid=nlc-dailybrief-daily_news_brief-link5-20120214 (дата обращения 14.02.2012).

² Gelb, Leslie H. Why Obama Should Go Slow in Syria.// Newsweek. Feb 13, 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.thedailybeast.com/newsweek/2012/02/12/why-obama-should-go-slow-in-syria.html?cid=nlc-dailybrief-daily_news_brief-link6-20120214 (дата обращения 15.02.2012).



Согласно замыслу стратегов по переделу Ближнего Востока, Ирак будет разделен на три государства: курдов, шиитов (мини-государство вокруг Басры) и суннитов (мини-государство вокруг Багдада), Сирия будет разделена на шиитское государство на побережье, суннитское государство Алеппо, суннитское государство Дамаск, друзское государство (куда войдут Голанские высоты, восточная часть Иордании и часть Ливана). Ливан будет разделен на 8 кантонов — суннитское мини-государство в Триполи, маронитское государство в Джуниех, сирийский сателлит в долине Бекаа, интернациональную зону Бейрут, палестинский кантон в районе реки Литани и города Сидон, шиитское мини-государство и государство христиан, которое будет находиться под израильским влиянием.

Источник: <http://www.arabic-military.com/t21165-topic>

Однако эта полумера вряд ли приведет к столь желанному Западом (по крайней мере, на словах) миру. Воинственная риторика, особенно от ряда арабских государств, продолжает сохраняться. Шади Хамид из Центра Брукинкса в Дохе призвал «международное сообщество» быть более активными в вопросе возможной военной интервенции. А Лига Арабских Государств предпринимает новые авантюры и объявляет об «открытии каналов коммуникации с сирийской оппозицией». По их словам этот шаг направлен на дипломатическое признание сирийского национального совета как легитимный орган, представляющий сирийский народ. И ЛАГ призвала предоставить этому органу все виды политической и финансовой поддержки¹.

¹ Danin, Robert. The Arab League Doubles Down Against Bashar. February 13, 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.cfr.org/danin/2012/02/13/the-arab-league-doubles-down-against-bashar/?cid=nlc->

Создается впечатление, что подобная спешка ведется не из-за обеспокоенности проблемами безопасности населения в Сирии, а потому, что вскроется подноготная конфликта и участие в нем игроков извне, которые играют краплеными картами.

Самая главная крапленая карта в этой игре – это связь Свободной сирийской армии с исламскими экстремистами и западными спецслужбами.

Свободная сирийская армия является военизированным крылом Сирийского национального совета, оппозиционного режиму Башара Асада. Этот совет уже получил признание от ряда западных стран. Хотя эта «армия» разрекламирована самими оппозиционерами как организация, куда входят дезертиры вооруженных сил Сирии и перебежчики, это является лишь частицей правды. В ее составе находятся арабские моджахеды, убивавшие американских солдат и их союзников в Ираке и Афганистане, наемники и прочие исламские экстремисты, которые потянулись в Сирию после начала конфликта. Не случайно новый лидер «Аль-Каеды» Айман аль-Завахири недавно призвал мусульман из Турции, Ирака, Ливана, Иордании и других стран оказать «братьям в Сирии» любую помощь.

В Свободную сирийскую армию, которая имеет штаб-квартиру в Турции, еще в ноябре прошлого года влилось около 600 боевиков из ливийской «Аль-Каеды»¹. Эта операция проходила под руководством Абдель Хакима Белхаджа, который, согласно заверению бывшего премьер-министра Испании Хосе Мариа Аснар подозревается в организации терактов 11 марта 2004 г. в Мадриде². Сам Бельхадж тесно связан с шейхом Али аль-Салиби, который ранее был провозглашен новым лидером Ливии. В Сирии неподалеку от турецкой границы в составе группы боевиков также был замечен некий аль-Махди Хатари, ливиец по происхождению, проживавший до присоединения к «Аль-Каеде» в Северной Африке в Ирландии. Он возглавлял трипольскую бригаду и был персоной номер два в военном совете Триполи после Абделя Хакима Белхаджа³. Хатари сложил свои полномочия в Ливии, заявив, что хочет вернуться к жене в Ирландию, однако последовал в Турцию, а оттуда во главе с боевиками пробрался на территорию Сирии⁴. Тьерри Мейсан в одной из своих публикаций отмечал, что Хатари связан с Боевой исламской группой Ливии, которая официально числится в списке террористических

dailybrief-daily_news_brief-link7-20120214 (дата обращения 14.02.2012).

1 Libyan fighters join "free Syrian army" forces," Al Bawaba, 29 November 2011.

2 Spain's Former Prime Minister Jose Maria Aznar on the Arab Awakening and How the West Should React, CNBC.com., 9 December 2011.

3 Fitzgerald, Mary. Libyan-Irish commander resigns as deputy head of Tripoli military council. The Irish Times, 11 October 2011.

4 Meysan, Thierry. Free Syrian Army commanded by Military Governor of Tripoli. 23 Dec. 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://counterpsyops.com/2011/12/23/free-syrian-army-commanded-by-military-governor-of-tripoli/#more-3505> (дата обращения 02.01.2012).

организаций США, и присутствовал на борту судна Мави Мармара в составе пропалестинских активистов (среди делегатов этой флотилии находились и агенты американских спецслужб) в июне 2010 г¹. Во время штурма судна израильским спецназом он был ранен и даже провел девять дней в израильской тюрьме.

На различных форумах джихадистов также есть информация об организации потока боевиков из арабских стран в Сирию для борьбы с режимом президента Башара Асада. Например, на сайте Ansar al-Mujahdeen², являющимся международным информационным ресурсом исламских боевиков, где есть видеозаписи и российских ваххабитов-экстремистов, появились призывы к джихаду в Сирии, а один из форумистов под ником Nasr al-Din al-Hosni написал, что на иракско-сирийской границе во время операции по переброски амуниции погиб эмир Абу Усама аль-Моджахар³. 12 февраля 2012 г. руководство «Братьев мусульман» в Иордании в лице Хаммама Саида также призвало к джихаду против сирийского правительства, назвав вступление в Свободную сирийскую армию «исламским долгом».

Кроме того, западные СМИ указывают, что оружие просачивается в Сирию со стороны турков и арабских стран⁴.

Если уж эта информация попала в поле зрения западных журналистов, то вряд ли западные спецслужбы не в курсе каналов поставки оружия и других ресурсов, а также тех методов, к которым международные исламские экстремисты прибегают в ходе своих акций, тем более, что и американцы, и их союзники по НАТО все это испытали на своей шкуре.

В завершение публикации необходимо отметить еще пару моментов. Недавно бывший глава израильской спецслужбы МОСАД Эфраим Галеви назвал Сирию ахиллесовой пятой Ирана⁵. Он охарактеризовал эту страну в качестве центра, из которого Иран распространяет свое влияние, а также миникоминтерном, который включает такие структуры, как «Хизбалла», являющейся сейчас основной силой в Ливане, и «Хамас», контролирующей Сектор Газа и претендующий на установление своего контроля над остальными территориями Палестины. А 07 февраля 2012 г. корреспондент агентства «Рейтер» из Вашингтона Эндрю Куинн издал статью, в которой назвал Сирию местом, где произойдет конфликт

1 Meysan, Thierry. Freedom Flotilla: The detail that escaped Netanyahu. Voltaire Network, 8 June 2010.

2 См. <http://www.ansar1.info/>

3 Wellen, Russ. Flow of Jihadists From Syria to Iraq Reversed.//FPiF. February 13, 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.fpi.org/blog/flow_of_jihadists_from_syria_to_iraq_reversed (дата обращения 14.02.2012).

4 Gelb, Leslie H. Why Obama Should Go Slow in Syria.// Newsweek. Feb 13, 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.thedailybeast.com/newsweek/2012/02/12/why-obama-should-go-slow-in-syria.html?cid=nlc-dailybrief-daily_news_brief-link6-20120214 (дата обращения 14.02.2012).

5 Halper, Daniel. Syria as the Achilles Heel of Iran. Feb 3, 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.weeklystandard.com/blogs/syria-achilles-heel-iran_620893.html (дата обращения 14.02.2012).

между Западом и арабскими странами с одной стороны, и Россией вместе с Ираном с другой¹.

Это было описано как наиболее критический сценарий, когда гражданская война при поддержке Запада охватит всю страну.

Между тем, в данном прокси-конфликте пока основной ударной силой агентов западного неокOLONиализма продолжают оставаться криминальные военизированные группировки, которые и были отражены в докладе ЛАГ по ситуации в Сирии в январе 2011 г. В документе², который был полностью проигнорирован западными корпоративными масс-медиа, говорится, что в Сирии «нет организованных сирийским правительством репрессий против мирных демонстрантов, ведущих к смертельным исходам». В нем сказано о вооруженных бандах, которые применяют смертоносную тактику, взрывая пассажирский транспорт, правительственные учреждения, мосты и коммуникации, и несут прямую ответственность за гибель гражданского населения.

Запад, безусловно, мог бы извлечь пользу из ситуации в Сирии, превратив ее в ахиллесову пяту для исламских фундаменталистов, сделав прокси-страной для их поимки. Если борьба с международным терроризмом является не пустой риторикой, США и Запад должны поступить именно так, в том числе признав Сирийскую свободную армию криминальной террористической группировкой. Однако, это вряд ли произойдет.

Запад и его сателлиты на Ближнем Востоке продолжили следовать политике двойных стандартов и оказали финансовую помощь сирийской оппозиции, часть из которой, несомненно, пошла на покупку оружия. Более того, новые сведения, поступающие как из Сирии, так и из западных СМИ указывали на присутствие в рядах вооруженных бандформирований членов американских частных военных компаний, а также американских и британских спецслужб³...

¹ Quinn, Andrew. Syria raises specter of proxy conflict for U.S., Russia.// Reuters, Feb 7, 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://www.reuters.com/article/2012/02/08/us-syria-usa-proxy-idUSTRE8162FH20120208> (дата обращения 14.02.2012).

² Доклад доступен по адресу: http://www.columbia.edu/~hauben/Report_of_Arab_League_Observer_Mission.pdf

³ WikiLeaked: Ex-Blackwater 'helps regime change' in Syria.// RT, 21 March, 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://rt.com/news/stratfor-syria-regime-change-063/> (дата обращения 22.03.2012).

Империя против Ирана и Сирии

Джунид Хан

Страшный сценарий может получиться из-за непрерывной эскалации угроз и давления в адрес Сирии и Ирана со стороны империи НАТО и ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) после того, как после победы в Холодной войне два десятилетия назад, западное трио из клуба вето ООН (США, Великобритания, Франция) выстроилось против незападного дуэта (Россия и Китай). Эти две последних сверхдержавы, ведущие игроки Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), охватывающие евразийский мегаконтинент, заблокировали планы трио устроить в Сирии вторую Ливию и задуть Иран санкциями, которые включают блокаду экспорта нефти при сохранении возможности нанесения военного удара.

Это первый раз, когда русские и китайцы совместно создали препятствия на пути непреодолимого марша победителей Холодной войны и разрушителей бывшей советской империи.

Тем временем марш империи НАТО-ОЭСР становится все менее и менее триумфальным. При поддержке со стороны большинства западных стран Движения неприсоединения и Группы 77, Россия и Китай восстанавливают верховенство международного права и дипломатии ООН в борьбе за Сирию и Иран, делая неуклюжими дальнейшие попытки Запада подавлять каждый «кризис», реальный или сфабрикованный, с помощью бомб, ракет и солдатских сапог - с тяжелыми непредвиденными последствиями для каждого.

От эйфории до попадания в трясину и упадка

Все еще купаясь в лучах своей победы над бывшей советской империей, империя НАТО-ОЭСР расчленила бывшую Югославию в 1990-х гг. и расширила НАТО до европейских пределов России, - которая не реагировала на это по-военному. Москва отреагировала только тогда, когда НАТО пытались захватить Кавказ с помощью Грузии и Азербайджана.

Несмотря на эпизод с французским «одиноким волком» в Руанде, империя также усилила свою гегемонию в регионе Великих озер в Африке - в качестве компенсации за падение апартеида на юге континента. Ни Россия, ни Китай не пошевелились. И Китай спокойно проглотил неоднократные провокации империи вдоль его границ - в Тибете, Синьцзяне, Бирме, Тайване, Северной Корее.

Но с началом 21-го века империя начала давать сбои. Нападения 11 сентября 2001 стали катализатором реализации Нового Мирового Порядка в соответствии с РНАС (Проект для Нового Американского Столетия) Джорджа Буша: «Вы с нами или против нас».

Впервые в своей истории НАТО сослалось на статью 5 Устава организации - атаковать и оккупировать Афганистан - в обход ООН. Два года спустя, опять же, без одобрения ООН, империя напала и оккупировала Ирак.

Но очень скоро она попала в трясиину. К 2012 году эти войны будут стоить \$ 4 трлн, в соответствии с докладом Института Окленда, в то время как экономика ОЭСР находится в стагнации или состоянии спада. В большинстве стран Запада кризис не остановится, безработица растет, долги увеличиваются - в то время как вес и влияние «Остальных» (Китай, Индия, Бразилия, Иран, Южная Африка и др.), постоянно растет во всем мире.

Империя разваливает ООН и усиливает НАТО

Это смещение баланса сил вынудило старой G7 обратиться к G20 для управления мировой экономикой. Но G7 продолжает срывать реформу ООН и расширение Совета Безопасности, так как цепляется за свое убывающее политическое господство.

Более того, G7 продолжает увеличивать свое военное превосходство: 21 из 34 государств ОЭСР являются членами НАТО, которое раздвигает границы «Северной Атлантики» к Индийскому океану, Центральной Азии и Африке (Africom) - а также ориентации к Австралии и Тихоокеанскому региону.

В реальности производство мигрирует с Запада, нестационарная экономика НАТО-ОЭСР империи зависит больше, чем когда-либо от «военно-промышленного комплекса», от чего предостерегал нас Дуайт Эйзенхауэр. По данным шведского института SIPRI, страны НАТО потратили более 1 триллиона долларов (1000 млрд.) в прошлом году на военные расходы.

С такими союзниками как Саудовская Аравия (\$ 42 млрд., 11% ВВП, 8-е место), Австралия (\$ 20 млрд., 1,9%, 14) и Израиль (\$ 13 млрд., 6,3%, 18), НАТО и его друзья составили более двух третей глобальных военных расходов в размере \$ 1,6 триллиона в 2011 году. С \$ 698 млрд. (4,8% от ВВП, 1-е место) лишь на США приходится 43% расходов на оборону в мире. Канада (\$ 22,8 млрд., 1,5%) находится на 13-м месте. Для сравнения, Китай потратил \$ 120 млрд. (2,1% от ВВП, 2-е место), Россия \$ 58 млрд. (4%, 5), Индия \$ 41 млрд. (2,7%, 10), Бразилия \$ 30 млрд. (1,6 процента, 11), Иран \$ 7,7 млрд. (1,8%, 25) и \$ 2,2 млрд. Сирия (4%, 53)

Империя и ось Израиль-Нефтяные Эмираты-Турция

Это фон для непрерывного боя барабанов войны НАТО-ОЭСР в Сирии и Иране. Двойной кризис неразрывно связан: через Сирию, ключевого арабского союзника, а также шиитский мост ливанского Хизбаллы, и (суннитского) палестинского ХАМАС, они хотят дотянуться до Ирана, который вырвался из лап империи более 30 лет назад и является их главной целью.

Мотивов

предостаточно:

1. Ось Сирия-Хизбалла-ХАМАС-Иран держит Израиль в узде;
2. Шиитское пробуждение, а также арабское и персидское, однозначно республиканские, угрожают феодальной монархии суннитских стран Персидского залива, начиная с Саудовской Аравии и ее пуританским ваххабитским брендом исламского фундаментализма;
3. После разрушения светского и антимонархического режима партии Баас Саддама Хусейна (и Ирака вместе с ним), империя, опираясь на нефть Эмиратов, Израиля и Турции, отчаянно пытается управлять, и даже переориентировать арабскую весну;
4. Турция, член НАТО и ОЭСР, видит себя в качестве суннитского республиканского конкурента Ирана - опираясь на свою новую «умеренно» исламистскую власть и свое оттоманское прошлое в качестве правителя арабов в течение почти 700 лет;
5. Сирия имеет свой светский режим Баас, который оказался под давлением арабской весны и своих союзников, чтобы открыться для плюрализма и провести всеобщие выборы 7 мая - но империя продолжает безжалостно давить на него, потому что хочет «смены режима»;
6. Между тем империя делает все возможное, чтобы сохранить статус-кво в Йемене и в Бахрейне, штаб-квартире 5-го флота США в Персидском заливе, где суннитская королевская семья господствует над шиитским большинством;
7. Суннитский нефтяной эмират Катар продолжает пропагандистскую войну за империю через Аль-Джазиру, хотя ключевые журналисты уходят оттуда, обвиняя эту сеть в изготовлении ложных видеосообщений против Ливии и Сирии. Катар разделяет с атоллom Диего-Гарсия в Индийском океане штаб для Центрального командования США (CENTCOM).

Военная победа для нового мирового порядка?

Кампания в США, связанная с ноябрьскими президентскими выборами, а также выборами в Конгресс, в настоящее время позиционирует

Митта Ромни против Барака Обамы, что является дополнительным фактором, который повышает угрозу новой мировой войны в связи с неумолимым падением империи НАТО-ОЭСР.

Ромни и его соперники из республиканской партии публично призвали «делать все, тайно и спорно, чтобы изолировать, задушить и дестабилизировать Иран, чтобы убивать его ученых-ядерщиков, чтобы уничтожить его технические объекты, а также привести к падению режима». Объявляя войну против Ирана, демократ Обама делает все возможное, но Ромни считает, что с Израилем и лагерем ястребов в Вашингтоне, только война будет правильным решением.

Некоторые ястребы, являющиеся евангелическими сионистами, выступают на американском телевидении с библейскими пророчествами и призывают США поддержать «Царя Севера» (Израиль) в грядущем Армагеддоне против «Царя Юга» (Иран) - хотя если смотреть на карте, то Саудовская Аравия и есть «Царь Юга»! Для них эта война является абсолютно необходимой для второго пришествия Христа.

Эти ястребы считают, что победоносная война против Ирана и Сирии даст Западу возможность навязать (божественно санкционированный) Новый Мировой Порядок с учетом интересов империи НАТО-ОЭСР.

Противоположный лагерь опасается еще одного дорогостоящего болота, такого как в Афганистане, Ираке, Пакистане, и дальнейшего падения империи. Но США, Великобритания и Франция также находят заманчивым военный вариант, так как они помнят, как навязали свое собственное глобальное руководство после Первой и Второй мировых войн. Они победили в Холодной войне, но они не имеют средств, кроме «горячей войны», чтобы установить диктат, который всемирно презирается.

После демонстрации своего военного превосходства и получения реального контроля над арабской и персидской нефтью, империя может вынудить такие страны, как Китай, Индия, Япония, Индонезия и Южная Африка, в частности, зависящие от ее благосклонности, для стабильной и безопасной поставки в целях обеспечения своих важнейших потребностей в энергии. ООН может быть реформирован и Совет Безопасности расширен, но таким образом, что позволит империи сохранить свою решающую политическую власть в архитектуре мировой системы.

Но так как эта система продолжает переход от однополярного к многополярному миру, «Остальные», очевидно, видят вещи по-иному. Империя «просто не может достать» и пытается сохранить достижения клуба пещерного человека, говорят «Остальные». Но Запад продолжает

делать все возможное, чтобы спровоцировать большое, глобальное потрясение, которого намерены избежать «Остальные».

Переговоры, замораживание, санкции и террористические войны

Таковы темные схемы, зависшие над иранско-сирийским кризисом. Иран только что встречался с P5 +1 (пятерка Совета Безопасности ООН плюс Германия) в Стамбуле, чтобы еще раз объяснить и защитить свою ядерную программу. Иран быстро восстановил свои мирные ядерные права в согласии с нормами нераспространения ядерного оружия (ДНЯО), и ответил своим инквизиторам, призвав к глобальному ядерному разоружению. Трои из этой группы посчитали встречу «позитивной». Обсуждение продолжится в Багдаде в мае.

Но внутри Ирана, где восьмилетняя война с Саддамом Хусейном от имени империи закончилась в 1988 году, группы террористов, связанных с Западом продолжают орудовать и действовать беспощадно. Это в основном это МеК (Moujahidine-e-khalq), курдские Komoleh и PЖАК, а также суннитская Джандалла, базирующаяся в Пакистане. Ученых ядерщиков убивают. Соседний Азербайджан также положил глаз на территорию с 16 миллионами азербайджанцев, проживающих в Иране.

Активы и счета Ирана заморожены, и Запад отказывается продавать все виды товаров, включая основные запасные части для гражданской авиации. В настоящее время получила распространение кампания по бойкоту экспорта нефти. Иран превентивно прекратил поставки нефти в ряд европейских стран, что вызвало рост цен и безработицу.

Но Индия и Китай продолжают покупать иранскую нефть. Они отказываются подчиняться, что называют «внутренними правилами США», и утверждают, что иранская нефть имеет важное значение для их развития. Империя использует Индию против Китая, предоставляя Дели доступ к своим ядерным технологиям, и давит на Пакистан, который, кажется, ценит дружбу с Китаем больше, чем его старую зависимость от Запада. Индия, исходя из своих собственных интересов, подписала контракт с Ираном для урегулирования двустороннего товарооборота в риалах и рупиях. Однако Индия не может противостоять песне западных сирен, если империя НАТО-ОЭСР захватит или разрушит ядерный арсенал Пакистана в тумане войны.

Подготовка к войне от Сирии до Кавказа

Индия и Иран, наряду с Пакистаном и Афганистаном, имеют статус наблюдателей в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС),

которая готовится обновить их до полного членства. И отношения ШОС выстроены прочно с Ираном, Латинской Америкой, где дядя Сэм отстывает, а также со многими африканскими и другими азиатскими странами. Вступление Индии и Пакистана вместе с Ираном в качестве полноправных членов ШОС, что станет новыми двигателями для добрососедского сотрудничества, торговли и безопасности под совместным руководством России и Китая, является слишком большим кошмаром для слабеющей империи НАТО-ОЭСР.

Передвижения российских войск были зарегистрированы на Кавказе, вблизи с границами Грузии и Азербайджана. Члены грузинской оппозиции заявляют, что у них в стране США построили новые больницы, которые являются частью планов по подготовке к войне. Азербайджан закупил оружия на \$ 1,6 млрд. у Израиля, который импортирует треть необходимой для своих нужд нефти из Баку. Риски, связанные с обобщенными данными, высоки, и они будут только расти с приближением выборов в США — так же как и большинство взглядов будет устремлено на «выход» США из Афганистана.

В отношении Сирии империя говорит, что поддерживает посреднические усилия Кофи Аннана на посту специального посланника ООН и Лиги арабских государств. Но империя на одном дыхании заявила, что финансирует и вооружает силы, которые осуществляют военные операции в Сирии из соседнего Ливана и Турции. Империя подогревает гражданскую войну в Сирии и показывает, что никакие компромиссы не будут одобрены.

Пропаганда и меры полицейского государства

Возможность прямого военного удара по Ирану и Сирии была иступленно поддержана Израилем, самозванной ядерной державой, которая отказывается подписать Договор о нераспространении и предоставить свои ядерные объекты для инспекций МАГАТЭ. США повторяет, что военная операция против Ирана «остаётся на столе переговоров», - т.е. висит, как дамоклов меч, над Ближним Востоком и всем миром.

Вместе с Al Jazeera и Al Arabiyya западные СМИ продолжают демонизировать Иран и Сирию перед будущей открытой войной под руководством НАТО и их союзников - «это звучит так же, как пропаганда, которую мы слышали до нападения на Ирак», - сказал Рон Пол, белая ворона из республиканского лагеря.

Эти же средства массовой информации пока еще ничего не говорят о растущей тенденции в империи по отношению к мерам, типичных для полицейских государств - нападения на права и свободы, а также на

неприкосновенность частной жизни граждан, милитаризация полиции, как видно в связи с жестокими репрессиями в 99% случаев, полномочия аресты, пытки, задержания и даже убийства граждан по «подозрению в терроризме» — все во имя «национальной безопасности».

Немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Гюнтер Грасс попал в сети цензуры на Западе за его стихотворение «Что должно быть сказано», которое критикует ядерный Израиль за его требование войны против Ирана, «где наличие/одной атомной бомбы, не доказано», и за угрозу «и без того хрупкого мира во всем мире». Израиль быстро объявил его персоной нон грата.

Так как «Остальные» отказываются ловиться на приманку Запада идти против Ирана, то можно еще избежать войны. Но если новая, страшная война разразится, те, кто выступает против нее внутри самой империи НАТО-ОЭСР, знают, какого обращения следует ожидать.

Фактор анархии в Сирии

Итамар Рабинович

Ошибка администрации Обамы, западных союзников США и нескольких региональных держав на Ближнем Востоке предпринять смелые действия, чтобы остановить войну в Сирии часто объясняется их страхом перед анархией. Учитывая неэффективность и разобщенность, которую показала сирийская оппозиция, появился аргумент, что свержение президента Башара аль-Асада спровоцирует гражданскую войну, массовые убийства и хаос, который может перекинуться за пределы границ Сирии и привести к дальнейшей дестабилизации ее слабых соседей, таких как Ирак и Ливан, и может привести к региональному кризису.

То, что на самом деле происходит в Сирии опровергает этот аргумент. В самом деле, затяжной кризис разъедает ткань сирийского общества и государства. Анархия устанавливается в настоящее время: она предшествует возможному падению режима.

Соединенные Штаты и другие заменили высокую риторику и символические карательные меры на реальное воздействие на Сирию. Санкции в отношении тех, кто занимается радиоэлектронной борьбой против социальных медиа оппозиции не являются ответом на обстрел гражданских районов в Хомс и Дераа.

В течение нескольких месяцев русские и китайцы создавали в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций реальное препятствие для более эффективных санкций, что являлось удобной завесой для бездействия. Совсем недавно миссия бывшего генерального секретаря ООН Кофи Аннана от имени ООН и Лиги арабских государств стало играть такую же роль.

Аннан подготовил шесть пунктов плана по прекращению насилия и началу политических переговоров. Он направил группу наблюдателей в Сирию для того, чтобы контролировать выполнение плана, а ООН собирается усилить эту миссию. Но, как и ожидалось, план Аннана не работает, а сам Аннан в своем докладе на закрытом заседании Совета Безопасности 25 апреля, был близок к признанию этого факта.

Аннан не провозгласил об отказе от плана, но описал ситуацию в Сирии как «мрачную». Очевидно, что миссия Аннана дала режиму передышку и создает временную иллюзию политического и дипломатического прогресса. Но, согласно сообщениям режим Асада (и в некоторой степени его оппоненты) не выполнили плана после его подписания: войска были выведены из городских районов, приоритетных для инспекций,

и возвратились, когда их оставили наблюдатели. Жители были жестоко наказаны за жалобы или сотрудничество с наблюдателями.

Но передышка предоставляет режиму шанс не предлагать спасения. На первый взгляд, власть оказалась почти неизменной. Армия и службы безопасности остаются верными, кабинет потерпел от нескольких дезертирств, а ключевые населенные пункты - Дамаск и Алеппо еще не присоединились к восстанию.

Но в стране в целом, правительство находится в состоянии коллапса. Все области в настоящее время вне его контроля, государственные услуги недоступны, а экономика находится в свободном падении.

Падение Асада еще не кажется неизбежным, но оно стало неизбежным. Режим потерял легитимность, и его эффективность ослабевает. Когда он, наконец, падет, мощного государства, построенного отцом Башара Хафезом аль-Асадом, вряд ли будет существовать.

Во время сирийского кризиса было слышно клише: «Сирия – это не Ливия». Но другая аналогия может быть более подходящей. Сирия может стать вторым Ираком, не по своей структуре, а как непреднамеренное следствие текущей политики.

Американские оккупанты в Ираке посредством своей политики «дебаасификации», покинули Ирак без армии и правительства, что стало благодатной почвой для суннитских повстанцев, аль-Каиды и экстремистских группировок шиитов. В Сирии все идет к тому же результату, с ростом числа радикальных исламистов, проникающих в Сирию и присоединяющихся к оппозиции.

В этом контексте важно понимать разницу между «политической» оппозицией и местными оппозиционными группами, ведущими борьбу с режимом на местах. Такие группы, как Сирийский Национальный Совет являются свободными ассоциациями индивидов и групп, и многие из них находятся за пределами Сирии.

Эти группы критикуются со стороны администрации Обамы и других за их неспособность выступить единым фронтом, сформировать надежную повестку дня, или рассматриваться как реальной альтернативой нынешней власти. Но эти группы имеют ограниченное влияние на местные оппозиционные группы внутри Сирии, которые в равной степени разнообразны и разобщены.

Среди этих групп укрепились радикальные исламисты. Страх очередного захвата власти исламистами является вторым основным аргументом против свержения Асада, но чем дольше он остается у власти, тем больше успехи, достигнутые исламистами на местах.

Администрация Обамы, ориентированная на ноябрьские президентские выборы, не заинтересована в том, чтобы иметь дело с серьезным

кризисом в Сирии в ближайшие месяцы, и озабочена риском быть втянутой в еще одну военную головоломку. Другие акторы тоже, похоже, предпочитают ограниченный текущий кризис неизвестной альтернативе.

Но убедительное моральное право на гуманитарное вмешательство во все большей степени подкрепляется здравым смыслом. Кроме того, военное или полувоенное вмешательство не является единственным вариантом. Поскольку санкции в отношении Ирана за пределами Совета Безопасности ясно показывают, что эффективные действия могут склонить чашу весов и привести к смертельной тупиковой ситуации в Сирии. В настоящее время предпочтительнее бездействие, хотя, возможно, это грозит привести к результатам, которых его сторонники хотят избежать.

Умеренный ислам или U.S. soft power для мусульман?

Леонид Савин

Арабская весна, экстремистские исламские организации и внешне-политическая стратегия США на первых взгляд представляют собой различные феномены, однако при детальном анализе выясняется, что они являются звеньями одной цепи. «Успех империалистической глобализации и расцвет идей Братьев-мусульман идут рука об руку в этом процессе», — пишет известный идеологи антиглобализма Самир Амин¹, оценивая будущие перспективы политизации ряда движений Ближнего Востока.

Можно очертить несколько кластеров этого процесса. Во-первых, это попытки реформирования ислама секуляристами-либералами. Он связан с убеждениями в экспертном сообществе США, что посредством экономической помощи, предоставления медицинских услуг, образования и различных программ развития в поддержке кланов и племен в регионе Большого Ближнего Востока будет произведен сдвиг от радикального ислама к более секулярным, универсальным ценностям². Даже по мнению военных специалистов, хотя вооруженным силам США в этой стратегии отведена и небольшая роль, США должны сфокусироваться на решении широких и общих социально-экономических проблем мусульманского мира на региональном уровне, а не исходя из специфики отдельной страны. Для этого США должны постоянно работать с демографией, недостатком ресурсов, рынком труда, проблемами здравоохранения и прочими проблемами, которые создают бедный уровень жизни и социальную фрустрацию на Ближнем Востоке, Северной Африке и в Южной Азии. Теоретически, через некоторое время более качественные базовые социально-экономические условия приведут к снижению привлекательности радикальных салафитско-джихадистских идей и создадут поддержку открытости свободного рынка, — считают американские военные³. С одной стороны, это приведет к снижению уровня мусульманского милитаризма и антиамериканизма в тех регионах, где это очевидно, а с другой будет продолжен курс на либерализацию и демократизацию других мусульманских обществ, что в дальнейшем позволит

1 Amin, Samir. The Arab revolutions: A year after. // Pambazuka, 2012-03-14, [Электронный ресурс] URL:<http://pambazuka.org/en/category/features/80745> (дата обращения 05.04.2012).

2 Choharis P., Gavrilis J. Counterinsurgency 3.0 //Parameters. Spring 2010. P. 38

3 Permin C., Nichiporuk B., Stahl D. Unfolding the Future of Long War: Motivations, Prospects and Implications for U.S. Army. Santa Monica. RAND Corp. 2008.

их поставить в зависимость от политики Вашингтона. Например, Египет и Алжир в свое время являлись двумя арабскими странами, занимающими лидирующие позиции в первой волне «пробуждения Юга» эпохи Движения неприсоединения. Позже с помощью дипломатических манипуляций со стороны Белого дома они попали в орбиту влияния США и стали проводниками их интересов в регионе.

Во-вторых, это создание новой глобальной парамусульманской сети для осуществления культурного и информационного влияния в различных странах. Как пример можно привести Турцию, где искусственно созданное при поддержке ЦРУ псевдорелигиозное учение Фетуллаха Гюлена привело к проникновению во властные структуры адептов этой секты и дальнейшей деконструкции основ кемалистской государственности. Бывшая сотрудница ФБР Сибил Эдмонс писала, что школы Гюлена являются хорошо законспирированным тылом сотрудников ЦРУ и используются при проведении соответствующих операций в регионах, а большая часть учителей этих школ имеет дипломатический паспорт¹.

В целом в отношении фактора религиозно-политического влияния глава международного бюро и вице-президент Рабочей Партии Турции Семих Корай назвал «умеренный ислам» альтернативой Кемалистской Революции, которую американские империалисты скроили для Турецкой Республики. Следует не забывать и то, что Реджеп Эрдоган является сопредседателем проамериканского проекта Великий Ближний Восток, целью которого является переустройство ряда государств региона.

В третьих, это более жесткое разделение функций некоторых действующих лиц этого процесса. Является очевидным, что полная демократизация мусульманских движений и организаций США не предусмотрена. Как верно заметил Ноам Хомский, «обеспокоенность американских властей проблемой ближневосточного терроризма очень избирательна, подобно тому, как избирательной является обеспокоенность в США проблемой исламского фундаментализма»². Поэтому Братья-мусульмане и им подобные политические объединения совместно с салафитами-экстремистами работают с разделением задач, но для общей цели заказчика. Как выразился Самир Амин, «Братьям мусульманам нужен «сертификат» демократии, который Обама дал им, таким образом «отделив» их от «экстремистов», т. е. салафитов»³. По его

1 Савин Леонид. Турецкий референдум и суфийский ислам made in U.S. Фонд стратегической культуры. 19.09.2010 [Электронный ресурс] URL: <http://www.fondsk.ru/news/2010/09/19/tureckij-referendum-i-sufijskij-islam-made-in-us.html> (дата обращения 25.04.2012).

2 Хомский Н. Классовая война. — М.: Праксис, 2003. С. 170.

3 Amin, Samir. The Arab revolutions: A year after.// Pambazuka, 2012-03-14, [Электронный ресурс] URL:<http://pambazuka.org/en/category/features/80745> (дата обращения 05.04.2012).

мнению, стратегия современного империализма в регионе Большого Ближнего Востока не направлена на установление каких-либо форм «демократии». Она направлена на разрушение стран и обществ через поддержку так называемых исламских режимов, которые гарантируют продолжение «люмпен-развития», то есть процесс непрерывного разорения. Возможные «высокие темпы роста», оцениваемые со стороны Всемирного банка, по словам Амина, не имеют смысла, так как происходит разграбление природных ресурсов, связанное с быстрым ростом неравенства в распределении доходов и обнищания большинства населения.

Также можно выделить и ряд стран, которые на данный момент выдерживают непосредственную атаку неолиберализма.

В Сирии можно обнаружить переплетение трехсторонних интересов с очевидными целями: 1) для США это разрушение союза Иран-Сирия-Хизбалла, который является препятствием для закрепления контроля США над регионом; 2) Израиль заинтересован в том, чтобы Сирия распалась на сектантские мини-государства; 3) для арабских государств Персидского залива это шанс для укрепления «суннитской» диктатуры, которая явно будет направлена на репрессии в отношении религиозных и этнических меньшинств.

По мнению С. Амина Ирак был выбран в качестве «модели» для всего региона, но сама стратегия имеет более широкий диапазон. Он указывает, что «диктатура Саддама Хусейна была заменена тремя не менее (а более) жестокими режимами во имя «религии» (суннитов и шиитов) и этнической принадлежности (курды), что происходило с систематическим разрушением инфраструктуры и промышленности, запланированными убийствами десятков тысяч граждан из числа элиты, в частности, инженеров и ученых, а также разрушением системы образования (которая была не плохой во время режима Хусейна), чтобы свести ее к обучению религии и бизнеса. Те же цели внешние силы преследуют и в Сирии. Поэтому эмир Катара и король Саудовской Аравии больше всего ратуют за «демократию», что является фарсом. Следующей целью является Иран под видом угрозы их ядерной программы. Конечной целью империализма является «сдерживание и отбрасывание назад» с помощью превентивной войны наиболее опасных эмерджентных государств. Сначала будет Китай. Затем Россия, если ее успешная модернизация вооруженных сил сможет поставить крест на эксклюзивной военной мощи США»¹.

Поэтому ни о какой реальной помощи от США и их союзников мусульманским странам не будет. Для этого есть объективные причины, — при

¹ Amin, Samir. The Arab revolutions: A year after.// Pambazuka, 2012-03-14, [Электронный ресурс] URL:<http://pambazuka.org/en/category/features/80745> (дата обращения 05.04.2012).

развитии обществ этих государств соответственно будут расти и их запросы, а делиться технологиями прогрессивный Запад вряд ли захочет. В лучшем случае эти миллионы мусульман могут быть потребителями продукции транснациональных корпораций, но никак не носителями знаний и, тем более, различных политических проектов, так как по логике капитализма иметь серьезного конкурента просто не выгодно и рискованно. Что если страны региона смогут осуществить научный прорыв в различных перспективных технологиях, которые поставят конец превосходству Запада? Частично это является причиной того, почему Запад оказывает давление на Иран, который занимается наукоемкими отраслями и не намерен прекращать своих усилий в этом направлении. Поэтому в действительности для глобальной капиталистической элиты интерес состоит в том, чтобы наоборот, загнать эти общества в прошлое столетие, тормозить образовательные процессы и превращать в невежественных потребителей капиталистического рынка сбыта, включая эрзац-культуру (неслучайно ряд медиа проектов, созданных по инициативе Госдепа США, направлены на арабский и мусульманский мир, например, Марк Палмер второй вице-президент Совета поддержки сообщества демократий является одним из основателей дубайской медиакорпорации SignalOneTV, целью которой является пропаганда западного образа жизни среди молодежи стран Персидского залива)¹.

В глобальной исламской стратегии США есть также и опция разрушения. Любой конфликт между джихадистами может быть использован США по принципу «разделяй и властвуй» для того, чтобы расколоть транснациональные или региональные группы джихадистов тогда, когда это соответствует национальным интересам США, например, для внесения противоречий внутри движения ХАМАС, что было удачно проведено в Палестине с подачи Израиля. Традиционная поддержка сунитско-шиитского конфликта, что связано с рядом противоречий между этими обществами, также остается на повестке дня Вашингтона. По этому замыслу США должны поддерживать традиционные суннитские режимы в Саудовской Аравии, Египте и Пакистане для того, чтобы сдерживать иранскую силу и влияние на Ближнем Востоке и в Персидском Заливе².

Кроме того, в вопросах внутренних разборок, массовые умеренные исламские партии также обслуживают интересы Запада, потому что они отрицают постулаты классовой борьбы, для которых характерен секулярный характер и императивы равенства, в том числе борьба за права

¹ Савин Леонид. Ястребы — за глобальную демократию. // Фонд стратегической культуры. 19.11.2011. [Электронный ресурс] <http://www.fondsk.ru/news/2011/11/19/jastreby-za-globalnuju-demokratii.html> (дата обращения 05.04.2012).

² Pernin C., Nichiporuk B., Stahl D. *Unfolding the Future of Long War: Motivations, Prospects and Implications for U.S. Army*. Santa Monica. RAND Corp. 2008.

женщин (феминизм). По мнению Джеймса Петраса «это позволяет сохранить устоявшийся климат в обществе, манипулируя новыми “естественными” политическими лидерами из религиозно-базарной элиты, которые имеют свои структурированные сети. Новые исламистские коллаборационисты называются “умеренными и респектабельными” потому, что они согласны участвовать в выборах в рамках установленного политического и экономического порядка. Но они выгодны Западу также для того, чтобы направлять их против светских режимов, а также подавлять левые движения и профсоюзы, основанные на принципах классовой борьбы»¹.

Следует учитывать, что пристальное внимание к мусульманскому миру со стороны оборонных, разведывательных и гражданских аналитических экспертных центров США на протяжении последних десяти лет (что частично связано и с глобальной войной с терроризмом, объявленной Дж. Бушем в 2001 г.), а также полевые исследования в афганской и иракской кампаниях позволили американским стратегам создать более менее цельную картину возможных сценариев, а также широкого спектра намерений внутри мусульманского общества. Это означает, что ряд процессов можно будет искусственно смоделировать. Как пример можно привести находчивость Белого дома, для которого народные волнения в Тунисе и Египте оказались неожиданностью, однако для предотвращения появления возможных движений они инициировали военные бунты небольших вооруженных групп. Эта стратегия была успешно протестирована в Ливии, а потом применена и для Сирии.

Но какую бы стратегию США ни проводили для мусульманских стран, очевидно, что сами попытки создания «умеренного ислама» представляют собой не что иное, как организацию еретических толков и сектантского мышления, о чем проектировщики из Вашингтона забыли спросить самих мусульман.

¹ Petras, James. The Washington — “Moderate Islam” Alliance: Containing Rebellion Defending Empire. Finis Mundi Press. Dec. 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://finismundijournal.blogspot.com/2011/12/washington-moderate-islam-alliance.html> (дата обращения 09.01.2012).

Теория секьюритизации в международных отношениях

Ольга Якушина

Введение

Вопреки нашим ожиданиям, мир не становится более безопасным и стабильным, несмотря на все призывы к миру и согласию. Человечество сталкивается с новыми серьезными угрозами как регионального, так и мирового масштаба.

Безопасность не является строго определяемым понятием с точным и неизменным значением, и оно применяется с различными целями в разных контекстах. Однако традиционное использование безопасности было связано с приданием ей узкой и осязаемой объективности, что и было зафиксировано в общем понимании данного термина. Это в первую очередь объясняется господствовавшим позитивистским подходом, который стремился к объективности и применению методов естественных наук при изучении отношений между государствами. Но на самом деле понятие безопасности вызывает к жизни множество комплексных отношений, в связи с чем появилась потребность радикального пересмотра такого подхода. Используя идеи философии и социологической теории, представители ряда направлений в теориях международных отношений, обратились к критике традиционного понимания безопасности. В большинстве случаев это было вызвано событиями холодной войны, поскольку существовавшие рамки безопасности не позволяли проследить истинные причины и следствия происходивших событий. Узкое, государство-центричное и сфокусированное лишь на военном факторе понимание безопасности не могло отвечать потребностям дисциплины и ее способности раскрыть сущность международного порядка. Помимо того возникли вопросы, сопряженные с социологической теорией, поскольку идея, что социальный порядок устроен отличным образом по отношению к природному порядку материальной реальности, представляет собой одну из центральных тем таких социологов, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс. Происходил постепенный отход от позитивизма, и всё чаще в теориях международных отношений, например в рамках конструктивизма, стали обращаться к концепции социального конструирования реальности, которая была предложена П. Бергером и Т. Лукманом. Лишь благодаря появлению таких идей

в теориях международных отношений стала проследиваться мысль о том, что объектом может выступать социальный порядок, который включает в себя не только внутреннюю сферу не меньше, чем международную, но и внутрисоциетальные процессы не меньше, чем социетальные.¹ Такой объект как социальный порядок по своей сути нестабилен в отношении любой попытки наблюдателя создать модель, способную на осуществление процедуры анализа естественных наук, как это предлагал позитивизм. Здесь источником послужили также и идеи Р. Кокса², что позволило поставить под сомнение исключительно позитивистский подход. Через К. Маркса и А. Грамши, Р. Кокс пришел к сходной позиции, как Т. Лукман через идеи Э. Дюркгейма, и к сходному осознанию, что социальный порядок, а вместе с этим и международный порядок, является конструктором социальных практик. Понимание различных концептов требовало анализа, способного произвести деконструкцию и раскрыть данные социальные практики, скрываемые позитивистской объективностью. Критика преимущественно позитивистского подхода была направлена на познание того, как акторы конструируют свои взаимоотношения и как они причастны к созданию мира, в котором они существуют. Безопасность и небезопасность, с точки зрения такого подхода, представляют собой относительные качества, а не материальное распределение возможностей, угроз и уязвимостей.

Часть I

Теоретические основы секьюритизации

Одной из самых новаторских разработок в связи с концепцией безопасности по праву считается теория секьюритизации, которая была предложена в рамках Копенгагенской школы Б. Бузаном при совместной разработке с О. Вэйвером. Более того, пишут о том, что Б. Бузан своей работой «Люди, государства и страх» (1983 г.) открыл «ящик Пандоры», то есть он был тем, кто инициировал множество последующих исследований по вопросам проблемы безопасности, и он с радостью признает свою «вину».³

Для того чтобы понять, почему именно разработки в рамках теории секьюритизации считаются столь инновационными и значимыми, следует сначала обратиться к той теоретической базе, которая лежала в основе данного подхода.

1 McSweeney B. Security, Identity and Interests. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — P. 104.

2 McSweeney B. Security, Identity and Interests. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — P. 110.

3 Schouten P. Theory Talk #35: Barry Buzan on International Society, Securitization, and an English School Map of the World // Theory Talks, 2009. — P. 8.

Отнести фигуру Б. Бузана к одному направлению в рамках теорий международных отношений не представляется возможным. Его концепция находится на пересечении идей реализма и конструктивизма, в последнее время столь удачно сочетаемых Английской школой, но сама теория секьюритизации чаще всего обозначается просто как «разработка Копенгагенской школы». Б. Бузан сам отмечает, что не относит себя к определенной школе международных отношений. Он утверждает, что выбор теории должен зависеть от характера вопроса, а не априорно выбранной теории.

Международные отношения рассматриваются Б. Бузаном как обширное поле, которое не может повторять остальные дисциплины в социальных науках, большинство из которых сосредотачиваются на одном определенном направлении исследований. Он сравнивает такое функционально-дифференцированное понимание мира по аналогии с различными областями специализации. Право отделено от социологии, которая в свою очередь отделена от политики и т.д. Говоря о международных отношениях, некоторые люди думают о них, как, к примеру, международной политике, то есть о разделе политики. Но другие, как в случае Английской школы и конструктивистов, разрабатывают иной подход. Б. Бузан считает международные отношения не отдельной дисциплиной, а междисциплинарным полем, и предлагает наиболее инклюзивную концептуализацию международных отношений. Он говорит, что это обо всём: о том, как человечество в принципе организует себя.¹

В связи с этим самый большой вызов для международных отношений состоит в воссоединении их с мировой историей и социологией. Необходимость первой связи Б. Бузан обосновывает тем, что без этого исследователь в своем понимании процессов оказывается ограниченным лишь Вестфальской системой, не видя за ней всей мировой истории. Большинство теорий международных отношений предполагает определенные обстоятельства Вестфалии, что означает разделение мира на суверенные и автономные «ячейки» под названием «государства». Такой статичный взгляд на текущие международные отношения не представляется возможным. Большая часть мировой истории, истории Европы и современного развития в различных частях мира подтверждает это. По мнению Б. Бузана, лишь связь с всемирной историей позволит увидеть и снять многие из ограничений теорий, которые лежат в основании нашего понимания мира. Вторая связь представляется еще более значимой. В этом состоит причина того, почему Б. Бузан в последние годы активно сотрудничает с Английской школой международных отношений, разрабатывающей концепцию интернационального общества, в

¹ Schouten P. Theory Talk #35: Barry Buzan on International Society, Securitization, and an English School Map of the World // Theory Talks, 2009. — P. 3.

центре внимания которой находится именно общество, а не интернациональная (международная) политика, которая сводится к государствам. Социологический взгляд оказывается наиболее подходящим мыслительным инструментом, в отличие от государство-центричного.¹

В связи с этим следует отметить, каким образом Б. Бузан сопоставляет международные отношения и социологию. Например:

Социология исходит из внутренней перспективы, рассматривается структура уже данного объекта, обозначенного как общество. А теории международных отношений в основном исходят из внешнего, и построение идет в терминах системы.

Для социологов общество всегда состоит из индивидов. В свою очередь в международных отношениях, если речь идет об обществах, то исследователи обращаются к обществам государств или к мировому обществу, которое чаще всего понимается как состоящее из негосударственных акторов и государств. Это подтверждает, что международные отношения всё равно остаются замкнутыми в рамках государство-центричной модели.

Социология предлагает холизм по отношению к обществу, включая в себя весь спектр человеческой деятельности, а теории международных отношений в основном стоят на позициях механицизма и сконцентрированы на политике.

Следствием предыдущего пункта оказывается, что все явления замкнуты на политической сфере, а не как в социологии, где политика лишь одна из сфер и далеко не самая главная. Таким образом, всё сводится лишь к военно-политическому фактору, что объясняет, почему предлагается механистический концепт системы, а не социологический, т.е. общество.²

Именно связью международных отношений с историей и социологией Б. Бузан обосновывает, почему в последние годы он работает в рамках Английской школы, истоки которой были заложены ещё в 1930-е годы. В отличие от теорий, имеющих свои основания в бихевиористской или позитивистской традиции, Английская школа обращается к моральным, политическим, социальным особенностям интернационального общества.³ При этом многие представители Английской школы нового поколения сочетают исходные положения реализма с опорой на конструктивизм. Для данной школы в последние десятилетия характерен взгляд, что

1 Schouten P. Theory Talk #35: Barry Buzan on International Society, Securitization, and an English School Map of the World // Theory Talks, 2009. — P. 1.

2 Albert M., Buzan B. Functional differentiation and sectors: between Sociology and International Relations / Paper presented at the Sixth Pan-European International Relations Conference, Turin, 2007.

3 Griffiths M., Roach S.C., Solomon M.S. Fifty Key Thinkers in International Relations (Second Edition). London and New York: Routledge, 2009. — PP. 211-213.

в первую очередь конструктивизм и социология позволят произвести тщательный анализ сферы международных отношений.

Поэтому не удивительно, что во многих источниках Б. Бузан указывается как теоретик, который сделал очень многое для развития дисциплины в области международной теории и безопасности. До середины 1990-х гг. большинство работ Б. Бузана были сосредоточены на ограниченности неореализма и идеях структурного реализма. В последние годы он стал одним из основных представителей Английской школы в области исследований интернациональной безопасности.¹

Теория секьюритизации

Б. Бузана можно назвать исследователем, который написал первую книгу, посвященную детальному изучению концепции безопасности в противовес традиционному пониманию позитивизмом этого понятия. Прежде чем перейти к той аналитической схеме, которую Б. Бузан выстраивает в теории секьюритизации, следует отметить следующее. Данная концепция возникла потому, что четко проявилась ограниченность исследований, посвященных проблеме безопасности ввиду их ориентированности только на военные угрозы в сфере интернациональной безопасности в целом. Задача, которую перед собой ставит Б. Бузан и его коллеги из Копенгагенской школы состоит в деконструкции концепта безопасности. Их интересует то, как некий объект начинает рассматриваться в качестве угрозы безопасности, то, как он политизируется внутри определенного контекста и секьюритизируется. Б. Бузан стремится раскрыть процесс, в котором что-либо утверждается угрозой. Это представляет собой скорее конструктивистский подход, в то время как реализм сводит всё это комплексное понятие безопасности просто к синониму силы.² Такой традиционный подход к безопасности был возможен во время мировых войн, когда государства находились в постоянной борьбе за силовое и властное превосходство. Однако по мере перехода от таких условий существования становилось очевидным, что сужение понятия исключает из исследования множество важных сторон, которые составляют его сущность. Военная повестка дня, которая была характера для традиционного дискурса о безопасности, стала терять свое определяющее значение, и проявились другие проблемы безопасности, которые невозможно было игнорировать. Например, стали обсуждаться национализм, религия, идентичность и т.д. Произошло заметное расширение современной повестки дня, а соответственно отход

¹ Ibid. PP 211-213, 220-226.

² Buzan B. *People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations*. London: Harvester Wheatsheaf, 1983. — P. 9.

от безопасности как понятия, связанного главным образом с военным фактором, и движение в направлении принятия более широкого круга проблем как части того, что относится к понятию безопасности. С этой целью Б. Бузан предлагает теорию секьюритизации, в рамки которой он включает те факты и явления, которые раньше не рассматривались как части проблемы безопасности. Принадлежность к Английской школе, которая отличается плюралистическим подходом к международным отношениям, прослеживается в предлагаемой им концепции. Но как независимый исследователь, который находится обособленно от каких-либо школ международных отношений, он использует широкий набор различных теорий и предлагаемых ими инструментов. Это позволяет ему расширить существовавший до него анализ безопасности и предоставить понимание всей ее комплексности, применяя выстроенную схему к современным проблемам международных отношений.

Что же такое секьюритизация? Секьюритизация — это процесс, в котором определенный объект представляется как проблема безопасности. Понятие безопасности всегда связано с вопросом выживания, а, значит, речь идет об угрозе существования данного объекта. Б. Бузан вводит свой понятийный аппарат, используя термин референтный объект — т.е. это тот объект, по отношению к которому считается, что существует экзистенциальная угроза (то, на что можно указать и сказать «это должно выжить, соответственно необходимо...»¹). Объект становится вопросом безопасности, поскольку принимается решение, что он важнее, чем другие и должен обладать абсолютным приоритетом. Проблемы безопасности рассматриваются с той точки зрения, что должна быть угроза для чего-то, и такие условия приводят к необходимости использования экстренных мер. Исходя из такого рода формулы, Б. Бузан определяет, что выступает проблемой безопасности, а что — нет. Другими словами, это попытка взять объект из области нормальной политики и придать ему статус чрезвычайного приоритета, сказав, что «мы должны сделать что-то с этим, и мы должны сделать это сейчас и быстро, потому что в ином случае, то, что нам дорого, исчезнет или будет серьезно повреждено». Тем самым секьюритизация выводит нас за рамки нормальной политики. «Безопасность» — это шаг, который поднимает политику над установленными нормами и правилами решения таких вопросов.

Секьюритизация, таким образом, может рассматриваться как экстремальная политизация. Теоретически любой вопрос может быть расположен в континууме, начиная от неполитизированного (государство не разбирается с этим вопросом, и он ни в какой иной форме не становится

¹ Buzan B., Wæver Ø., Wilde de J. Security: a new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. — P. 36.

вопросом обсуждения и принятия решения), через политизированный (такой вопрос является частью государственной политики и требуется принятие решения) до секьюритизации (вопрос представлен как экзистенциальная угроза, требующая чрезвычайных мер и оправдывающая действия за границами нормальной политической процедуры). В принципе, размещение вопросов в этом континууме является открытым, т.е. любой вопрос может оказаться в любой его части в зависимости от обстоятельств. Некоторые государства будут политизировать религию (Иран, Саудовская Аравия, Бирма), а некоторые не будут (Франция, США). Некоторые из них будут секьюритизировать культуру (СССР, Иран) а некоторые не будут (Великобритания, Нидерланды). В случае вопросов (в частности, относящихся к окружающей среде), которые резко перешли из неполитизированной категории, исследователь столкнется с двойным вопросом, будут ли они просто политизированы или также секьюритизированы.¹

Для того чтобы осуществить секьюритизацию, конечно, необходимы акторы, которые это осуществляют, заявляя, что референтный объект находится в условиях экзистенциальной угрозы. Секьюритизирующий актор — это субъект (индивид или группа), производящий речевой акт о безопасности. В этой роли чаще всего выступают правительства, политические лидеры, лоббисты, группы давления. Но номенклатура акторов на этом не заканчивается, и она состоит как из государственных акторов, так и негосударственных, отдельных индивидов и групп даже никак не относящихся к сфере политики.

В процессе секьюритизации выделяется два этапа:

1) Заявление, что возникла угроза существования референтного объекта.

2) Завершение процесса секьюритизации, которое будет успешным, если актор смог убедить аудиторию в заявленном.

Способ, которым, Б. Бузан предлагает рассматривать секьюритизацию — изучение дискурса. Это означает, что секьюритизация оказывается успешной, когда аргумент с определенной риторикой и семиотической структурой достигает достаточного эффекта, чтобы аудитория допустила нарушение действующих норм и правил. Дискурс, который принимает форму представления существующей угрозы для объекта, сам по себе не создает секьюритизацию — это лишь секьюритизирующее движение. Проблема секьюритизируется только при условии, что аудитория принимает ее как таковую. «Принять» не обязательно означает свободную от подавляющего влияния дискуссию.² Если нет признаков «принятия», то можно говорить лишь о секьюритизирующем

1 Ibid. PP. 23-24.

2 Ibid. P. 25.

движении, второй этап не пройден, и секьюритизация не завершается. Здесь Б. Бузан обращается к теории речевого акта лингвиста Дж. Л. Остина, работы которого были вдохновлены теорией языковых игр Л. Витгенштейна. Он утверждает, что большинство концепций рассматривают высказывания как либо истинные, либо ложные и всегда дискриптивные. На самом деле словами можно производить действия, что до Дж. Л. Остина игнорировалось. Он называет их перформативными высказываниями или перформативными речевыми актами. Пример, который им часто используется — свадебная церемония: высказывания невесты и жениха «да» представляют собой перформатив. Говоря «да», совершается действие — вступление в брак.

Дж. Л. Остин выделяет три типа речевых актов:

Локутивный акт (*locution* — оборот речи, изречение) представляет собой произнесение высказывания, обладающего фонетической, лексико-грамматической и семантической структурами. Это самый базовый акт, посредством которого значение придается определенному высказыванию.

Иллокутивный акт (*il* — в, внутри), обладая определенной силой, обеспечивает указание не только на значение выражаемой пропозиции, но и на коммуникативную цель этого высказывания. Акт устанавливает значение высказывания вместе с перформативной силой и является конвенциональным. Пример: «Он призвал (или посоветовал, потребовал)».

Перлокутивный акт (*per* — посредством) служит намеренному воздействию на адресата и достижению какого-то результата. Данный акт не является конвенциональным. Пример: «Он убедил меня». Следует иметь в виду, что перлокутивный акт — это часть речевого акта говорящего, а не ответное, посткоммуникативное действие адресата. Перлокуция состоит в воздействии на информационное состояние адресата, на его настроение, планы, желания и волю.

Теория секьюритизации использует только иллокутивный акт.

Как было указано, сами речевые акты не могут быть ни истинными, ни ложными. Тем не менее, они занимают определенное место в соответствующих условиях и следуют правилам и предписаниям. В теории речевых актов Дж. Л. Остина это обозначается как «удачные условия». Он перечисляет шесть условий того, чтобы перформативный речевой акт стал удачным:

Речевой акт должен быть в соответствии с «принятой конвенциональной процедурой», относящейся к самому высказыванию.

Конкретные лица и условия в данном случае должны соответствовать, быть пригодными для проведения конкретной процедуры, к которой происходит обращение с помощью высказывания.

Процедура должна быть выполнена всеми участниками верно.

Процедура должна быть выполнена всеми участниками полностью.

Персона, участвующая в речевом акте должна быть искренней в своем высказывании.

Каждое лицо, участвующее в речевом акте, должно «жить» в соответствии с высказыванием, совершать соответствующие действия¹

Здесь следует отметить, что дихотомия искренности и неискренности может иметь важные последствия для использования речевых актов с целью секьюритизации. Это так, потому что отсутствие последних двух «удачных условий», в отличие от отсутствия первых четырех, не делает недействительным речевой акт. То есть секьюритизация может быть успешной даже когда секьюритизирующий актер неискренен.

Теоретическая важность перформативного речевого акта в формулировке Дж. Л. Остина для теории секьюритизации важна в двух планах:

формулирование речевых актов вообще — идея безопасности как иллокуции, посредством которой секьюритизация достигается высказыванием о безопасности;

для того как и когда речевые акты успешны или терпят неудачу.

В теории секьюритизации эта идея развивается под названием благоприятных условий. Попытки секьюритизации всегда сдерживаются теми или иными ограничениями. Поскольку второй этап состоит в принятии аудиторией секьюритизирующего движения в форме высказывания, то этому могут способствовать определенные обстоятельства. Условия для успешного речевого акта делятся на две категории:

1) Внутренние (лингвистически-грамматические), т.е. придерживаться общих правил построения речевого акта (соответствует первому «удачному условию» концепции Дж. Л. Остина). Необходимо следовать грамматике безопасности, и конструировать сценарий, который включает экзистенциальную угрозу, точку невозврата и возможный выход.

2) Внешние (контекстуальные или социальные), т.е. занимаемая актором позиция (это соответствует второму «удачному условию» концепции Дж. Л. Остина). Внешний аспект имеет еще два условия:

Социальный капитал секьюритизирующего актора, который должен обладать авторитетом (хотя это не обязательно официальный государственный авторитет). Социальные обстоятельства позиции авторитета — это отношение между говорящим и аудиторией, т.е. вероятность

¹ Austin J.L. (1962) How to do Things with words? Oxford: Clarendon Press, 1962. — PP.14-15.

того, что аудитория примет заявления, которые сделаны в попытке секьюритизации.

Второе условие относится к чертам самой угрозы. Более вероятно, что в воображении аудитории что-то станет угрозой безопасности, если происходит обращение к тому, что в принципе является угрожающим — будут ли это танки, враждебные чувства или химическое заражение.

Сами по себе данные условия никогда не делают секьюритизацию обязательной, но они увеличивают вероятность успешного прохождения второго этапа и осуществления секьюритизации.

Поскольку секьюритизирующий актор и референтный объект являются основными элементами, которые приводят в действие попытку секьюритизации, Б. Бузан подробно рассматривает именно внешние условия. Очевидно, что отношения среди акторов не являются равными и симметричными, и что возможность для успешной секьюритизации будет сильно варьироваться в зависимости от позиции, занимаемой актором. Таким образом, безопасность представляет собой структурированное поле, в котором некоторые акторы обладают властью и являются «общепринятым голосом безопасности». Однако эта сила и власть никогда не является абсолютной: никто не обладает гарантированной способностью заставлять людей принимать заявление о необходимости секьюритизации, а также никто не лишен возможности предлагать альтернативные интерпретации безопасности.¹

Подход, предлагаемый теорией секьюритизации, выстраивает более широкую концептуальную сеть, в пределах которой государство может оказаться в центре, но это не предопределенный исход. Б. Бузан и О. Вэйвер подчеркивают, что речь не идет о том, что безопасность связана только с государством в качестве главного актора, ни, что безопасность является в равной степени доступной для всех государств и социальных движений. Безопасность — это область конкурирующих субъектов, это предвзятая область, где государство остается в привилегированном положении как исторически наделенное задачами по обеспечению безопасности. Это не означает, что государство оказывается в центре теории секьюритизации, оно просто обладает более благоприятной позицией.²

Поскольку Б. Бузан в своем анализе отдает предпочтение конструктивизму, то вопросы безопасности необходимо проследивать на соответствующих уровнях и секторах. Он отходит от традиции реализма по формуле «государство государству волк», в которой подход к безопасности сводится лишь к борьбе за власть. Упомянуты три основных уровня безопасности: индивиды, государства, интернациональные

¹ Buzan B., Wæver O., Wilde de J. Security: a new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. — P. 31-32.

² Ibid. P. 36.

системы. Но основным фокусом его анализа выступают именно сектора. Концепция безопасности не та модель, где можно применять одинаковый подход в любой ситуации, на любом уровне или секторе. Задача состоит в изолировании каждого сектора с целью анализа динамики безопасности, но при этом все сектора образуют взаимосвязанную сеть. Каждый из них имеет собственное значение, хотя долгое время военные угрозы традиционно брали верх в повестке дня государств. Однако с расширением представления о безопасности приобрели значение и иные сферы. Все сектора должны приниматься во внимание, как отдельно, так и вместе при анализе безопасности. Б. Бузан выделяет следующие сектора:

- Военный
- Политический
- Экономический
- Социетальный
- Инвайронментальный

Военные угрозы затрагивают все компоненты государства. Они могут поставить под вопрос самую основную обязанность государства — способность защищать граждан. Военная безопасность касается двухуровневого взаимодействия вооруженных наступательных и оборонительных возможностей государств, и восприятия государствами намерений друг друга.

Политические угрозы также представляют собой постоянное беспокойство государства. Однако в ряде случаев их трудно отделить от военных угроз. Поскольку само государство является политическим единством, то угроза ослабления этого единства может рассматриваться на одном уровне с военной угрозой. Политическая безопасность относится в первую очередь к стабильности государств, их систем управления и идеологий.

Экономические угрозы сложно определить из-за самой природы экономики. Нормальное состояние акторов в рыночной экономике — рискованное, агрессивное соперничество и неопределенность. Граница между стабильностью и угрозой четко не выражена. Б. Бузан обращается к важной связи между экономической и военной безопасностью. Легко увидеть, что военная безопасность зависит от экономической хотя бы ввиду бюджетных ограничений. Экономическая безопасность связана с доступом к ресурсам, финансам и рынкам, необходимым для поддержания достаточного уровня благополучия населения и государственной власти.

Социетальные угрозы связаны с обществом в целом и идентичностью людей, его составляющих. Государства могут быть неспособны

иметь дело с различиями в идентичности и культуре. Сейчас большинство конфликтов несет в себе неизменный социальный элемент. Но социальную безопасность, конечно, сложно исследовать, поскольку идентичность и культура — это субъективные и контекстуальные конструкты, что легко может приводить к политике дискриминации и исключения.

Инвайронментальные угрозы. Говоря о возможных экологических угрозах, часто думают о «борьбе людей с природой», т.е. о стихийных бедствиях. Эти события, сами по себе, невозможно контролировать. Но современное воздействие человека на планету, которое выражается в таких явлениях, как глобальное потепление, загрязнение окружающей среды и разрушение озонового слоя, это то, где наиболее явно можно сформулировать угрозу безопасности.¹

Если же обратиться к референтным объектам, то вместо традиционного главного объекта безопасности в лице государства мы получаем их широкий набор в связи с каждым из секторов. В принципе секьюритизирующие акторы могут попытаться конструировать что угодно как референтный объект. Однако на практике ограничения благоприятных условий означают, что некоторые объекты легче секьюритизировать, чем другие.

В военном секторе референтным объектом обычно выступает государство, но также и отдельные политические лица. Традиционные исследования безопасности склонны считать все военные вопросы угрозами безопасности, но это так не всегда. Вооруженные силы могут использоваться в таких гуманитарных акциях как миротворчество или для ликвидации последствий стихийных бедствий. В этом случае мы имеем дело с политикой, не выходящей за рамки существующих норм.

В политическом секторе экзистенциальные угрозы традиционно определены в терминах принципа суверенности. Суверенности может угрожать всё что угодно, что посягает на ее легитимность или властный авторитет. Но сегодня появился широкий выбор наднациональных референтных объектов, например, Европейский Союз. Экзистенциальные угрозы в данном секторе — это в первую очередь те, что обесценивают правила, нормы и институты таких объектов.

В экономическом секторе референтные объекты и экзистенциальные угрозы сложнее указать в связи с обозначенной ранее природой сектора. Фирмы достаточно часто оказываются в условиях угрозы, например, ввиду возможности банкротства. В рыночной экономике фирмы ожидаемо приходят и уходят, и очень редки случаи попыток их секьюритизации. Ситуация может быть иной только, если появляется угроза

¹ Buzan B. *People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations*. London: Harvester Wheatsheaf, 1983. — PP. 75-83.

выживания всего населения. В ином случае шансы на секьюритизацию крайне ограничены. Но, например, «либеральная экономика мира» или «свободная торговля» уже имеют определенный статус в качестве референтных объектов.

В социетальном секторе референтным объектом выступают в основном коллективные идентичности. Социетальная безопасность — способность общества воспроизводить его традиционные формы языка, культуры, ассоциации, а также религиозной и национальной идентичности. Такую способность возможно секьюритизировать. Например, можно заявить, что миграция создает угрозу столкновения культур, и легко нарисовать сценарий своего рода социальной холодной войны между западным и исламским миром, где необходимы надполитические меры для сохранения западных или исламских культурных ценностей.

В инвайронментальном секторе перечень возможных референтных объектов крайне обширен — от относительно конкретных вещей, таких как выживание отдельных видов (тигры, киты, человечество) и типов обитания (тропические леса, озера) до более размытых и крупномасштабных проблем, таких как поддержание планетарного климата и биосферы. Многие из таких референтных объектов происходят из отношений между людьми и биосферой. Окружающая среда становится очень удобным объектом для использования логики секьюритизации, которая точно следует формуле: окружающая среда должна выжить, поэтому этот вопрос должен иметь приоритет над всеми остальными, потому что если среда деградирует до точки невозврата, все остальные вопросы теряют смысл. «Если нормальная система (политика в соответствии с правилами, как они существуют) не в состоянии справиться с этой ситуацией, мы (Гринпис, экотеррористы) примем чрезвычайные меры по спасению окружающей среды». Идея устойчивого развития может быть инвайронментальным эквивалентном суверенитета государства, потому что это образующий принцип, который должен быть защищен.¹

Использование секторов, будь то отдельно или в комбинации, выявляет спектр возможных объектов секьюритизации, каждый из которых может оказаться самым приоритетным. Этот способ позволяет разложить целое на части для поэтапного анализа, обращая внимание на отличительные закономерности взаимодействия в каждом из секторов и акторов, связанных с ними. Но ни сами сектора, ни референтные объекты, не существуют независимо, они всё равно остаются неотъемлемыми частями сложного целого. Сектора выделяются для упрощения и облегчения процедуры анализа. Пять секторов, конечно, не окончательный и

¹ Ibid. P. 38.

законченный набор, он может изменяться в соответствии с ростом человеческого знания или имеющихся приоритетов.

Суть процесса секьюритизации базируется на речевом акте. Начиная дискурс о безопасности, мы уже производим некоторое действие, т.е. секьюритизирующее движение в надежде на его принятие аудиторией. Поскольку такое качество представления экзистенциальных угроз и проблем в политике поднимает их над нормальными правовыми процедурами, то проблема чаще всего драматизируется и представляется как проблема наивысшего приоритета. Но это вовсе не означает, что она становится проблемой безопасности потому, что существует реальная угроза. Она является таковой только потому, что проблема представлена в речи как угроза.¹ Просто говоря «безопасность», секьюритизирующие акторы претендуют на получение права использовать любые необходимые средства, чтобы остановить угрожающее развитие.

Б. Бузан подчеркивает, что в исследовании вопросов безопасности, задача состоит в том, чтобы «ухватить это действие», а не в том, чтобы дать оценку неким объективным угрозам для референтного объекта.² Невозможность применения объективных стандартов безопасности относится к тривиальной, но редко замечаемой черте аргументов безопасности. Они касаются будущего, альтернативных будущих, которые всегда гипотетические. Мы не знаем наверняка, окажется ли та или иная угроза, действительно, угрозой существования объекта.

К секьюритизации, конечно, можно отнести и объективно (существует реальная угроза), и субъективно (существует объект, воспринимаемый как угроза, но он не обязательно представляет собой реальную угрозу). Даже если попытаться подойти к этому вопросу объективно, то неясно как это можно осуществить, за исключением случаев, в которых угроза выражена недвусмысленно и непосредственно. Но тут опять же возникает проблема, например, рассмотрим случай, если вражеские танки пересекают границу. Даже здесь «вражеский» — это атрибут не самого танка, а социальное отношение. Чужой танк может быть и представителем миротворческой миссии. Что еще больше усложняет ситуацию — факт того, что объективной и всеобъемлющей меры безопасности в принципе не существует.

Но секьюритизация должна пониматься даже не как субъективный процесс, а именно интересубъективный и социально конструируемый. Понимание чего-либо как угрозы не содержится в изолированных умах людей, это социальное качество, часть дискурса, социально конструированного, интересубъективного мира. Просто говорить о безопасности еще не гарантирует успех. Успешная секьюритизация решается не самим

¹ Ibid. P. 24.

² Ibid. P. 26.

актором, а аудиторией, к которой обращен дискурс: Таким образом, безопасность, в конечном счете, покоится ни на объектах, ни на субъектах, а среди субъектов.¹

«Лакмусовой бумажкой» для безопасности выступает успешная мобилизация аудитории во имя вопроса, изображаемого секьюритизирующими акторами как угрозы безопасности². Проще говоря, без мобилизации за пределами нормальной политической процедуры проблема не может считаться проблемой безопасности. Язык выступает движущей силой эскалации угроз, т.е. он является мощным политическим инструментом. Секьюритизация может становиться «технологией дисциплины» с целью контроля и управления, социальной практикой на службе у государства. Национальная безопасность никогда не должна идеализироваться. Ее используют для того, чтобы заставить замолчать оппозицию и дать «власть держащим» множество возможностей эксплуатировать угрозы для своих целей. У секьюритизации есть тактическая привлекательность для манипуляции — например, как путь, чтобы достигнуть должного внимания к выгодным для государства (или иного актора) проблемам. Поэтому Б. Бузан и О. Вэйвер подчеркивают, что они не считают, что «чем больше [вопросов о] безопасности, тем лучше». Более того, они предлагают обратный процесс, т.е. десекуритизацию, где угрозы возвращаются в сферу нормального политического порядка. Хотя десекуритизация, с точки зрения Б. Бузана предпочтительна, но в определенных ситуациях можно выбрать секьюритизацию. Но никогда не стоит верить в то, что это невинное отражение проблемы, которая является угрозой безопасности: секьюритизация всегда представляет собой политический выбор.³

Выводы

Б. Бузан и его коллеги обращаются в своей концепции к социальным аспектам безопасности: как люди или общества конструируют и секьюритизируют угрозы. Исследования секьюритизации ставят целью точно установить: кто секьюритизирует, о каких проблемах (угрозах), для кого (референтные объекты), почему, с каким результатом и не в последнюю очередь — при каких условиях. Используя теорию секьюритизации, исследователю следует сконцентрироваться не на том, чем является безопасность, а какой эффект она производит.

Основная идея теории секьюритизации состоит в следующем: понимание процессов конструирования разделяемого всеми понимания

1 Ibid. P. 31.

2 Ibid. P. 25.

3 Ibid. P. 29.

того, что названо и на что отвечают как на угрозу. Б. Бузан предлагает рассмотрение секьюритизации как дискурсивного конструирования угроз безопасности. Данная концепция включает речевой акт как способ выражения факта экзистенциальной угрозы для референтного объекта. Заявляется, что необходимы чрезвычайные меры для решения проблемы выживания объекта. Само заявление еще не означает секьюритизации, это лишь секьюритизирующее движение (хотя опасность может существовать, но акторы должны принять ее как таковую).¹

Как сам Б. Бузан отмечает, он считал важным изучить процесс, с помощью которого люди конструируют некий объект в качестве угрозы, те пути, которыми различные вещи могут быстро создаваться как проблема безопасности (как борьба с терроризмом), или наоборот будут оспариваться (как в случае Ирака), или вдруг будут десекуритизированы (как холодная война). Он высказывает не свою точку зрения на объективные угрозы, а смотрит на то, как другие отвечают на эту угрозу.²

В следующей части доклада мы обращаемся к конкретным примерам, где можно проследить процессы секьюритизации.

Часть II

Всегда, когда речь идет о безопасности, то возникает вопрос: когда цель оправдывает средства. Хотя решение такого вопроса может показаться очевидным и простым, это далеко не так. Необходимо всегда просчитывать до какой степени результат решений о безопасности оправдывает меры, применяемые для его достижения.

Поскольку процесс секьюритизации был рассмотрен и обозначена возможность десекуритизации, то сначала мы кратко остановимся на характере секьюритизации холодной войны и на том, каковы были последствия ее десекуритизации. Это необходимо для лучшего понимания основных черт новых отношений в сфере безопасности. Хотя сами процессы были сконцентрированы в Европе, но изменения имели место во всей интернациональной системе.

Секьюритизация и десекуритизация холодной войны

Особенность секьюритизации холодной войны состоит в том, что это была макро-секьюритизация. В концепции Б. Бузана это означает такой тип секьюритизации, который направлен на формулирование вопросов

¹ Buzan B., Wæver O., Wilde de J. Security: a new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. — P. 28.

² Interview with Barry Buzan, Professor of International Relations at the London School of Economics / Foreign Affairs and International Trade Canada — <http://www.international.gc.ca>

безопасности на уровне всей системы. Макро-секьюритизация определяет очень большую стратегическую область, в течение длительного периода времени и которая становится основным приоритетом в повестке дня всего мира. Холодная война является самым успешным примером прочной и длительной макро-секьюритизации, когда референтные объекты представляли не только национальную безопасность США и Советского Союза, но и отвечали за будущее человечества, какие принципы будут регулировать общества.¹

Если обратиться к истории, то, по мнению Б. Бузана, такого рода макро-секьюритизаций до холодной войны не существовало. По крайней мере он уверен в том, что они отсутствовали для системы отношений Вестфальского мира (1648 — 1945 гг.). В этот период соперничество держав формировало лишь частные и обособленные секьюритизации, которые могли обладать глобальным характером только в том смысле, что имели глобальные последствия для альянсов, колоний и т.д. Б. Бузан обращает внимание на идеологический фактор, который уже использовался в качестве инструмента конструирования угроз. Например, республиканский режим против монархического, что сыграло свою роль в образовании некоторых союзов в XIX веке. Анализируя историю Европы, он отмечает, что следовало бы ожидать бóльшую роль идеологии в процессах секьюритизации. Но этого не произошло в идеологической триполярности либеральной демократии, фашизма и коммунизма, и, возможно, объясняется структурой альянсов, сохранением выгодного баланса сил для каждой из держав.² Однако XX век, согласно Б. Бузану, вполне может войти в историю как эпоха войн индустриальной идеологии между державами. За короткое время войны развязали идеологическое соперничество, которое в свою очередь развязало новые войны, как «горячие», так и «холодные». Первый раунд войны, начиная с 1914 г., породил противостояние фашизма и коммунизма с либеральным капиталистическим Западом. Во втором раунде столкнулись западные и коммунистические силы, объединенные вместе в 1941 г. для ликвидации фашизма как серьезного идеологического противника. Третий раунд, т.е. холодная война, был длительным периодом, в котором ядерное сдерживание достигалось за счет гонки вооружений, технологических инноваций, экономического роста и социетальной привлекательности.³

Холодная война вынуждала весь мир поддерживать одну из сторон двуполярной системы в лице США и СССР. Переход к такой секьюритизации был успешно представлен соперничеством сверхдержав и

1 Buzan B. The 'War on Terrorism' as the new 'macro-securitisation'? //Oslo Workshop, 2006. — PP. 1-2.

2 Ibid. PP. 2-5.

3 Buzan B. New Patterns of Global Security in the Twenty-First Century // International Affairs, 1991. — Vol. 67. — № 3. — P. 435.

воплотился в макро-секьюритизацию холодной войны. В вопросах безопасности преобладала крайне милитаризованная и поляризованная идеологическая конфронтация. Ввиду интенсивности соперничества сверхдержав опасность войны была реальной и вопросы безопасности для большинства государств были самыми важными и постоянно обсуждаемыми.

Окончание холодной войны стало актом десекуритизации. Это означает, что такая макро-секьюритизация перестала существовать и не оставила ничего равного взамен. Холодная война была ярким примером того, как что-то очень удачно было сконструировано как угроза, но после распада СССР перестало быть ею. Это показывает, что секьюритизация может работать в обоих направлениях — объявить что-то в качестве угрозы, а потом развенчать ее.

Секьюритизация, особенно в ее макро варианте, — очень привлекательный инструмент для государств, удержаться от использования которого практически невозможно. Как только исчезло противостояние двух держав периода холодной войны, то появилось пустое пространство, определенный вакуум, который не может долго оставаться незаполненным. После завершения холодной войны не было примеров успешной макро-секьюритизации. Имевшие место западные военные интервенции представляли собой преимущественно конкретные и локальные секьюритизации. При этом сложно говорить об истинной секьюритизации, поскольку в основном это были секьюритизирующие движения, ответом на которые были дискуссии о законности, практичности и нравственности применения военной силы в погоне за правами человека.

В 1990-е гг. попытки макро-секьюритизаций происходили в основном уже не в военном, а в других секторах. Например, речь шла о правах человека или о мировой экономике, когда сторонники либеральной торговли и финансового порядка были обеспокоены стабильностью глобальных режимов, а сторонники анти-глобализации указывали на проблемы перспектив развития и влияния глобализации на распространение бедности или голода. Не забывался и инвайронментальный сектор, когда предпринимались попытки макро-секьюритизации планетарной среды как глобального референтного объекта, от которого зависит существование человеческой цивилизации. Затрагивалась, конечно, и проблема идентичности в социетальном секторе (в основном на локальном и национальном уровне). Особое внимание уделялось вопросам миграции, национальных меньшинств и мультикультурализма. Б. Бузан отдельно упоминает идеи С. Хантингтона, изложенные в работе

«Столкновение цивилизаций», считая, что они имеют некоторые элементы макро-секьюритизации.

Макро-секьюритизация терроризма

Б. Бузан предлагает в качестве наиболее вероятного кандидата на смену макро-секьюритизации холодной войны — терроризм. Поэтому он исследует, что может этому способствовать, а что помешать, и каковы будут последствия. Говоря о терроризме, невозможно не упомянуть США, которые после завершения холодной войны ощущают явный дефицит угроз. Эта страна осуществляла множество как секьюритизирующих движений, так и самих секьюритизаций, которые во многом выглядят попыткой найти новую угрозу на место СССР. Например, позиционируемая угроза со стороны Китая остается заметной в текущем дискурсе о безопасности США. Но такая секьюритизация не имеет практически никаких перспектив стать равнозначной статусу макро-секьюритизации холодной войны. Упомянутый выше тезис С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» также был явным намерением секьюритизировать ислам как врага по отношению к американской силе и ценностям. Это единственная попытка, которая приблизилась к статусу макро-секьюритизации. Соответственно, сегодня существует катастрофический дефицит угроз, а они являются не переменным элементом функционирования государства, потому что именно их наличие дает великолепную возможность обосновывать причины принятия многих решений и действий. Государства нуждаются в угрозах для того, чтобы оправдать свое существование и узаконить проводимую политику, а война с терроризмом как нельзя лучше подходит для таких целей.¹

Нападение Аль-Каиды на США 11 сентября 2001 года позволило произвести существенный сдвиг в повестке дня безопасности. Еще в начале 1990-х годов президент Б. Клинтон часто обращался к «человеческой» безопасности и призывал к «новому пониманию значения и природы национальной безопасности и роли индивидов и государств-наций». Он призывал к «концептуальному прорыву» в понимании безопасности в терминах «людей в их домах, на работе и сообществе».² Очевидно, что 11 сентября решило проблему дефицита угроз для США, а также волну массовых протестов против политики администрации Дж. Буша. Объявленная война с терроризмом обеспечила доминирующую секьюритизацию, вокруг которой смогла организоваться вся внешняя политика. Причем секьюритизация такого рода имеет четкий характер американской однополярности. США видят себя как державу, на которую возложена миссия защиты будущего всего человечества, и,

1 Buzan B. The 'War on Terrorism' as the new 'macro-securitisation'? // Oslo Workshop, 2006. — P. 6.

2 Clinton B. The speech before the UN General Assembly, 27 September 1993.

как следствие, имеющую право и обязанность говорить и действовать от имени и во имя всего человечества. В американской политике глубоко укоренилась склонность апеллировать к принципам и интересам США, как будто они универсальны, что дает политике безопасности страны необычайно моралистический и манихейский тон. Поскольку в теории секьюритизации речевой акт и дискурс о безопасности в целом занимают центральное положение, то их можно проиллюстрировать конкретными примерами. Это прослеживается в ультиматуме бывшего президента Дж. Буша: «Вы или с нами, или вы с террористами», или в заявлении — «наша ответственность перед историей нам ясна: ответить на эти атаки и избавить мир от зла.»¹ В этом аспекте следует обратить внимание на Стратегию национальной безопасности США 2002 года, где постоянно подчеркивается, что США нет равных по мощи и что они будут защищать мир, ведя борьбу с террористами, что именно США «выпала честь возглавить это великое дело». Ясно, что при таком дискурсе терроризм уже установлен экзистенциальной угрозой глобального уровня, более того — даже описано то, как следует выйти за рамки нормального политического процесса и что необходимо применять в этой войне против терроризма. Правда, при этом появляется ощущение, что США все-таки осознают хрупкость своей позиции, и что война с терроризмом может не оказаться макро-секьюритизированной, и поэтому между делом в этом документе упоминается проблема ВИЧ/СПИДа. Тем самым такое формулирование войны с терроризмом сразу показало отчаянное положение США в плане отсутствия достаточно глобальных угроз. Терроризм конструировался с претензией на свою значимость не просто как секьюритизации, а именно макро-секьюритизации.

Война с терроризмом — не одна из множества невоспринятых, путанных секьюритизаций 1990-х гг., а возврат к традиционной связи безопасности с военной сферой. Возможно, это было попыткой воссоздания модели холодной войны, потому что такая секьюритизация возродила готовность сил мира вмешиваться во внутренние и внешние дела других стран в погоне за террористами. Война вновь вернулась в центр политической сцены, однако, это не война в традиционном смысле. Применялся военный подход, но основное действие происходило не только в традиционной военной форме.²

В общем, о терроризме можно было говорить как успешной макро-секьюритизации, и терроризм был принят как угроза для западной цивилизации. Часть успеха объясняется тем, что проблема терроризма связывает вместе несколько давних проблем в области безопасности:

1 — Bush G. W. The National Security Strategy of the United States of America, Washington D.C., White House, September 2002. — P. 5.

2 — Buzan B. The 'War on Terrorism' as the new 'macro-securitisation'? // Oslo Workshop, 2006. — PP. 2-7.

преступность, торговлю наркотиками, оружием массового поражения. Ясно, что открытие государственных границ для торговли, потоков финансов, информации и миграции имеет свою темную сторону. Преступники и террористы тоже могут воспользоваться такими преимуществами либеральной открытости. Секьюритизация терроризма смогла связать все эти проблемы воедино.¹ Подтверждением служит Европейская стратегия безопасности 2003 г. Среди пяти ключевых угроз были названы терроризм, пролиферация оружия массового поражения, региональные конфликты, провал государства, организованная преступность (связанная в первую очередь с незаконным оборотом наркотиков, женщин, нелегальных мигрантов и оружия), где всё концентрируется вокруг проблемы терроризма.² Этот документ стал продолжением европейского образца формирования комплекса угроз для проведения секьюритизации в мире после 11 сентября 2001 года. И, если сравнить тексты Европейской стратегии безопасности за 2003 и 2010 годы, то можно увидеть, что перечень ключевых проблем видоизменился, но терроризм по-прежнему остался на первом месте. Список основных угроз в 2010 г. состоит из: терроризма (в любой форме), организованной преступности, кибер преступности, трансграничной преступности, насилия, стихийных (естественных) и созданных человеком бедствий.³ Сразу после 11 сентября НАТО сослалось на статью 5 (если одна из сторон подверглась нападению, то осуществляется индивидуальное или совместное действие, которое будет сочтено необходимым, включая применение вооруженной силы с целью восстановления и последующего сохранения безопасности Североатлантического региона), помогая тем самым узаконить секьюритизацию войны с терроризмом, а речевые акты европейских лидеров лишь усилили этот шаг.⁴ К примеру, в тот момент президент Франции Ж. Ширак высказался следующим образом: «Франция знает, что борьба с терроризмом эффективно может быть осуществлена только путем определенного, коллективного действия»⁵, а премьер-министр Великобритании Т. Блэр заявил: «Этот массовый терроризм является новым злом в нашем мире. Люди, которые совершают его, не знают никакой святости и ценности человеческой жизни, и мы — демократии мира, должны объединиться, чтобы победить его и уничтожить. Это не борьба между Соединенными Штатами Америки и терроризмом, но и между свободным и демократическим

¹ Ibid. P. 8.

² A Secure Europe in a Better World: European Security Strategy (2003) / Official website of the European Union. — PP 3-5.

³ Internal Security Strategy for the European Union: Towards a European Security Model (Draft, 2010) / Official website of the European Union — PP 3-5.

⁴ Buzan B. The 'War on Terrorism' as the new 'macro-securitisation'? // Oslo Workshop, 2006. — P 9.

⁵ Chirac J. History: September 11, 2001 / The Patriotic Resource.

миром и терроризмом. Поэтому мы здесь, в Великобритании, стоим плечом к плечу с нашими американскими друзьями в этот час трагедии, и мы, как и они, не успокоимся, пока это зло не будет изгнано из нашего мира.»¹

Нет сомнений в том, что с сентября 2001 года война с терроризмом добилась значительного прогресса в качестве объекта макро-секьюритизации, и получила широкое признание в международном сообществе. Но означает ли это, что терроризм и сейчас остается таковым?

Б. Бузан предлагает к обсуждению следующие факторы и возможные сценарии развития событий в вопросе макро-секьюритизации терроризма, которые могут ее как укрепить, так и ослабить:

Влияние новых террористических атак.

Спектр вариантов возможного развития следующий. На одном его конце находится нормализация, в которой террористическая угроза уходит на второй план и становится приемлемой частью повседневных рисков жизни человека. На другом конце находится эскалация, в которой мотивация и организация террористов останется сильной, а контр-меры — лишь частично эффективными. Путь эскалации, конечно, усилит и укрепит секьюритизацию войны с терроризмом, а нормализация — ослабит. На долговечность секьюритизации терроризма напрямую будет влиять успех террористических организаций в поддержании достаточного уровня нападений и провокаций. При этом не стоит исключать и такую возможность, что правительства, заинтересованные в сохранении войны с терроризмом, будут прибегать к дезинформации с целью усиления террористической «угрозы». Закрытость организаций, которые раскрывают террористические заговоры, дает широкие возможности для манипуляций, начиная от искажения фактов до полной их фабрикации.

Приверженность США к секьюритизации войны с терроризмом.

Поскольку после событий 11 сентября именно США были инициатором объявления «войны терроризму», то от их действий в ее поддержку, зависит, будет ли такая макро-секьюритизация процветать или потерпит неудачу. Риторика администрации Дж. Буша повлияла на восприятие США по обе стороны Атлантики, и далеко не всегда в положительном свете, что оказывает определяющее влияние на процесс секьюритизации терроризма. Позиция США как борца за свободу и мир во всём мире после интервенций в другие страны оказалась делегитимизированной. Например, вторжение США в Ирак, отчётливо

¹ Blair T. History: September 11, 2001 / The Patriotic Resource.

проявило их некомпетентность и роль оккупантов, в результате чего право Соединенных Штатов проводить макро-секьюритизацию сильно пошатнулось. Причем этого было достаточно для того, чтобы дискредитировать секьюритизацию войны с терроризмом даже в самих США просто потому, что ее связывают с деятельностью администрации Дж. Буша. Можно вспомнить чудовищные действия по отношению к военнопленным, пытки и защиту США своего права на эти меры. А если аудитория не готова принять речевой акт от такого актора, значит, что секьюритизация не сможет успешно завершиться. Дискурс, конечно, стал видоизменяться, и США начинают говорить не о «глобальной войне с терроризмом», а о «борьбе против глобального экстремизма» или «глобальной борьбе с врагами свободы, врагами цивилизации». Это может рассматриваться либо как отход от секьюритизации войны с терроризмом, или, вероятнее, как попытка сформулировать ее таким образом, чтобы найти отклик в широких массах и противостоять критике.

3. Легитимность США как лидера секьюритизации в рамках международного сообщества.

Данный вариант во многом сходен и был изложен в предыдущем пункте. Однако даже если сами США придерживаются секьюритизации терроризма, неизвестно, добьются ли они достаточной степени согласия для поддержки другими странами такой доминирующей макро-секьюритизации. Это, конечно, зависит от авторитета и легитимности США как лидера в международном сообществе. Раньше США успешно вели макро-секьюритизацию холодной войны против коммунизма и военной мощи Советского Союза. А война с терроризмом обладает потенциалом для того, чтобы собрать вместе еще более широкую группировку, состоящую не только из западных, но и других крупных государств, таких как Россия, Китай, Индия. Большинство стран могут использовать макро-секьюритизацию терроризма как способ разрешения собственных внутренних конфликтов. Однако легитимность США в качестве лидера резко сократилась с 2000 года, когда правление администрации Дж. Буша привело к потере многих союзников. Правда, этот аспект можно рассматривать с двух взаимосвязанных сторон. Одна состоит в ослаблении легитимности американского лидерства и, соответственно, потери ведущей роли США в секьюритизации терроризма, а другая — в вероятности того, что сам факт секьюритизации терроризма (или более конкретно — определенный образ, которым администрация Дж. Буша определила и преподнесла его) подрывает легитимность и привлекательность США. Отрицание многостороннего подхода и утверждение, что решение проблемы может быть достигнуто единственным

способом — основанным только на политике силы и под руководством США, ставит эту страну еще дальше за пределы международного сообщества.

4. (Не)приемлемость и (не)легитимность как секьюритизации войны с терроризмом в целом, так и частных секьюритизаций, с ней связанных.

Макро-секьюритизация терроризма во многом была довольно успешной, но это не значит, что она не встречала на своем пути сопротивления. Оппозиция относилась к ней как к фреймированию «войны», а не обобщенной секьюритизации. Очевидный пример — вторжение в Ирак на основании предполагаемого обладания им оружием массового поражения и связи с Аль-Каидой. Оппозиция критиковала проведенные чрезвычайные меры, легитимированные войной с терроризмом. Если война с терроризмом означает, что военнопленный полностью лишен прав, обозначенных в Женевской конвенции, что в качестве методов допроса можно применять бесчеловечные пытки, что государство получает право нападать на других просто по подозрению в связях с террористами, что гражданские и экономические свободы ограничиваются во имя безопасности, то для большинства людей секьюритизация терроризма будет выглядеть как нечто, приносящее больше вреда, чем пользы. Звучат высказывания о том, что если продолжать процесс разрушения с трудом завоеванных свобод и прав человека во имя безопасности в борьбе с терроризмом, то террористы обретут ту победу, которую они никогда не могли получить бомбами и оружием. В этом плане отличие от холодной войны не может быть более поразительным. После событий 11 сентября секьюритизация сосредоточена не на альтернативной сверхдержаве или идеологии, а на силе хаоса озлобленных и отчужденных меньшинств, отверженных правительств, на их способности использовать открытость, технологии, неравенство, несправедливость, порождаемые западной системой политической экономии. Помимо этого возникает проблема взаимосвязи секьюритизации терроризма с такими действиями Соединенных Штатов, как, например, вторжение в Ирак, которое отрицательно повлияло на восприятие людьми образа США. Стало очевидным, что данная страна совершает свои действия в одностороннем порядке, без консультаций с другими, и принимает решения, основываясь на своем собственном взгляде на мир, отказываясь от многосторонних переговоров, которые могли бы ограничить их свободу действий. Такая ассоциация в массовом сознании может быть достаточной, чтобы отвергнуть макро-секьюритизацию терроризма.

5. Сила конкуренции других секьюритизаций по отношению к войне с терроризмом.

Война с терроризмом может быть просто отодвинута на задний план другими конкурирующими секьюритизациями. Точно так же, как после событий 11 сентября она отправила на второй план все иные проблемы. На тот момент условия для такой секьюритизации были особенно благоприятными, принимая во внимание, что США после окончания холодной войны занимались поиском новой угрозы для организации вокруг нее своей политики безопасности. Война с терроризмом не имела сильных соперников и поэтому легко смогла заполнить образовавшийся вакуум. Сегодня возможные кандидаты в качестве конкурирующих секьюритизаций с потенциалом для макро-секьюритизации весьма разнообразны. Ими могут стать повышение уровня мирового океана, столкновение с Землей астероидов, распространение новых заболеваний, экологические опасности. Эти все проблемы могут оказаться в первых строчках повестки дня государств.¹

При этом нельзя обойти вниманием еще одно противоречие, вызываемое макро-секьюритизацией терроризма, о чем уже упоминалось в общих чертах. Процессы секьюритизации неминуемо ставят выбор между необходимостью притеснения ценностей либеральных демократических обществ и контртеррористической политикой. Условие появления терроризма — определенная ниша между серьезными ограничениями в социально-политической сфере и относительной мягкостью правоохранительной системы, поэтому для существования этого явления максимально благоприятны общества с либерально-демократическим устройством.² Государство защищает граждан, используя свою монополию легитимного насилия в отношении террористов, организованной преступности или иных антигражданских элементов, нарушающих мир и спокойствие. В таких условиях единственный логичный выбор, который позволяет избежать противоречий между контртеррористической политикой и либеральными ценностями, это не секьюритизация терроризма, а включение его как части нормальной политики. Терроризм может начать рассматриваться в качестве обычных дорожно-транспортных происшествий, которые тоже вызывают множество смертей, но остаются в рамках нормальной политики. Граждане должны принимать риск быть убитыми террористами так же, как они принимают риск несчастного случая в транспорте.³ Если ответ на терроризм построить с точки зрения преступности, а не войны, тогда открытому гражданскому обществу придется приспосабливаться к терроризму ценной свободы, нормативно приняв определенный допустимый уровень происшествий и жертв. Это потребует от западных демократий намного

1 Buzan B. The 'War on Terrorism' as the new 'macro-securitisation'? // Oslo Workshop, 2006. — PP. 11-19.

2 Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. М.: Амфора, 2007. — С. 292.

3 Buzan B. The 'War on Terrorism' as the new 'macro-securitisation'? // Oslo Workshop, 2006. — P. 20.

больше политической зрелости, но тот факт, что европейцы и американцы считают приемлемым, что каждый год 50,000 их сограждан должны погибнуть в ДТП на дорогах, предполагает, что толерантность общества к структурным опасностям не является нереальной.¹

Пока сложно говорить о возможности разрешения вопроса с терроризмом, но Б. Бузан считает, что у мирового сообщества может быть три варианта мер в борьбе с терроризмом.

1) Изоляция

При таком варианте государство использует меры по укреплению своей инфраструктуры против проникновения террористических угроз в ущерб либеральным ценностям и экономике. Это означает, что свободное перемещение людей ограничивается усилением контроля за любыми их поездками и принимаются особые меры по регуляции иммиграции. Свободное перемещение товаров также ограничивается высокими требованиями к проверке, соблюдается строгий контроль за экспортом технологий, перемещением денег, потому что всё это может быть связано с разработкой и приобретением оружия массового поражения. Тем самым ужесточением всех этих мер государство неминуемо разрушает принципы, которые оно призвано защищать.

2) Подавление (репрессия)

Б. Бузан называет данный вариант «острым концом войны с терроризмом». Здесь также, как и в случае изоляции, ограничивается часть либеральных ценностей, которые имеют большое значение в демократическом обществе. Применяется широкий спектр мероприятий: от вторжения на территорию суверенных государств (например, как это было в случае с Афганистаном и Ираком); постоянных оккупаций (например, Израилем сектора Газа) или военной разведки и нападения на базы террористов (например, в Пакистане, Афганистане), до точечных ликвидаций (например, политика Израиля против ХАМАС и НОАК) и произвольных арестов и задержаний (например, Гуантанамо в США).

3) Уравнивание

Название этого варианта происходит от предположения, что мир изначально неравный, и что терроризм вызван и связан с существующим неравенством и несправедливостью в мире. Это является наследием одновременно истории человечества и особенностей рыночной экономики. Значит, для устранения терроризма надо справиться с этими исходными причинами. Но вместо этого государство лишь усиливает неравенство, ограничивая права людей в условиях объявленной войны с терроризмом. Помимо этого сама конкурентная рыночная экономика

¹ Buzan B. A Leader Without Followers? The United States in World Politics after Bush // The Global Policy Institute Policy Paper, 2007. — № 2. — PP. 5-6.

будет ощутимо препятствовать процессу, если государство обратится к проблемам неравенства и несправедливости.¹

По мнению Б. Бузана, этот вариант может быть наиболее эффективным, если мы, действительно, хотим решить проблему терроризма, но его и сложнее всего осуществить. Нежелание иметь пусть даже краткосрочный дисбаланс может перевесить успех, который такая политика принесет в долгосрочной перспективе.

Конечно, любой из описанных сценариев развития и его последствия зависят от конкретного исторического контекста, времени и сопряженных обстоятельств. В повестке дня государств по вопросам безопасности всегда могут произойти неожиданные события. Еще в 2009 году Б. Бузан отметил, что роль терроризма заметно уменьшилась, и он так и не стал новой макро-секьюритизацией по типу холодной войны, которую США могли бы использовать для формирования выгодных союзов и укрепления своей главенствующей позиции по вопросам безопасности. А термин «война с терроризмом» и вовсе исчез из речей руководства США, и в этом смысле происходит его десекуритизация.² Но это не означает, что она уже произошла. Проблема терроризма далека от потери статуса экзистенциальной угрозы, для которой необходимо применение чрезвычайных мер, и включения в сферу нормальной политики.

Вероятность, что США вновь обретут тот статус лидера и сверхдержавы, которым они пользовались в период между 1945 и 2003 годами, даже при администрации Б. Обамы не слишком велика. Продолжающиеся нарушения прав человека в Ираке, пытки в Гуантанамо, яростное сопротивление Международному уголовному суду свели на нет авторитет США.³

Значит единственный вариант укрепления лидерства Соединенных Штатов — осуществление новых секьюритизаций в надежде, что уж они-то смогут достигнуть уровня макро-секьюритизации во главе с США. Поэтому рассмотрим возможных претендентов в качестве референтных объектов для секьюритизации, которые могут перерасти в макро-секьюритизацию.

Применение теории секьюритизации к современным процессам

Можно попробовать продолжить исследование Б. Бузана современных угроз безопасности. Конечно, в первую очередь к этому отношению такого рода проблемы как СПИД, аварии на атомных станциях,

¹ Buzan B. The 'War on Terrorism' as the new 'macro-securitisation'? // Oslo Workshop, 2006. — P. 21.

² Schouten P. Theory Talk #35: Barry Buzan on International Society, Securitization, and an English School Map of the World // Theory Talks, 2009. — P. 7; Buzan B. A Leader Without Followers? The United States in World Politics after Bush // The Global Policy Institute Policy Paper, 2007. — № 2. — P. 5.

³ Ibid. PP. 7-8.

захоронение токсичных отходов, нелегальная миграция, глобальное потепление, экологическое благополучие окружающей среды и многое другое. В XXI веке ярко выражена тенденция отхода государств в вопросах безопасности от строго политических и военных проблем, или, по крайней мере, они формулируются неявно, завуалировано.

Сделать объективный вывод о существующих проблемах безопасности практически невозможно, потому что объекты всегда выбираются исходя из целей секьюритизирующего актора, и чаще всего это лишь манипуляция, а не попытка обратить внимание на важную проблему, которую необходимо срочно решить.

Современный мир предоставляет бесчисленные объекты для секьюритизации в любом из выделенных Б. Бузаном секторов, а также их причудливые сочетания. Охватить весь этот спектр в рамках данного доклада не представляется возможным, поэтому мы остановимся на двух частных секьюритизациях с возможностью макро-секьюритизации, которые проследим в связи с ролью США. И чтобы выяснить, действительно ли секьюритизации XXI века отходят от военного и политического секторов, мы возьмем именно их, а также инвайронментальный как самый перспективный для секьюритизации сегодня. При этом нас интересует, что же на самом деле скрывается за подобными актами секьюритизации.

Рассмотрим первый пример.

Если обратиться к международной политике США последних десятилетий, то можно обнаружить, что за всеми декларируемыми угрозами безопасности и связанными с этим интервенциями в другие страны стоит стремление установить контроль над нефтяными ресурсами.¹ В связи с этим долгосрочная перспектива макро-секьюритизации направлена на обозначение Китая как главной угрозы. Действия по отношению к Ливии были тренировкой на пути к долгосрочной цели в виде секьюритизации Китая, поскольку на самом деле интересы США состоят в контроле над свободным доступом Китая к постоянному импорту нефти из стран Африки и Ближнего Востока. Китай становится слишком сильным и независимым для США. Они используют множество приемов в разных сферах, у которых одна общая цель — утверждение Китая как врага. Принятие такого рода секьюритизации всем мировым сообществом (на что и претендуют США) требует использования пошаговой стратегии. Поскольку в успехе секьюритизации центральная роль принадлежит дискурсу, то можно обратиться к Ежегодному отчету

¹ Энгдаль У. Нужно устроить кошмар Киссинджеру и Бжезинскому / Информационно-аналитический портал Геополитика; Энгдаль У. Выступление Уильяма Энгдала на факультете социологии МГУ / Информационно-аналитический портал Геополитика.

конгресса о военном статусе Китая.¹ Основной мыслью отчета выступает убеждение в том, что существует потенциальная угроза со стороны вооруженного Китая для стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Приводится множество разной информации для обоснования того, что Китай может нанести ядерный удар по различным странам (Индии, России, Австралии, Новой Зеландии) и по большинству американских территорий. При этом построение самого отчета крайне «удобно» для достижения цели дискурса. В начале США приветствуют сильный, процветающий и успешный Китай, который укрепляет международные правила и нормы, повышает безопасность и мир как на региональном, так и глобальном уровнях. США отмечают, что на протяжении последних десяти лет военные в Китае были в выигрыше от надежных инвестиций в разработку современного оборудования и технологий. «Подъем Китая в качестве основного игрока на международной арене, скорее всего, будет определяющей чертой стратегического ландшафта в начале XXI века. Китай добился скромных, но растущих улучшений в отношении прозрачности его военных дел и безопасности». При этом в нужный момент добавляется, что «тем не менее, остается неопределенность в отношении того, как Китай будет использовать свои растущие возможности». Выстраивая таким образом свой дискурс относительно Китая, вполне вероятно, что в последствии в зависимости от того, как будут реагировать остальные страны, усилиями контролируемых Западом СМИ Китай окажется позиционируемым как новая гитлеровская Германия. Сегодня это можно легко себе представить, если сравнить с тем, что произошло с Египтом и Ираком, бывшими союзниками США. В июне этого года сенатор от Вирджинии Дж. Уэбб удивил многих в Пекине, когда высказался, что Китай быстро приближается к «мюнхенскому моменту», когда Вашингтон должен будет решить, как сохранить стратегический баланс. Это просто поразительный пример из дискурса США, потому что дает прямую ссылку на Вторую мировую войну. Это означает, что США изначально отвергают вероятность переговоров, и что решением может быть только война. Подобного рода заявление устрашающе воздействует на широкую аудиторию, поскольку существует ассоциация с Мировой войной и всеми ее трагедиями.

Итак, при достижении главной цели — контроля над Китаем, промежуточным этапом оказалась Ливия², тем более что и сама по себе Ливия являлась проблемой для США. М. Каддафи был не согласен с американской программой, он постоянно и не без оснований утверждал, что не

1 Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2011 / U.S. Department of Defense.

2 Engdahl F. E. NATO's War on Libya is Directed against China: AFRICOM and the Threat to China's National Energy Security / Global Research, 2011.

доверяет этой стране. Более того, он пытался создавать независимую позицию, «свой голос» для африканских государств как не контролируемых ни США, ни другими государствами. В 1999 году он инициировал создание Африканского союза для укрепления связей бывших колониальных африканских государств. На Panaфриканском саммите 2009 года М. Каддафи призвал к созданию Соединенных Штатов Африки, чтобы объединить экономические силы, а это, пожалуй, сегодня самый богатый континент мира, с точки зрения неиспользованных минерального и сельскохозяйственного потенциалов. Если в случае Туниса или Египта была пусть частичная правда о том, что население подавлялось и страдало, то с Ливией ситуация обстоит иначе. В этой стране был самый высокий жизненный уровень на африканском континенте, большинство медицинских услуг, образование и топливо были субсидируемы государством. Среди других африканских стран Ливия обладала самым низким уровнем детской смертности и высокой продолжительностью жизни. Менее 5% населения недоедало, и эта цифра ниже, чем в США; а в ответ на рост цен на продовольствие М. Каддафи отменил все налоги на продукты питания.

Но М. Каддафи не обладал лучшими западными PR-агентствами, чтобы использовать красивые фразы, скрывая за ними истинные цели своих речевых актов, что так успешно делают такие видные фигуры мировой политики, как Б. Обама или Н. Саркози. М. Каддафи не был фотогеничным, как другие политики, а значит, это еще больше упрощает достижение Соединенными Штатами их цели, объявляя его новым Гитлером в СМИ. Пока Ливия управлялась М. Каддафи, это создавало для США крайне неудобную обстановку. Как и в случае с объявленными «спонтанными и демократическими» восстаниями в Египте, США проработали секьюритизацию Ливии. Вмешательство США, очевидно, не было нейтральным поступком стороннего наблюдателя для защиты мирных жителей. Это было целенаправленным ускорением смены режима. Препятствуя всеми возможными способами правительству М. Каддафи по восстановлению контроля над вооруженным восстанием, они незаметно отбросили все принципы международного суверенитета и заменили их на туманное понятие «обязанность защищать». Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что применение силы в Ливии было предпринято исходя из принципа гуманитарности, и сослался именно на это понятие как формулу новой международной безопасности. На самом же деле это была всего лишь незаконная военная агрессия под руководством США. Такой подход разрабатывался годами. Первым был Г. Эванс, бывший министр иностранных дел Австралии и член Международной кризисной группы. В 2002 году, за год до агрессии

против Ирака, Г. Эванс опубликовал статью в «Foreign Affairs», в которой призывал начать дебаты о том, можно или нельзя вторгаться в страну на основании нарушения прав человека, даже если происходящие события в стране носят внутренний характер, и предложил свой тезис не как аргумент о праве вторжения, а об обязанности защищать.

Дискурсивные практики снова выстраивались так, чтобы всё выглядело искренней борьбой за права человека. Б. Обама открыто заявил о поддержке США ливийской оппозиции всего через несколько часов после появления резолюции ООН, не оставляя никаких сомнений, что США когда-либо рассматривали свою роль как нейтрального посредника мира. Затем в интервью CNN в Сан-Сальвадоре он упомянул о своих «надеждах» что оппозиционное движение Ливии при защите США сможет сместить режим М. Каддафи. Это было выгодно также и Франции, Н. Саркози призывал последователей М. Каддафи присоединиться к оппозиции. Резолюция ООН о бесполетной зоне над Ливией была де-факто объявлением военной, экономической и финансовой войны против суверенного государства. И, конечно, весь дискурс строился на основаниях того, что эта резолюция принята для обеспечения защиты мирного населения. Только такое обоснование могло найти понимание и отклик среди всех стран.¹

Таким образом, формировалось мировое общественное мнение, которое поддерживало принятые по отношению к Ливии меры, которые, по сути, были актом открытой военной агрессии против суверенной страны, актом неокOLONIALИЗМА, «гуманитарной» войны. И только потом пришло осознание всех последствий согласия с такими мерами. Произошел прецедент, который означал, что теперь вряд ли что-то сможет остановить США в применении подобных мер по отношению к Китаю, России и любой другой стране, ведь всегда можно совершить интервенцию под предлогом предотвращения «нарушения прав человека», раз уж США приняли на себя тяжкое бремя «обязанности защищать». Так называемая гуманитарная «обязанность защищать» открывает новый «ящик Пандоры» с возможностями контролировать мировое общественное мнение и тем самым легитимировать военные интервенции. Это было важным шагом для США на пути к их Новому Мировому Порядку, восстановлением власти США как сверхдержавы посредством распространения войны и хаоса. Речевым актом о «нарушении прав человека» секьюритизируется угроза — тезис, который будет всеми поддержан — ведь никто не хочет потерять свою свободу. На такой технике управления индивидуальной эмоциональной реакцией и

¹ Engdahl F. E. Creative Destruction: Libya in Washington's Greater Middle East Project Part II / Global Research, 2011; Engdahl F. E. Humanitarian Neo-colonialism: Framing Libya and Reframing War Creative Destruction Part III / Global Research, 2011.

восприятием значения слов и фраз основывается весь процесс секьюритизации. Это очень важный инструмент манипулирования нашим восприятием — актер получает невероятную власть над аудиторией, многократно повышая шансы успешности секьюритизации.

Второй пример относится к инвайронментальному сектору, от которого зависит благополучие среды обитания человека. Возможно, что проблема глобального потепления покажется не столь значимой по сравнению с войной и терроризмом, но и с ее помощью можно достигать аналогичных целей. Преимущество состоит в большей вероятности успеха секьюритизации ввиду неочевидной связи с политическими и военными угрозами. Аудитория просто не поймет, что на самом деле стоит за секьюритизацией глобального потепления. В действительности — это геополитический инструмент, чтобы широкие слои населения добровольно поддержали отрицательное для себя явление, например, ухудшение их уровня жизни. Если бы это произошло без объективной причины, просто по решению политиков, то это могло бы вызвать забастовки и протесты населения. В последнем отчете ООН о глобальном потеплении обосновывается необходимость и требование выделить огромные средства (12% мирового ВВП), чтобы «предотвратить вредные последствия изменения климата». Было подсчитано, что выполнение рекомендаций ООН по снижению выбросов в атмосферу будет стоить около \$ 2750 в год на семью при настоящем уровне цен на энергоносители.

Поскольку США отчетливо ощущают, что мир начинает выскальзывать из их рук, остается проблема того, как же можно далее навязывать свой контроль и закрепить его. Эта логика распространяется Соединенными Штатами на такую проблему окружающей среды как глобальное потепление. Сегодня есть две основные фракции в западном политическом истеблишменте власти, которые сотрудничают и имеют глобальные цели, но принципиально отличаются в вопросе о том, как их достичь. Итак, существует два варианта политики США. Первый представлен фигурами Дж. Буша, Д. Чейни и стоящими за ними нефтяным и военным промышленным комплексом. Его также можно назвать «фракцией Рокфеллера», которая вот уже более века основана на власти над контролем нефти. Секьюритизация войны с терроризмом предоставила им «прикрытие» для оправдания военного контроля над главными поставщиками нефти и ее транзита по миру. От Ирака к Афганистану и Косово, планы НАТО и США состоят в будущем контроле над такими экономическими силами мира, как Россия, Китай, Индия, Бразилия и т.д. Второй вариант политики состоит в том, что появилась идея сменить тактику, и вместо жесткой агрессивной линии управления Буша-Чейни

выдвинули фигуру Б. Обамы. Смещение акцентов происходит от секьюритизации терроризма и смежных с ним проблем к секьюритизации инвайронментального сектора, хотя всё с теми же целями, что стояли за объявлением войны с терроризмом. Демократическое президентство Б. Обамы вовсе не означает полный отказ от военных провокаций со стороны НАТО и США. Его администрация активно пользуется советами З. Бжезинского, а Я. Бжезинский, его сын, работает в качестве помощника министра обороны США по делам НАТО и Европы. Они являются убежденными сторонниками расширения НАТО на восток и дальнейшего развертывания системы противоракетной обороны. Эта вторая фракция добивается сохранения своего контроля над большей частью мировой экономики, используя глобальное потепление и «мягкую силу», в качестве более подходящего средства, чтобы убедить людей добровольно принять резкое снижение их уровня жизни. Это дискурс проводит Б. Обама, который активно сотрудничал с А. Гором и заявлял, что они вместе будут решать проблему глобального потепления и уверял, что изменение климата реально и представляет собой угрозу для всего человечества. Таких же идей придерживается, например, премьер министр Великобритании Г. Браун, который предлагает фантастические схемы инжиниринга климата, которые обойдутся гражданам Англии очень дорого. Идея глобального потепления состоит в том, что антропогенные выбросы вызывают нагревание Земли до такой степени, что полярные ледники тают, повышая уровень мирового океана и угрожая затопить как минимум четверть поверхности суши. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун утверждает, что антропогенные выбросы CO₂ были причиной таяния 100 миллиардов тонн полярных льдов каждый год, и что через 30 лет в Арктике просто не останется льда. Всемирный фонд дикой природы сообщает, что арктический лед тает так быстро, что через восемьдесят лет уровень мирового океана поднимется на 1,2 метра, и вызванные им наводнения повлияют на весь мир. Всемирная метеорологическая организация совместно с Программой ООН по окружающей среде создали Межправительственную группу экспертов по изменению климата (IPCC), публикующую постоянные отчеты об оценке риска глобального потепления. На самом деле их отчеты построены на ошибочной научной методологии, но это не мешает им настойчиво продвигать свои идеи как истинную правду благодаря медийным магнатам, спонсирующим фракцию Б. Обамы. Пропаганда глобального потепления «раздута» политиками и заинтересованными лицами как, например, Годдман Сакс и другими организациями с Уолл-стрит, финансовыми компаниями, которые получают миллиарды от торговли новыми углеродными фьючерсами. Они прикладывают все усилия, чтобы

запугать мир и вынудить согласиться на подписание договора в рамках Саммита-2009 в Копенгагене, который был посвященный борьбе с последствиями глобального потепления. Такой договор является преемником Киотских лесов — Протокола по сокращению выбросов CO₂. Стоит отметить, что США долгое время отказывались его подписывать и, хотя в итоге это сделали, протокол ими до сих пор не ратифицирован. Это обосновывали заявлениями, что выполнение Киотского протокола приведет к опасной зависимости США от других стран, а это — серьезная угроза для экономики США и всего мира. Очевидно, что за глобальным потеплением скрыто нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Было подсчитано, что законопроект, посвященный глобальному потеплению, поддерживаемый Б. Обамой и его покровителями с Уолл-стрит, будет стоить американским налогоплательщикам примерно 10 триллионов долларов.¹

Описанный пример — очевидная секьюритизация, где речевым актом убеждают аудиторию принять обозначенную проблему. Происходит манипуляция данными, чтобы предоставить убедительные доказательства глобального потепления, при этом скрываются те факты, которые могли бы поставить под вопрос сделанные заявления. На самом деле, с 2007 года полярные ледники росли, а не таяли, и земля охлаждалась, а никак не нагревалась. Сообщения о таянии ледников основаны на летнем времени года, когда арктический лед всегда тает перед замораживанием в начале сентября. Хотя 10 млн. кв. км морского льда начинает таять каждое лето, но в сентябре Арктика вновь замерзает. Количество льда в 2009 году увеличилось на 500 тыс. кв. км по сравнению с 2008, и, в свою очередь, увеличилось на те же 500 тыс. кв. км по сравнению с сентябрем 2007 года, когда отмечалось наименьшее количество арктического льда.²

Именно инвайронментальные угрозы выступают в роли «дикой карты» международных отношений. Они могут порождать кризисы в различных формах (изменение климата, уровня моря; быстрое распространение смертельного заболевания; отравляющие последствия атмосферы, в которой мы живем; астероиды; и т.д.). В этом секторе всегда существует вероятность быстрого изменения.³ Кризисы могут возникнуть завтра или через десять лет, а может быть и никогда, что маловероятно. В случае с такими угрозами трудно сказать, когда и окажут ли они вообще свое воздействие, но это и помогает ими манипулировать. Если врать, к примеру, те же ледники действительно, начнут таять,

1 Engdahl F. E. Global Warming gets the Cold Freeze Global warming hoax exposed by record global cold / Global Research, 2008; Engdahl F. E. Global Warming or Global Freezing: is the ice really melting? / Global Research, September 24, 2009.

2 The Cryosphere Today / University of Illinois. — <http://arctic.atmos.uiuc.edu/cryosphere/>

3 Buzan B. A Leader Without Followers? The United States in World Politics after Bush // The Global Policy Institute Policy Paper, 2007. — № 2. — P. 8.

то инвайронментальная макро-секьюритизация сможет легко и быстро оказаться впереди всех остальных проблем безопасности, даже без подтасовки фактов.

Часть III

Критика теории секьюритизации

Критика теории идет в различных направлениях, ставя под вопрос практически все элементы данной концепции. Но при этом следует отметить, что никто не предлагает ее отвергнуть. Особенность критики состоит в том, что скорее указываются слабые стороны теории и пути ее улучшения. Подчеркивается, что многие понятия схемы Б. Бузана еще недостаточно теоретически разработаны.

В секьюритизации центральная роль отводится аудитории, поскольку именно от принятия или неприятия ею речевого акта зависит то, будет секьюритизация успешной или нет. Проблема успешности рассматривается многими критиками. Например, предлагается дополнить «благоприятные условия» секьюритизации четвертым пунктом: когнитивная склонность аудитории, которая может совпадать или не совпадать с попыткой секьюритизации. Такое условие опирается на предположение, что люди обычно принимают те аргументы, которые соответствуют их уже сформированным представлениям об окружающей реальности. Это имеет особое значение в принятии аудиторией секьюритизации, потому что речевой акт может быть проинтерпретирован индивидами с совершенно различным смыслом. Человек всегда рассматривает происходящее не с нейтральной когнитивной позиции. Более того, четвертое благоприятное условие помогает объяснить, почему, например, секьюритизация администрацией Дж. Буша вторжения в Ирак нашла широкий отклик консервативных представителей американской общественности, но никак не более либеральной аудитории. Идентичность обеспечивает эмоциональную основу по вопросам безопасности, а акторы, изображающие проблемы с точки зрения угроз и выживания для того, чтобы мобилизовать массы в своих целях, опираются на эти эмоциональные основы. А факт того, что идентичность многомерна, позволяет секьюритизирующим актерам выбирать, какое измерение идентичности наилучшим образом подходит для достижения целей. С другой стороны, можно даже формировать соответствующее измерение идентичности, потому что это не врожденная или заданная от рождения характеристика человека. Это дело выбора и решения, что позволяет Б. Андерсону говорить о «воображаемых сообществах». Идентичность может быть

сконструирована на поощрение конфликта, или, наоборот, в целях содействия мирному сосуществованию.¹

Аргумент критики, что секьюритизация представляет собой интересубъективный процесс между секьюритизирующим актором и аудиторией, делает очевидно значимой силу и способность актора убедить аудиторию. Высказывается мнение о том, что так интерпретировать процесс секьюритизации наивно, потому что чем больше возможностей у актора, тем менее важной становится аудитория. В конце концов, секьюритизация не всегда должна быть свободным процессом, когда добровольно принимаются или не принимаются заявления. Сильные секьюритизирующие акторы могут легко использовать проблемы безопасности для достижения своих собственных целей, и ни о каком добровольном согласии со стороны аудитории здесь не может быть речи. Этот аспект взаимосвязан с критикой применения теории речевых актов. В частности утверждается, что процесс секьюритизации лучше схватывается перлокутивным речевым актом, а не иллокутивным. Использование иллокутивного речевого акта (т.е. одностороннего перформатива, где актор произнося фразу, совершает действие) является неверным, потому что выбор этого типа речевого акта подрывает другую логику, свойственную теории секьюритизации, а именно, что безопасность — интересубъективный процесс, разворачивающийся во взаимодействии между актором и аудиторией.² В отличие от него, перлокутивный акт представляет двусторонний перформатив, который следовало бы использовать в данной теории. Следовательно, если роль интересубъективности столь высока, то данная критика верна, т.к. только перлокутивный акт позволяет отразить суть процесса наиболее четко. Однако, рассматривая работы Б. Бузана и О. Вэйвера, становится достаточно очевидным, что они оба хорошо знакомы с работами по теории речевого акта Дж. Л. Остина и различными типами речевого акта, а значит, выбор иллокутивного акта был совершен ими сознательно. Это означает, что интересубъективность второстепенна по отношению к роли секьюритизирующего актора. Приказ, содержащийся в иллокутивном акте, в отличие от убеждения в перлокутивном, не требует добровольного согласия. В работе «A New Security Framework for Analysis» подчеркивается, что принятие аудиторией объекта в качестве секьюритизируемого может быть принудительным. По сути, именно это и отражает окружающую нас реальность. Утверждение, что согласие может быть лишь добровольным, — идеализация и утопия. Это учитывается теорией секьюритизации.

1 — Hughes B. Political Violence and Democracy: Do Societal Identity Threats Matter? The Security and Politics of Identity / Australasian Political Studies Association Conference University of Adelaide, 2004. — PP. 16, 19, 21.

2 — Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // European Journal of International Relations, 2005. — Vol. 11. — № 2. — P. 175.

Критику, что в данной теории не раскрывается процесс, как происходит принятие секьюритизации аудиторией (как мы можем узнать, когда это произойдет или нет, какие будут последствия) можно считать справедливой. Действительно, это практически не раскрыто в работах представителей Копенгагенской школы. Недостаток заключается в отсутствии ясности того, как именно речевые акты соотносятся с принятием их аудиторией и секьюритизацией объекта.

Принимая во внимание значимую роль языка, можно также утверждать, что рамки секьюритизации оказываются слишком узкими из-за сосредоточенности на самом речевом акте по отношению к социальным и политическим контекстам, в которых он происходит. В самом деле, эту проблему признавал и сам Б. Бузан и его коллеги. В дальнейшем О. Вэйвер анализировал эти контексты в других своих работах, рассматривая безопасность в исторической перспективе. По сути, контекст секьюритизации не является столь узким, как это представляется критиками. К примеру, мы можем наблюдать динамику секьюритизации в различных секторах. То, как и что представляется угрозой в одном секторе, отличается от других. Тем не менее, разделение между секторами состоит в основном в различной динамике секьюритизации, а не в существовании контекста. Актеры могут апеллировать одновременно к суверенитету, идентичности, окружающей среде, и попытка рассматривать динамику безопасности по отдельным секторам может скрыть более широкие формы дискурсивной преэминентности в подходах к таким с виду разрозненным проблемам как иммиграция, изменение окружающей среды и военные действия.¹ Использовать различия между выделяемыми секторами зачастую не просто сложно, но даже бесполезно. Именно на это указывают критики, хотя Б. Бузан четко пишет о том, что сектора надо рассматривать во взаимосвязи, а не отдельно.

Опираясь на язык как единственную форму секьюритизирующего движения проблематично и по другой причине. Язык является лишь одним из средств, через которые передается смысл. Поэтому предлагается учитывать роль образов в качестве потенциальных форм для секьюритизации. Изображения и визуальные представления могут иметь ключевое значение для конструирования чего-то как проблемы безопасности и без речевого акта. М. Уильямс предположил, что телевизионные изображения событий 11 сентября (в частности, Всемирный торговый центр) занимают центральное место в развитии секьюритизации терроризма. Ф. Мёллер также обращается к визуальным образам терактов 11 сентября, конфликта в Ираке, указывая на то, как фотовыставки могут аналогичным образом сообщать определенную информацию о

¹ McDonald M. Securitization and the Construction of Security // European Journal of International Relations, 2008. — Vol. 14. — № 4. — PP. 14-15.

безопасности и угрозах. Л. Хансен использует пример о карикатурах на пророка Мухаммеда, опубликованных в датской газете в 2005 году в указании на потенциально важную роль визуальных представлений как формы секьюритизации. Подобные факты требуют разработки альтернативной теории перформативной роли визуальных репрезентаций и новых секьюритизирующих акторов, которыми в данном случае станут художники, фотографы, представители СМИ.¹

Все критики отмечают, что самая большая заслуга данной концепции состоит в отходе от государство-центричной модели, которая существовала ранее. Произошло расширение номенклатуры акторов, выделено пять секторов, и военный оказался далеко не самым главным из них. Но отмечается, что расширение дискурса о безопасности имеет не только плюсы, но и минусы, потому что в сферу безопасности начинает включаться абсолютно всё и чрезвычайные меры применяются ко всему что угодно, если не нарушая, то как минимум манипулируя нормами права. Высказываются предупреждения о последствиях того, что концепция безопасности станет бесконтрольно широкой. Это добавит не только новые проблемы, но и необходимость принятия новых мер безопасности. В таком случае, как указано в критике Р. Дорффа, происходит потеря четкости анализа безопасности. Если все крупные проблемы и бедствия станут считаться угрозой национальной безопасности, то потеряется сам смысл понятия «угроза».²

Наконец, возможно, самый часто высказываемый сегодня аргумент критиков состоит в том, что рамки секьюритизации оказываются узкими и в том смысле, что ее природа определяется исключительно с точки зрения угроз и концептуализирует безопасность как изначально отрицательную.³ Наоборот, безопасность должна рассматриваться с двух сторон — положительной и отрицательной. Утверждается, что это понятие, обращено, с одной стороны к чему-то связанному именно с угрозой, а, с другой — связано с безопасностью как отсутствием опасностей и угроз.

Все это подвергает сомнению, что такая аналитическая схема дает глубокое понимание безопасности и то, как различные сектора работают в единстве или же они просто выделяют обособленные области и оставляют проблему еще более запутанной. Поскольку все сектора и расположенные в них проблемы пересекаются, критики предлагают произвести их перекрестное исследование. Однако заметим, что теория секьюритизации обращается к деконструкции, выделению определенных

1 Ibid. PP. 9-11.

2 McSweeney B. Security, Identity and Interests. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — PP. 94-96.

3 Ibid. P. 81. McDonald M. Securitization and the Construction of Security // European Journal of International Relations, 2008. — Vol. 14. — № 4. — P. 2.

единиц для понимания сущности безопасности. Задача перекрестного исследования в ней не ставится, это схема, с помощью которой узнают о различных уровнях, секторах, объектах, акторах и используют при анализе той или иной проблемы безопасности. С этой точки зрения данный анализ на самом деле не является деконструкцией, поскольку процесс не доходит до уровня отдельного индивида. Но и сами авторы теории отмечают, что разложить все до индивидов, не очень полезно, поскольку большая часть социальной жизни понятна только тогда, когда мы говорим о коллективах или общностях, которые всегда нечто большее, чем просто сумма их членов. В частности, О. Вэйвер видит деконструкцию не в том, чтобы создать объяснительную модель, но узнать что-то новое о взаимоотношениях между безопасностью, политикой и языком.¹ Вторая причина, почему некоторые исследователи не считают теорию секьюритизации деконструкцией понятия безопасности состоит в том, что применяется дискурсивный анализ и сохраняются центральные концепты реализма, а понятие деконструкции подразумевает, что это невозможно, поскольку всё уже разобрано на части.

Подводя итоги, можно заключить, что высказанная критика скорее предоставляет возможности укрепления оснований теории секьюритизации и стимулирует ее дальнейшее развитие.

Заключение

Урок теории секьюритизации состоит в том, что никогда не стоит принимать информацию как данность, не критично. Человек должен быть готов к тому, чтобы поставить под вопрос то, что он уже знает. Новые аспекты безопасности и порождаемые ими угрозы, которые предлагаются в данной теории, выступают полезными инструментами для исследователя проблем безопасности в сфере международных отношений, который должен знать о динамике секторов безопасности.

Работа Б. Бузана и его коллег из Копенгагенской школы была вполне успешной в деконструкции проблемы безопасности и каждого ее аспекта для того, чтобы выявить сложность и многогранность этого понятия. Традиционные подходы задают вопрос о том, «как нам стать более защищенными», а теория секьюритизации обращается к тому, «как проблема становится проблемой безопасности».

Хотя, по мнению многих критиков, Копенгагенская школа исследования безопасности не предоставила нужный разрыв с традицией реализма, но ее анализ сделал важный вклад в понимание относительного характера и недостаточности узкого определения безопасности.

¹ Wæver O. Ideologies of Stabilization — Stabilization of Ideologies: Reading German Social Democrats / PhD thesis, 1997.

Копенгагенская школа была особенно успешной в разработке концепции, которая используется в исследованиях международных отношений, на что указывает рост числа публикаций, работающих с понятием секьюритизации и производными от него. Секьюритизация была применена для анализа состояния внешнеполитического поведения (напр., Р. Абрахамсен), транснациональной преступности (напр., Р. Эммерс) и ВИЧ/СПИД как угрозы безопасности (напр., С. Эльбе), различных аспектов войны с терроризмом (напр., Б. Бузан), прав меньшинств (напр., П. Рое), а также появилось множество работ, связанных с секьюритизацией миграции. Последние тенденции в области анализа безопасности, связанные с понятием «исключения», обладают сходством с теорией секьюритизацией, как процессом, который выносит решение проблемы за пределы нормальной политики.¹

Маловероятно, что возможно дать объективное определение безопасности. Помимо того, что политическая жизнь в принципе очень редко ясна, она зависит от ценностей и целей тех, кто ее создает. Работа политиков, организаций, фондов, и т.д. — добиваться того, чтобы была принята их версия секьюритизации какой-либо проблемы. Всегда будут люди, которых устраивает война с терроризмом, поскольку она служит их интересам и выглядит достаточно реальной угрозой. Но другие могут сказать, что это просто маневр для отвлечения внимания от иных угроз, а, на самом деле, надо беспокоиться о таянии ледников, повышении уровня океана и других последствиях глобального потепления. Всегда будут существовать разные позиции и разные приоритеты.

Безопасность не объективна, но она создается и конструируется с помощью языка. Можно вспомнить высказывание Р. Кокса о том, что теория всегда создается для кого-то и с какой-то целью. Все теории обладают перспективой, а перспективы выводятся из позиции во времени и пространстве, не существует такой вещи как теория сама по себе.² Любая концепция обращает внимание на некоторые аспекты и игнорирует другие. Чтобы понять дискурс безопасности надо признать, что теории о безопасности всегда рассказывают определенную частную историю. Заявляемая объективной реальность наделяется интерсубъективным значением.

Новый анализ безопасности, предложенный Б. Бузаном и его коллегами, должен восприниматься как схема или список возможных вопросов безопасности. Это подготовило основу для того, как видеть угрозы и делать выводы о них. Как было рассмотрено в применении теории

¹ McDonald M. Securitization and the Construction of Security // *European Journal of International Relations*, 2008. — Vol. 14. — № 4. — PP. 4-5.

² Cox R. Social Forces, States, and World Orders: Beyond International Relations // *Millennium*, 1981. — Vol. 10. — №2. — P. 128.

секьюритизации к современным процессам, очень важно, чтобы человек правильно понимал понятие безопасности и что за ним может стоять на самом деле.

Многие теоретики, работающие в сфере международных отношений, конечно, стремятся создать согласованную концепцию. Такая разнообразная и богатая теория, как секьюритизация, основанная на множестве разных и даже противоположных подходов, всегда будет вызывать критику, но она открывает новые перспективы междисциплинарных исследований в сравнении с традиционным представлением о международных отношениях как четко определенных парадигмах или школах.

В заключение хотелось бы отметить то, что Б. Бузан считает важным для того, чтобы студент смог стать специалистом в области международных отношений и понимал окружающий его мир.¹ Конечно, на такой вопрос не может быть однозначного ответа. В международные отношения можно прийти разными путями. Но то, что потребуется всем студентам — это аналитические способности высокого уровня и хорошая сфокусированность на предмете исследования. Как говорит Б. Бузан: «Обладая этим, они [студенты] смогут научить нас чему-то, что представляет интерес». Поэтому то, что нельзя делать хорошему студенту: «брать теорию как повязку на глаза и позволять методу затуманивать процесс формулирования интересных вопросов». Б. Бузан подчеркивает, что строгое следование определенному набору теорий и идей и априорно выбранной теории не позволяет исследователю «открывать что-то новое». Любая теория может оказаться в достаточной степени полезна

¹ Schouten P. Theory Talk #35: Barry Buzan on International Society, Securitization, and an English School Map of the World // Theory Talks, 2009. — P. 2.

От Ливии к Сирии: война — это рэкет, и была им всегда

Джеймс Корбетт

Национальный Переходный Совет, который номинально отвечает за то, что осталось от Ливии, объявил в первой половине апреля, что они начинают зондировать иностранные нефтяные контракты, которыми во время правления Каддафи занимался его сын Саиф аль-Ислам. Ливия имеет крупнейшие запасы нефти в Африке, и это не случайно, что через несколько недель после начала кампании НАТО в прошлом году мятежники уже захватили нефтяные порты страны и нефтеперерабатывающие заводы на побережье залива Сидра и создали свои собственные национальные нефтяные компании для заключения контрактов с оккупантами. Несмотря на то, что пересмотр нефтяных контрактов якобы призван показать прозрачность нового «правительства» и его готовность к искоренению взяточничества и откатов, присущих старому режиму, ПНС спокойно признал, что процесс будет использован для поощрения тех стран, которые наиболее активно поддерживали вторжение в Ливию в прошлом году, и для наказания тех, кто был более сдержан.

Удивительно то, что первыми компаниями в списке оказались итальянская Eni и французская Total. Обе страны установили тесные связи с ПНС в прошлом году, а Франция стала первой страной, официально признавшая их правительством Ливии. Но сейчас генеральный прокурор Ливии изучает документы, связанные с этими компаниями, на предмет возможных финансовых нарушений. Потенциальный удар по европейским гигантам, поделившим ливийский рынок, является особенно болезненным в свете иранского нефтяного эмбарго, которое угрожает ударить по импорту сырой нефти для Греции, Италии и Испании. Теперь, когда Ливия по добыче нефти вышла на довоенный уровень, очевидными потенциальными победителями тендера будут американские и британские компании, которые могли, бы в конечном итоге, прикарманить часть долей Eni и Total нефтяном бизнесе.

Китай, возможно, также имеет основания для беспокойства в связи с новым правительством. Китайско-ливийские связи были довольно устойчивыми в годы, предшествовавшие свержению Каддафи, с объемом торговли в \$ 6,6 млрд. в 2010 г. В 2007 г., когда США начали разворачивать АФРИКОМ и конкурентная борьба за ресурсы Африки обострилась, Каддафи выступил с речью перед студентами Оксфордского

университета, где он похвалил невмешательство Китая в инвестиции в Африке. В то время Каддафи предполагал, что Пекин завоевывает сердца и умы африканцев не вмешиваясь в местную политику, в то время как Вашингтон вызывает отчуждение населения из-за своего грубого вмешательства. После бомбардировок НАТО будущее правительство Ливии начало петь другую песню, и отношения с Китаем были заморожены. В августе прошлого года один из руководителей ПНС намекнул, что Китай будет наказан, так как они не желали поддерживать повстанцев, в то же время заявив о необходимости раздачи поощрительных контрактов по реконструкции в Ливии. Хотя это заявление являлось преувеличением, выяснилось, что китайские компании все еще ждали начала переговоров по вопросу потерянных и замороженных контрактов на общую сумму 18,8 млрд. долларов. Отношения по-прежнему поддерживаются, хотя ливийское правительство и уведомило Китай, что для составления контрактов для подрядных организаций будет лучше возобновить переговоры после выборов в июне.

Эти последние шаги Триполи могут свидетельствовать о том, что ПНС уже фактически функционирует как государственные органы. Однако вооруженные боевики по-прежнему ведут стычки по всей стране, где погибают десятки, если не сотни людей. В Триполи в начале апреля полиция ворвалась в отель и открыла там огонь, после чего они избили и похитили менеджера из-за того, что он потребовал от сотрудника полиции оплатить неоплаченный счет за проживание в комнате. В Бенгази проходят марши, призывающими к прекращению насилия между вооруженными бандами. Страна разделена по племенному принципу, а вооруженные формирования по-прежнему занимают правительственные здания. Идея перехода ПНС к функциям правительства на данный момент является несбыточной мечтой, но до тех пор, пока они удерживают прокачку нефти и хвалятся победами вследствие прошлогодних гуманитарных бомбардировок, вряд ли их сможет надоумить писк из Вашингтона, Парижа или Лондона.

В то же время в Сирии планы рэкетиров по осуществлению ливийского сценария идут полным ходом. Так называемые «Друзья Сирии» открыто финансируют повстанцев. По спланированному заранее сценарию пытаются испортить план по прекращению огня Аннана. Как по команде непроверенные отчеты неназванных активистов через рупоры иностранных НПО начали появляться в обычных средствах массовой информации, где говорится как много людей погибло в очередных боевых действиях. Как сказал министр иностранных дел России Сергей Лавров, невозможно рассчитывать на прекращение борьбы, когда вы открыто вооружаете, обучаете и финансируете повстанческую армию,

нацеленную на свержение правительства. Тем не менее, Лавров бьется головой о стену. Соглашение о прекращении огня никогда не являлось прекращением огня. В данное время все это представляет собой политический театр. Любые непроверенные слухи о насилии в стране теперь будут рассматриваться как признак того, что Асад нарушил соглашение, и давление на Пекин и Москву, чтобы они согласились на свержение сирийского правительства, будет усиливаться.

В конце концов, это не будет являться точной копией Ливии. Там не будет бомбардировок НАТО и широкомасштабной военной интервенции, потому что Россия не может позволить этому произойти. Кроме того, Сирия имеет российские зенитно-ракетные комплексы и без всякого сожаления их использует при необходимости. Напротив, политическое давление на Асада с требованием уйти в отставку будет расти, а передача средств и оружия повстанцам будет продолжаться до тех пор, пока правительство не будет свергнуто. Опасным фактором в этом уравнении является то, что ни Запад, ни Китай с Россией пока не отступились от борьбы, так как не хотят потерять свое лицо в этой игре. И то, что они явно не хотят терять — это Иран, который при прочих равных условиях будет доминирующим игроком в региональной политике. Однако, равных условий нет. С эмбарго на их нефть, растущими санкциями и ключевым союзником в регионе в лице Сирии, которую грозят разрушить суннитские повстанцы, Иран понимает, что если сирийское домино упадет, оно упадет на них.

В то же время внимание приковано к другому лакомому куску военных рэкетиров — Пакистану. Конгресс США теперь внезапно заинтересовался так называемым “Свободным Белуджистаном” — движением за независимость для белуджей Пакистана. Ссылаясь на нарушения прав человека, член палаты представителей из Калифорнии Рорбакер представил резолюцию, призывающую признать Пакистан право белуджей на самоопределение. Он даже написал статью в *Washington Post*, где начинается с обращения к правам человека и в четвертом абзаце легко переключается на другую тему, с радостью отмечая о залежах природного газа, золота, урана и меди в регионе.

Интересно, что Россия согласилась дополнительно выделить до \$ 1,5 млрд. финансовой и технической помощи для предлагаемого газопровода Иран-Пакистан. Прогнозируемый курс трубопровода? Он начнется в южной энергетической зоне Ирана Assalouyeh и пойдет в Пакистан с запада, пролегая прямо через Белуджистан. Конечно же, это совпадение. История трубопровода была довольно бурной, в ней были планы прокладки до Индии (идея, от которой Индия дистанцировалась, но полностью не отказалась), а также возможности участия Китая, который

заигрывал с идеей прокладки трубопровода в запланированную логистическую сеть от порта Гвадар на юго-западе Пакистана до провинции Синьцзян. Теперь, с предложением участия российского финансирования проект трубопровода более чем когда-либо выглядит вполне реальным.

С самого начала США использовали каждый возможный рычаг, чтобы отговорить заинтересованные стороны отказаться от этой идеи. Дипломатическое давление было пущено в ход в Китае, Пакистане и Индии. США выдвинули альтернативу своего трубопровода с маршрутом Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия, но эта идея все меньше возможна для воплощения с каждым днем. Иран практически завершил свою часть предлагаемого трубопровода, но Пакистан все еще колеблется. Теперь пришли рэкетеры и финансируют еще одно повстанческое движение в другом геостратегически жизненном коридоре, и мы с вами знаем, что это «Свободный Белуджистан», который может сорвать проект в целом. Посмотрите, как США оказывает давление на правительство Пакистана по вопросу Белуджистана в то время, когда строительство трубопровода приближается к завершению.

Война это рэкет, в конце концов. Сегодня нанятые мобильные бойцы и повстанцы значат больше, чем американские военные, но идея та же: финансировать, вооружать и обучать боевиков для обеспечения себя ресурсами и контроля над стратегическими направлениями. В Ливии повстанцы при поддержке НАТО вырвали нефтяной кран у непредсказуемого Каддафи. В Сирии «Друзья Сирии» являются основными игроками для свержения иранского союзника и захвата главной площадки на геополитической шахматной доске. В Пакистане повстанцы, поддерживаемые США могут вбить клин в иранско-пакистанский трубопровод. И рэкет продолжается дальше...

Империя готовит «самострел» в Персидском заливе?

Карлос Риверо Койадо

Прибытие в Персидский залив авианосца «Энтерпрайз» вызывает множество подозрений в адрес Империи, которую можно назвать олимпийским чемпионом по террористической аутоагрессии, прямой или спровоцированной, как в Триполи, Флориде, Аламо, Рио-Гранде, на «Мэне», на Гавайях, в случае с «Лузитанией», в Перл-Харборе, Тонкине, 11 сентября и других. Чем занят старик «Энтерпрайз» за несколько месяцев до своего списания в окрестностях Ирана?

1. Загадка, которой, возможно, не будет

В начале мая «Энтерпрайз» прибыл в Персидский залив для выполнения своей последней миссии, в октябре этого года он будет выведен из боевого состава.

Примечательно то, что Империя разместила против Ирана самый старый атомный авианосец своего флота, в то время как она располагает 11 новыми и намного более эффективными, которые она могла бы использовать в случае, если Вашингтон и Иерусалим в самом деле верят в то, что эта страна вот-вот изготовит свои первые ядерные бомбы и атакует их базы, что может спровоцировать войну между многими государствами и привести, в конечном счете, к ядерной войне.

Несколько недель назад Империя уже отправила в Персидский залив ударную группу во главе с авианосцем «Авраам Линкольн» водоизмещением 100 000 тонн и экипажем в 3200 человек. Для чего же понадобился там «Энтерпрайз»?

История «Энтерпрайза», как и всей Империи, может уместиться в одно слово: кровь. Его пилоты были готовы атаковать Кубу, когда Пентагон по предложению Кертиса Лемея требовал от Кенеди начать удары по советским ракетным базам. Затем они бомбардировали Северный Вьетнам, Лаос и Камбоджу. В 1986 г. участвовали в атаке на резиденцию Муаммара Каддафи в Триполи, когда погибла его маленькая дочь. С 2001 г. его самолеты сбросили десятки тысяч бомб на Афганистан и Ирак.

Способно ли будет тегеранское правительство отдать приказ своим кораблям или самолетам атаковать «Энтерпрайз» или любой другой

корабль в заливе, зная, что расплата будет ужасной и что силы янки-сионистской Империи намного превосходят их собственные?

Ответ напрашивается сам собой. Янки и сионисты понимают, что Иран не пойдет на самоубийственный шаг. Империя применит свою любимую стратегию с тех пор, когда она сама была проектом: завуалированную аутоагрессию, чтобы обвинить в этом противника и ответить ему еще более жестоким ... и «благодетельным» ударом.

Когда судят обвиняемого в преступлении, первое, что берется в расчет — совершал ли он подобные действия ранее. Если есть доказательство множества совершенных им таких преступлений, то виновность и приговор будут обеспечены.

Способна ли Империя атаковать «Энтерпрайз» или любой другой свой военный корабль в Персидском заливе, чтобы обвинить в этом правительство Ирана и начать такую мощную атаку, чтобы не только разрушить базы по развитию атомной энергетики, но и, прежде всего, обеспечить оккупацию этой страны?

Никто не знает этого наверняка, но не мешало бы еще разок, в качестве подозрения, пробежаться по всей истории совершаемых Империей подобных преступлений, которые и могут совершать только империи.

2. Террор Северных лесов

Инфернальный проект «Нортвудс» начала 60-х годов, имеющий отношение к псевдотеррористическим атакам, которые произойдут сорок лет спустя, 11 сентября 2001 года, получил одобрение всех глав силовых структур США, но был отклонен Кеннеди. Нет сомнений, что это действие стало одной из причин его убийства.

Рассмотрим некоторые аспекты операции «Нортвудс» согласно версии, данной аналитиком Джеймом Бэмфордом в своей книге “Body of Secrets”, основанной на официальных документах, рассекреченных в 1997 г. в связи с законом о свободе информации.

План, одобренный Пентагоном, мог бы стать самым печально известным актом, сотворенным правительством США в своей истории. Под лозунгом «антикоммунизма» предлагалось развязать террористическую войну против собственного народа, чтобы склонить население США к поддержке войны против Кубы. План включал в себя убийство мирных граждан на улицах США, потопление в открытом море кораблей с кубинскими беженцами на борту, организацию террористических актов в Вашингтоне, Майями и других городах, уничтожение или серьезное повреждение военных кораблей, находящихся в заливе Гуантамо, обвинение в терроризме невиновных лиц, уничтожение самолетов-призраков

для создания видимости терактов против гражданских лиц, являющихся пассажирами самолетов, угон самолетов во время полетов и многое другое с целью обвинения Фиделя Кастро и предлог для американских военных, в котором они так нуждались, а также обеспечения международной поддержки, чтобы развязать тотальную войну против Кубы.

Операция «Нортвудс» требовала войны, в которой погибло бы огромное количество добропорядочных американских и кубинских граждан без малейшего смысла, лишь бы удовлетворить злое эго кровожадных генералов Пентагона, комфортно и безопасно проживавших в уютных особняках, оплачиваемых налогоплательщиками.

Другой запланированный акт был похож на печально известный инцидент, когда взрыв на броненосце «Мэн» в 1898 г. повлек гибель 266 моряков. Это спровоцировало войну между США и Испанией. В рамках операции «Нортвудс» Лиман Лемнитцер, глава Объединенного комитета начальников штабов и его генералы разработали план, очень напоминающий инцидент с «Мэном». «Мы можем потопить одно из наших судов в Гуантамо и обвинить в этом Кубу... Список погибших в американских газетах поднимет волну негодования в адрес Фиделя Кастро», говорится в одном из рассекреченных документов Пентагона.

(Вышесказанное взято из книги Джеймса Бэмфорда).

А. Самолет-призрак

Вот еще один проект, о котором говорится в этих документах.

Можно создать инцидент, при котором будет очевидно, что кубинский военный самолет сбил американский пассажирский лайнер, следующий по пути из США на Ямайку, Панаму, Гватемалу или Венесуэлу. Направление воздушного судно будет выбрано исходя из того, что самолет должен пересекать территорию Кубы с севера на юг. Пассажирами могут быть группа студентов, отправляющихся на каникулы или любая другая группа людей, объединенная общим интересом к данному полету.

Самолет с воздушной базы Энглин будет раскрашен и пронумерован как точная копия одного из гражданских самолетов, зарегистрированных на имя любой частной компании из Майами. В условный момент самолет-дубликат заменит настоящий пассажирский самолет с пассажирами на борту под вымышленными именами, тщательно отобранными. Таким образом, зарегистрированный самолет будет заменен на беспилотный — управляемый дистанционно.

Время вылета настоящего и беспилотного самолетов будет скоординировано так, чтобы они смогли встретиться в южной точке Флориды. От точки встречи самолет с пассажирами на борту спускается до минимальной высоты (чтобы избежать обнаружения радаром) и направляется

прямо к запасному полю базы Энглин, где принимаются меры по эвакуации пассажиров и самолет возвращается к исходному состоянию.

В это время беспилотник будет направляться по маршруту пассажирского самолета. Когда он достигнет юга Кубы, по международной частоте будет передан сигнал тревоги и сообщение, что самолет атакован кубинскими Мигами. Передача сигнала будет прервана из-за взрыва самолета, которое произойдет посредством дистанционного управления. Самолет упадет в море южнее Кубы. Это позволит службам ИКАО (Международной организации гражданской авиации) в Западном полушарии сообщить американским авиадиспетчерам о том, что произошло с самолетом — таким образом, правительство США сможет «продать» инцидент.

В. Воздушная «атака»

Далее в этих документах:

Возможность инсценировать неспровоцированную атаку кубинского Мига на самолет американских ВВС над международными водами.

Около четырех или пяти самолетов F-101 будут направлены с базы ВВС США Хоумстэд (в 15 милях к югу от Майами) в район Кубы на учебную подготовку. Их задачей будет выполнение тренировочных оборонительных маневров на юге Флориды. Эти самолеты должны совершать частые вылеты за короткие промежутки времени. Пилоты должны держаться на расстоянии, по крайней мере, 12 миль от побережья Кубы и иметь на борту боевое оружие на случай враждебных действий со стороны кубинских Мигов.

В то время как учебная группа движется на восток, заранее подготовленный пилот заходит в хвост группы и держится на значительном расстоянии от идущего впереди самолета. Когда группа приближается к берегам Кубы, пилот передает сигнал тревоги, сообщает, что был атакован Мигами и сбит. Это будет единственное сообщение. Далее пилот снижается до минимальной высоты и на максимальной скорости движется до запасного поля на базе Энглин, где приземляется. Самолет встретит специальная команда, он будет сохранен и получит новый регистрационный номер. Пилот, который участвовал в этой миссии под вымышленным именем, возвращается на свое обычное место службы под настоящим. Таким образом, судно и пилот... просто исчезают.

В момент «падения» самолета подводная лодка или небольшой катер разбрасывают на поверхности моря в 15-20 милях от кубинского берега обломки F-101 и парашют и быстро удаляются. Вернувшиеся с востока на запад на базу Хоумстэд пилоты рассказывают правдивую историю и то, «что они видели». Высылаются спасательные корабли и самолеты для розыска обломков F-101.

С. Террор в Майами и чудовищное убийство беженцев в открытом море

Мы можем разработать план террористических атак на территории Майами и других городов во Флориде, даже в Вашингтоне, чтобы обвинить в этом коммунистическую Кубу. Эта кампания будет направлена против кубинцев, ищущих убежища в этой стране. Можем потопить корабль, наполненный кубинскими беженцами, следующий по пути во Флориду. Можем поставить под угрозу жизнь нескольких видных кубинских беженцев и широко освещать в обществе, обвинив во всем кубинское правительство. Можем взорвать несколько бомб в определенных местах, чтобы полиция арестовала «виновных» и нашла у них документы, доказывающие прямую причастность Кубы.

Вот некоторые планы, указанные в документах Пентагона по операции «Нортвудс». Эти проекты, разработанные бесславной бандой душегубов под предводительством Лимана Лемнитцера и Кертиса Лемея, предшествовали Карибскому кризису 1962 года.

3. История «самострелов» Империи

Чтобы делать выводы сегодня, давайте взглянем на историю «самострелов» Империи, напомнив тем, кто не помнит, и осведомив тех, кто не знает или не желает этого знать; уточню, что это далеко не полный список всех аутоагрессивных актов:

В 1779 г. силы, боровшиеся за независимость, обвинили бойцов Ирокезской Конфедерации в атаке на Континентальную армию на севере Нью-Йорка; но вместо того, чтобы атаковать войска ирокезов, силы Континентальной армии под командованием Салливана и Клинтон начали грабить магазины, а на рассвете убили сотни спящих женщин и детей — это была первая резня, устроенная молодой Империей. Ирокезы присоединились к британцам, чтобы избежать геноцида, жертвами которого они были на протяжении десятилетий после обретения независимости.

В 1801 г. молодая Империя обвинила «пиратские суда» из Триполи в атаке на свои корабли в Средиземном море. Что делали военные корабли государства, которое обрело независимость 18 лет назад, в сотне тысяч морских миль от его берегов? Позже выяснилось, что атака была совершена маленькой американской лодкой, выстрелившей в крупное американское судно. Это спровоцировало войну на Варварском побережье, которую вела Империя с поддержкой стран Европы против подвластных османам королевств, прежде всего Триполи.

В 1816 г. генерал Эндрю Джексон обвинил испанцев из Флориды в поддержке выходцев из племени семинолов, которые помогали неграм-рабам пересекать границу между Джорджией и Флоридой, чтобы освободиться. Это была ложь. В Джорджии было множество агентов Джексона, выходцев из племени Крик, которые совершали это, чтобы обвинить испанцев и оправдать вторжение во Флориду, которая была оккупирована янки и затем продана предателем Фернандо VII.

В 1836 г. генерал Сэм Хьюстон, лидер техасских повстанцев, мог прийти на помощь защитникам Аламо под командованием Уильяма Трэвиса и Джима Боуи, но оставил их, чтобы маршал Санта-Аны легко разбил их, а затем использовать сотни погибших в этом бою, не убитых мексиканцами, в качестве оправдания отделения Техаса от Мексики и войны США против этой страны. Считается, что решение Хьюстона было запланировано генералами в Вашингтоне. “Remember The Alamo” было лозунгом этой войны, как полвека спустя “Remember the Maine”. Оба инцидента были «самострелами», первый — косвенным, т.е. спровоцированным, а второй — прямым.

В 1846 г. США обвинили войска Мексики в атаке на своих солдат на своей территории. Очередная ложь. Атака состоялась на берегах Рио-Гранде, на границе уже американского штата Техас и Мексики. Мексиканские войска атаковали янки на своей территории, но ложь помогла Империи вторгнуться в Мексику и украсть 54% процента ее территории, если брать во внимание уже украденный Техас, который тогда был значительно крупнее, чем сегодня.

В 1893 г. Империя обвинила Гавайскую королеву Лилиуокалани в планах по высылке иностранцев, прежде всего американцев. Ложь, которую использовали, чтобы вооружить группу наемников и свергнуть королеву, которая не обладала армией, а лишь полицией и небольшим личным эскортом, затем захватить власть, объявить республику недействительной и затем, пять лет спустя, присоединить, как и Техас, к своей территории.

В 1898 г. Империя послала в Гавану броненосец «Мэн» с 800 тоннами легковоспламеняющегося каменного угля на борту, что втрое превышает необходимое для путешествия до Кубы количество топлива. 15 февраля броненосец взорвался, погибло более 90% экипажа — 260 моряков, и только двое из 18 офицеров находились в это время в городе. Нет ни малейших сомнений, что корабль мог взорваться только по двум причинам: либо произошло самовозгорание и уничтожило арсенал, набитый порохом, который отделялся лишь тонкой металлической стенкой, либо офицер военно-морского флота подложил снаружи корабля бомбу, рядом с оружейным погребом. Возможно, что сама Испания или

кубинские революционеры совершили нападение, которое навредило им куда больше, чем противник. В войне между молодой и умирающей империями она потеряла почти все свои заморские владения, за исключением Канарских и Балеарских островов и всех своих территорий на полуострове и в Северной Африке. Тедди Рузвельт, в ту пору заместитель военно-морского министра, настаивал, что судно было наполнено углем на военной базе в Норфолке, несмотря на то, что он вызывает самовозгорание и влечет частичное разрушение военных кораблей в течение менее чем двух лет.

В 1915 г. Империя использовала пассажирское судно «Лузитания» для отправки лондонскому правительству оружия и пороха. Англия, Россия, Италия и другие страны сражались в Первой мировой войне против Германии, Австрии и Османской империи. Соединенные Штаты придерживались нейтралитета. Немецкое консульство в Нью-Йорке опубликовало в Нью-Йорк Таймс уведомление о том, что США должны прекратить использование гражданского судна для доставки оружия и что это должно рассматриваться в соответствии с международным правом. Империя вновь наполнила «Лузитанию» оружием и порохом. Немецкая субмарина потопила ее к югу от Ирландии в мае 1915 г., погибли 1200 пассажиров, в том числе 125 американцев. Корабль, наполненный порохом, взорвался и затонул в течение 18 минут. США использовали это два года спустя в качестве предлога для вступления в войну.

В 1917 г. благодаря блестящей работе антиимпериалистских интеллектуалов население США по-прежнему выступает против войны. Тогда спецслужбы США и Великобритании придумывают ход, известный как «Телеграмма Циммермана», обвиняя Германию в том, что она отправила своему послу в Мексике Артуру Циммерману телеграмму, согласно которой он должен попытаться склонить правительство президента Венустьяно Каррансы к объявлению войны Америке вместе с Германией, в случае победы гарантировав возврат украденных земель — Техаса, Невады, Калифорнии и других. Капиталистическая пресса, такая же подлая, как и сегодня, обеспечила народный гнев против Германо-Мексиканского альянса, как сделала это за 19 лет до этого против Испании в случае с «Мэном», и обеспечила вступление Империи в войну. Извечное невежество американского народа по отношению к тому, что происходит в мире, позволило поверить в янки-британский обман о том, что анархическая, раздробленная между смертельно враждовавшими группировками в 1917 г. Мексика способна объявить войну богатому, намного более могущественному и единому государству.

В 1941 г. Япония атаковала Перл-Харбор, благодаря чему США вступили во Вторую мировую войну. Об этом нужно рассказать коротко. За

несколько месяцев до этого Империя начала морскую блокаду Японии, со всех точек зрения аморальную и незаконную, так как эти государства сохраняли дипломатические отношения, а это было неспровоцированная агрессия; так что первым военным актом между ними нужно считать не Перл-Харбор, а морскую блокаду Японии. Это ясно. Кроме того, США разместили на Гавайях часть своего флота, угрожая Японии усилить блокаду. Японии не оставалось ничего другого, как ответить. Британская разведка расшифровала секретный код японских вооруженных сил и доложила Пентагону. Теодор Рузвельт не предпринял ничего, чтобы защитить Гавайи. Результат всем известен. Это была очередная косвенная, спровоцированная атака на самих себя.

В августе 1964 г. Империя обвиняет Ханойское правительство в том, что оно отдает приказ своим патрульным кораблям обстрелять эсминец «Мэддокс» в международных водах в Тонкинском заливе у берегов Вьетнама, и два дня спустя в обстреле другого американского корабля в собственных водах. Годы спустя в своих воспоминаниях Линдон Джонсон признается, что «Мэддокс» первым начал атаку на северо-вьетнамские корабли, а второго инцидента не было — он был придуман для укрепления эффекта от первого. Несколько дней спустя была принята резолюция по Тонкинскому заливу и США могли полностью вступить в войну во Вьетнаме, в которой погибло более трех миллионов человек.

11 сентября 2001 года случилось то, о чем прекрасно знает весь мир. В моих архивах есть более десяти статей, где рассматриваются детали псевдотеррористической атаки, в которой было убито почти 3000 невинных граждан. Весь мир знает, что вина за это лежит на Белом Доме, это не подлежит сомнению. Это было самым смертоносным, самым гнусным и трусливым из всех атак Империи на свой народ.

В таком случае, верит ли кто-то еще в то, что Империя не готовит «Энтерпрайз» в Персидском заливе в качестве жертвы, чтобы предъявить обвинение правительству Ирана?

Репортаж

Осмысля многополярность

25-26 апреля в Москве на базе МГУ им. М.В. Ломоносова прошла международная научная конференция «Теория многополярного мира». Мероприятие было организовано кафедрой международных отношений Социологического факультета МГУ и Международным «Евразийским движением», а его целью являлось активное обсуждение и выработка доктрины полицентричного (многополярного мира) для внешней политики Российской Федерации. Ранее, 23 апреля 1997 г. между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией, была подписана декларация о многополярном мире, поэтому символически конференция была приурочена к 15-летию этого события. Еще один повод — это инаугурация Владимира Путина. Таким образом, организаторы создали нечто моста времен — не забывая о прошлых устремлениях, которые были вызваны динамикой международной обстановки, и устремляясь в будущее, участникам конференции было предложено поразмышлять над концепциями, терминами, стратегиями и идеологическими установками, связанными с нашим общим возможным будущим, а также обсудить практические аспекты современных международных отношений — роль глобального гегемона США в мире, интересы других стран, различные интеграционные проекты типа БРИКС, СЕЛАК, ШОС, но особенно Евразийский Союз.

Отметим, что концепция многополярности или полицентричности давно употребляется в дискурсе Министерства иностранных дел Российской Федерации, — документы, речи высокопоставленных чиновников от экс-министра Иванова до нынешнего главы внешнеполитического ведомства Сергея Лаврова и других лиц, например, академика Евгения Примакова, научная литература пестрят подобными выражениями, однако в практической плоскости пока особых сдвигов не наблюдается. По крайней мере, на евразийском континенте все так же сильно ощущается политическое влияние Вашингтона, который в очередной раз меняет этикетку для своей политики, на сегодня — под видом глобального лидерства, что является очередным апгрейдом доктрины Нового мирового порядка. Объективно в Латинской Америке интеграционные проекты идут куда более активно. За короткое время Южная и Центральная Америки прошли путь от проектов УНАСУР до СЕЛАК и не собираются на этом останавливаться. Боливарианская альтернатива в скором времени может создать серьезную угрозу присутствия США

и их союзников в этом регионе. Ряд американских баз уже закрыто, Аргентина добивается признания права на Мальдивские (Фолклендские) острова, и находит в этом поддержку у своих соседей.

Возвращаясь к московскому мероприятию, отметим, что в нем приняло участие более двухсот человек, представляющих академическое и исследовательское сообщества, бизнес-структуры, дипломатический корпус, СМИ из различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Уникальный пул позволил коллегам не только обменяться мнениями в области наук, но и установить контакты для возможного сотрудничества и взаимодействия в будущем. На пленарном заседании о своем видении многополярного мироустройства рассказали представители посольств Кубы, Венесуэлы и Ирана. В той или иной мере, речи дипломатов были обращены и к России. Если советник Посольства Кубы Александр Симанхас цитировал поэта, философа и революционера Хосе Марти, говоря, что России суждено исполнить особую миссию, которая повлияет на все народы мира, его коллега из Посольства Боливарианской Республики министр-советник Венесуэла Хогнис Хесус Мартинес Нуньес упомянул энергетическую составляющую в контексте политических усилий Уго Чавеса и Владимира Путина, а также проводил параллели между интеграционными проектами двух континентов. Первый секретарь Посольства Исламской Республики Иран Сейед Хасем Закери, обратил внимание присутствующих на две основные тенденции в мире — крайний универсализм и релятивизм, который выражается в стремлении сохранить культурное разнообразие. Господин Закери сказал, что «мы, как и все евразийцы, считаем, что каждая из существующих в мире религий и верований является частью общего наследия человечества, и несмотря на то, что наиболее важными среди них мы считаем авраамические религии, мы подчеркиваем необходимость защиты всех религий». По его мнению, «большинство проблем и трудностей западной материалистической культуры коренится в отсутствии внимания к природе человека и взглядах на мир, основанных на личной выгоде и поиске удовольствий», под чем, несомненно, подписалось бы большинство граждан России.

Широкую презентацию теории многополярного мира в рамках доклада на пленарном заседании представил лидер международного «Евразийского движения», профессор кафедры социологии международных отношений МГУ им. М.В. Ломоносова Александр Дугин. В этот же день вниманию всех желающих была предложена и его новая книга с таким же названием, где скрупулезно и научно обоснованно были прописаны критические, доктринальные, идеологические, геополитические и культурно-философские аспекты многополярности. Однополярный

момент или беспорядочность, которые начались после распада Советского Союза и самоликвидации двуполусной системы, привели к тому, что мир погрузился в хаос, начались всевозможные кризисы, а США не смогли справиться с этой ношей единоличного мирового господства. Понимая, что необходим совершенно новый тип соуправления мировыми процессами, руководство ряда стран пришло к пониманию необходимости создания альянсов, отражающих интересы всех участников. Так по всей планете начали появляться региональные объединения — ШОС, ОДКБ, БРИКС, УНАСУР и пр. Хотя некоторым из них, не без помощи западных стран, имеющих многовековой опыт колониализма, так и не удалось реализоваться. Мечта Муаммара Каддафи об Африканском Союзе была похоронена вместе с ним. Крайне затруднительным видится и реальная возможность создания панарабского объединения, хотя раньше такие идеи серьезно обсуждались лидерами стран Ближнего Востока и Северной Африки. Создается впечатление, что определенные политические силы не хотят, чтобы подобные объединения появились на карте мира, так как по ряду причин противоречат их интересам. Современные исследователи, критикующие неолиберальную капиталистическую модель устройства вспоминают старый принцип *divide et impera* (разделяй и властвуй) и говорят о неокOLONIALНОЙ политике развитых стран. Если же судить о центрах (полюсах) силы, то очевидно, что сейчас ни одно государство, даже США, не сможет таким являться. Отсюда понятны усилия Белого дома по скорейшей интеграции с ЕС по принципу евроатлантического единства и всевозможные проекты по региональной безопасности со своими сателлитами — от Саудовской Аравии на Ближнем Востоке, до Южной Кореи и Японии в тихоокеанском регионе. Но, как мы видим, и действия гипотетических центров могут быть разными, — Совет безопасности ООН имеет совсем иные полномочия, чем, скажем G20. Следовательно БРИКС в будущем будет представлять одно направление, а ШОС несколько иное. Аналогично, в Латинской Америке — АЛБА, УНАСУР и СЕЛАК работают по разным интеграционным векторам. Следовательно, многополярность формируется на разных уровнях, пронизывает различные сферы и имеет отличную в разных формациях глубину и скорость процессов.

Можно поговорить и о необходимости выработки терминологического аппарата для новой парадигмы международных отношений. Несмотря на то, что ряд слов иностранного происхождения давно используется в привычном понимании, их тщательный анализ позволяет выявить некую однонаправленность и ангажированность, что указывает на односторонние усилия по созданию культурно-интеллектуального превосходства. Впрочем, Антонио Грамши, уже давно говорил

о культурной гегемонии, а Эдвард Саид превосходно описал уловки Британии и США по созданию дискурса зависимости в своей книге «Ориентализм». Например, слово «цивилизация» сейчас обычно применяется: 1) для обозначения больших пространственных массивов, на которых в определенную эпоху народы формировали свою культуру и проводили политику (например, египетская цивилизация); 2) превосходную форму человеческого общества, под которой обычно понимаются западные страны с их технологическими и научными достижениями и мировоззрением (отсюда — выражение «цивилизированный мир», подразумевающий неоспоримое первенство Запада в вопросах политики, в том числе распределения благ). Тем не менее, если деконструировать этот термин с английского языка, то по своим орфографическим особенностям он должен в первую очередь означать процесс или состояние, а корни термина уходят к эпохе римского владычества в Европе. В свою очередь, латинский термин был связан с комплексом гражданства и права (т.е. подданства или отношения к власти, распространявшейся на определенную территорию). Но об этом часто забывается, и говорится о сугубо западноевропейской позитивистской точке зрения. Между тем немецкий социолог Норберт Элиас, основавший направление фигуративной социологии, еще в 30-е гг. прошлого столетия предложил концепцию цивилизации как процесса, показав на культурные особенности, дихотомию сословий и разделение по принципу прогресса и отсталости, на что, несомненно, влияла матрица эпохи Просвещения. А основатель евразийства Петр Савицкий говорил о месторазвитии народов, введя этот неологизм в корпус текстов по отечественной политологии. Можно продолжить современным неприятием нашего общества различных терминов типа «толерантность», хотя Лев Гумилев предложил довольно адекватное определение дружбы и симпатии между народами — «комплементарность».

Хотя найдется много критиков такого подхода, которые заявят о том, что незачем переосмыслять принятую терминологию, в исторические периоды неоднократно бывало, что, получив политическую окраску, устойчивые выражения тут же стали означать нечто иное. Так было с «большевиками», «советами», «левыми» и «правыми», занимавшими определенную позицию в английском парламенте по отношению к председателю, и другими феноменами внутренней политики и международных отношений в самых различных странах.

Как было указано на пленарном заседании Александром Дугиным, для выработки рабочей версии теории многополярного мира еще потребуется не раз многим ученым и экспертам из разных стран собираться, дискутировать и обсуждать новый путь развития, так как слишком

много противоречий накопилось за время влияния неолиберальной (и марксистской) мысли. Во время идеологического противостояния СССР-США были не учтены многие особенности, — этнологические, психологические, религиозные, культурные и пр., которые представляют собой неотъемлемую часть человеческого бытия и не могут быть сведены к животным инстинктам или предрассудкам. Короткое торжество либерализма еще более усугубило эту ситуацию, хотя яростная атака неолиберальных реформ по всему миру, несмотря на свои разрушительные последствия, привела к обратному результату, — многие народы осознали пагубность и бесперспективность этого пути развития. Народными бунтами в Мексике и Боливии, антиглобалистским движением в США и Западной Европе, — везде по-разному, но мир все-таки отреагировал на попытку установления однополярного мирового порядка с господством транснациональных корпораций и тотальным контролем. Хотя эти попытки продолжаются и поныне, пусть в иных формах, подкрепленные пакетами договоров и ограничений (как в случае работы ВТО или действия Всемирного банка и Международного валютного фонда в развивающихся странах), параллельно вызревает новая сеть международных отношений, которая постепенно все больше и больше набирает легитимность. Африканские страны, измученные гнетом неокolonизализма, аплодируют саммитам БРИКС, считая этот блок основой своего будущего спасения от хищных когтей бывших-нынешних колонизаторов. Ряд европейских стран, попав в кабалу Франции и Германии, надеется на будущее возрождение России, что по их мнению будет означать устойчивое благосостояние. Речь идет не только о странах бывшего Советского Союза, но и прагматиках из числа западного лагеря, для которых есть интерес как в энергоресурсах из России, так и возможное научно-техническое сотрудничество в разных отраслях и будущий рынок сбыта, расширенный за счет Таможенного Союза. В одной из своих недавних статей, опубликованной в индонезийском журнале, глава МИД РФ Сергей Лавров упомянул и азиатско-тихоокеанский регион в качестве локомотива глобального развития, где «формируется новое полицентричное мироустройство».

По замыслу евразийцев грядущая многополярность должна будет преодолеть позитивистский подход в существующих теориях международных отношений, построенный на взаимодействии государств-наций. Есть ряд контуров, намеченных С. Хантингтоном, которые он описал в своей работе «Столкновение цивилизаций». Хотя они приблизительны и субъективны, однозначно можно сказать, что различные общества объединяются в более широкие коалиции на основе культурно-ценностной платформы, что позволяет видеть в них будущие полюсы международных

отношений. Немецкий юрист и геополитики Карл Шмитт в свое время ввел такое понятие как «Большое пространство» (GrossRaum), рассматривая его с точки зрения правовой теории. Такие большие пространства, консолидированные по ряду признаков, вполне могут стать будущими центрами силы и власти. Теоретически на евразийском континенте их может быть несколько — Европейский Союз, Евразийский Союз, объединивший Россию и другие страны, Китай и Индия, также избравшие курс на многополярность (а в неопределенном будущем — их объединение с другими восточно-азиатскими странами в единый блок), арабский альянс, умышленно раскальываемый сейчас внешними игроками... Объединенная Европа позже может войти в Евразийский Союз, создав, таким образом, Империю тысячи флагов от Дублина до Владивостока. С другой стороны, учитывая общую англо-саксонскую традицию и возможности современных коммуникаций, Евроатлантика (ЕС + США) может стать отдельным полюсом, отрезанная где-то в районе Карпатских гор. Но пока все это только гипотезы, такие же, как G2 или Chimerica (Китай + США), Chindia (Индия + Китай), Евросибирь, и многие другие, со своими обоснованиями и характеристиками. И не обязательно должно произойти «столкновение цивилизаций» по Хантингтону, где есть разделения по религиозному или культурно-этническому признаку. Границы — это не только линии разделения, но и сближения, а конфликты не обязательно должны носить негативный и разрушительный характер.

Далее, за терминологическим аппаратом будет необходима выработка правовых основ, адаптации торговых механизмов и финансовых схем, а также реформатирование силовой составляющей для защиты от внешних угроз и обеспечения внутренней безопасности. Учитывая не очень радужные прогнозы, связанные с состоянием планеты — это демографические взрывы, возможные эпидемии и катаклизмы, распространение экстремизма в различных формах, борьба за энергоресурсы, а также особенность местоположения России (географическая ось истории по Макиндеру) с ее природными богатствами, вопрос институционализации доктрины многополярности предстает в свете острой политической необходимости. Евразийский Союз, о котором было заявлено руководством страны в конце прошлого года, пока только обозначен как экономический проект, призванный улучшить жизнь граждан России, Беларуси, Казахстана и других постсоветских республик. Хотя такая постановка имеет рациональный характер, что подтверждалось историческими прецедентами, начиная с идей Фридриха Листа, лишь экономической составляющей нельзя будет ограничиться. Различные коряги модерна с западным универсализмом и индивидуализмом придется еще

выкорчевывать, а болотную жижу постмодерна с провальными проектами мультикультурализма, псевдоидентичности и трансгуманизма осушивать, при этом воссоздавая традиционные механизмы взаимодействия в ряде областей и осваивая новый международный инструментарий.

К тому же не менее актуальным является и вопрос деятельности ряда надправительственных и международных организаций. Будет ли реформированная ООН своего рода арбитром и дополнительным полюсом для выяснения возможных противоречий или исчезнет за ненадобностью (в самом названии Организации Объединенных Наций уже заложен модернистский штамп), что будет с различными конвенциями и какую роль будут играть иные структуры типа Международного уголовного суда? Пока все эти вопросы предстоит поднимать как на государственных уровнях, так и по линии различных международных организаций и проектов.

Практические аспекты, связанные с освобождением от зависимости мирового гегемона, не менее важны. Презентация международной сетевой организации «Глобальный революционный альянс», прошедшая в рамках конференции, относится именно к этому сектору деятельности. Активисты из США, Польши, Италии и России, собравшиеся в Москве, рассказали, как и почему они объединились для своей борьбы. Радикальные экологи, сторонники традиционных верований, американские изоляционисты, европейские националисты, жители Азии и Африки, с непохожими взглядами на социально-политическое устройство своих государств едины в одном — то устройство, которое навязывает политико-финансовая элита США как своим гражданам, так и всему остальному миру, не подходит для народов Земли и угрожает самому существованию. Если в Северной Америке и Западной Европы адепты этого Альянса проводят акции в духе «Оккупируй Уолл-Стрит» и требуют вывода военных баз США со своей территории, то в Восточной Европе, арабских странах и России вектор несколько иной. Финансовый кризис, лицемерие политических элит, отсутствие креативного мышления у руководства стран развитого капитализма вынуждает народы этих держав делать революцию снизу. Можно назвать новое движение Антиглобализм 2.0, так как первоначальная версия, рожденная в уличных битвах Сиэттла, Праги, Давоса, а также сельвах мексиканского штата Чиapas саморазрушилась, во многом, как раз, из-за ангажированности в революционный троцкизм, имеющий заведомо оппортунистический характер.

Следовательно, эффективность Глобального Революционного Альянса напрямую связана с вопросом политической теории, иной от предыдущих и отвергающей идеи классовой борьбы, либеральных прав

и свобод для немногих, а также государства-корпорации. Неслучайно профессор кафедры социологии международных отношений и лидер «Евразийского движения» Александр Дугин еще в 2008 г. ввел в оборот термин «Четвертая политическая теория», которая, как и теория многополярного мира пока только вырабатывается, отшлифовывается, проходит проверку на практике и постепенно доказывает свою эффективность.

Леонид Савин

Сведения об авторах

Корбетт, Джеймс (James Corbett) — независимый журналист и политический обозреватель (США).

Кузнецов Александр Андреевич — кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии РГТЭУ, г. Москва.

Мамедов Агамали Куламович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Рабинович, Итамар (Itamar Rabinovich) — бывший посол Израиля в США (1993-1996), сотрудник Университета Тель-Авива и Brookings Institution.

Риверо Койадо, Карлос (Carlos Rivero Collado) — латиноамериканский политический публицист.

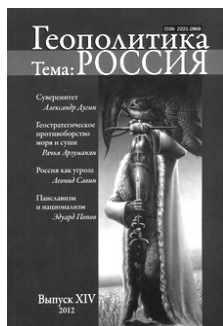
Савин Леонид Владимирович — главный редактор журнала «Геополитика» и информационно-аналитического портала Геополитика.Ру

Хаддад, Риад — Чрезвычайный и Полномочный Посол Сирийской Арабской Республики в Российской Федерации.

Хан, Джунид (Jooneed Khan) — журналист, автор книги Diego Garcia: the Militarization of an Island.

Якушина Ольга Ивановна — студентка 5 курса кафедры социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Геополитика № 14. Россия



СОДЕРЖАНИЕ

Суверенитет	4
<i>Дугин А.Г.</i>	
Геостратегический контекст противоборства морских и континентальных держав	10
<i>Рачья Арзуманян</i>	
Россия как угроза	17
<i>Савин Л.В.</i>	
Панславизм и национализм в русской консервативной мысли: исторический аспект и геополитическая актуализация. К постановке проблемы	25
<i>Эдуард Попов</i>	
Россия и НАТО: партнеры с оговоркой	31
<i>Дмитрий Данилов</i>	
Дальний Восток в тихоокеанской стратегии России	36
<i>Иван Золотухин</i>	
Превратится ли постсоветский Кавказ в периферию «Большого Ближнего Востока»?	42
<i>Андрей Арешев</i>	
Региональная интеграция как стратегия России для Центральной Азии	51
<i>Дмитрий Попов</i>	
Геополитическое измерение Европейской Политики Добрососедства	65
<i>Марчин Домагала</i>	
Рецензии	87
Сведения об авторах	93

Все выпуски можно приобрести в редакции
или заказать подписку.
Подробности: geopolitika.ru@gmail.com

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XIV, 2012. — 110 стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных
Отношений Социологического факультета
МГУ им М.В. Ломоносова.

© — авторы.

Адрес редакции:

РФ, 115432 г. Москва, Варшавское шоссе д.1 — 1/2,
W Plaza, оф. А 308
Тел./Факс (495) 783 68 66
Geopolitika.ru@gmail.com
www.geopolitika.ru

Подписано в печать 3 мая 2012 г.